

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 28

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1977

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

Х Р О Н И К А ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 28

ОКТАБРЬ-ДЕКАБРЬ 1977

ГОД ИЗДАНИЯ – ПЯТЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе
Редакционная коллегия: Эдвард Клайн
Павел Литвинов
Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

*"Хроника защиты прав в СССР" не занимает политически
мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок
по поводу описываемых событий.*

*Издательство не принимает пожертвований от государственных
и политических организаций.*

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE
Editorial Board: EDWARD KLINE, New York
PAVEL LITVINOV, New York
London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1978 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Сообщения	4
Заявление Ковалева	5
Обращение Сахарова	6
Сахаров о смертной казни	9
Голодовка Осипова	13
Светличный о лагерной медицинской помощи	15
Пример национальной дискриминации	18
Письмо Хейфеца	19
Политзаключенные — президенту Картеру	21

* * *

<i>Г. Владимов</i> . В правление Союза писателей	29
Из доклада президента США Комиссии конгресса по безопасности и сотрудничеству в Европе	32
<i>Л. Алексеева</i> . Второе Сахаровское слушание	42
<i>К. Любарский</i> . Заключенный против тюрьмы	47
<i>Ю. Вознесенская</i> . Будни пересыльной тюрьмы	50
Хроника "Архипелага ГУЛаг"	55

Некролог

Александр Галич	61
---------------------------	----

Personalia

<i>Л. Алексеева</i> . Мальва Ланда	63
--	----

Юридический комментарий

<i>В. Чалидзе</i> . Права человека в новой Конституции	67
--	----

Из прошлого

Хрущев о правах человека (публикация В. Чалидзе)	81
--	----

Библиография

Новые книги издательства "Хроника"	88
Поступления Самиздата	88
Указатель имен к выпускам 25-28	97

СООБЩЕНИЯ

Арестованы

На Украине:

Член Украинской группы "Хельсинки", бывший политзаключенный Лев Лукьяненко.

В Грузии:

Член Грузинской группы "Хельсинки" Виктор Рцхиладзе, освобожденный ранее из-под стражи в связи с болезнью.

Бывшая политзаключенная Валентина Пайлодзе.

В Армении:

Члены Армянской группы "Хельсинки" Роберт Назарян, Шаген Арутюнян и бывший политзаключенный Амбарцум Хлгатын.

Освобождены

Мустафа Джемитев (в декабре).

Андрей Твердохлебов (в январе 1978 г.).

Юрий Белов — из Красноярской психиатрической больницы.

Покинули СССР

Известный адвокат Дина Каминская, неоднократно защищавшая на суде обвиняемых по политическим статьям, и ее муж — юрист Константин Симес.

Известная деятельница правозащитного движения Татьяна Ходорович.

Писатель Марк Поповский.

* * *

♦ Арестованные ранее члены Грузинской группы "Хельсинки" З. Гамсахурдиа и М. Костава находились на психиатрической экспертизе в Институте им. Сербского. Результат экспертизы неизвестен.

♦ Александру Подрабинеку власти настоятельно предлагали покинуть СССР. Он отказался. Александр Подрабинец — член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР, автор книги "Карательная медицина" (готовится к изданию в США).

♦ За отказ от дачи показаний по делу А. Гинзбурга на 6 месяцев исправительно-трудовых работ осуждены Светлана Павленкова и бывшие политзаключенные Леонид Бородин и Владислав Узлов.

*В Президиум Верховного Совета СССР
от з/к Ковалева*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Завтра в Белграде ваши представители начнут привычно лгать, чтобы спрятать ваши преступления. Завтра они снова начнут обвинять других — все с той же целью.

А послезавтра другие люди, тоже представляющие вас, но не там, снаружи, а здесь, внутри, столь же привычно за мысль, за слово уберут в тюрьму новых свидетелей ваших преступлений — заставить замолчать хоть на время, объявят уголовниками — запачкать, подорвать доверие. И послушные инженеры человеческих душ на цирлах разнесут пустые, грязные сплетни по необъятным тиражам макулатуры — растлить неопытных, несведущих, слабых, вырастить вам соучастников.

Так вчера убрали и оклеветали многих — и меня.

Нет, это все не ново. К счастью, все это нельзя скрыть, совсем не трудно видеть и доказать, да не с вами надлежит говорить об этом — вы ведаете, что творите. Не в ваших силах изменить ваш путь — попытки скрыть преступления никогда не рожают ничего, кроме новых преступлений.

И я отвечаю на обычные ваши преступления и обычную вашу ложь тоже обычным зековским способом — этим заявлением и голодовкой.

3 октября 1977 г.

Ковалев

*Парламентам всех стран, подписавших Заклю-
чительный Акт конференции в Хельсинки*

ОБРАЩЕНИЕ

2 года назад подписан Заключительный Акт конференции в Хельсинки. Его историческое значение — провозглашение неразрывной связи международной безопасности и открытости общества, т. е. свободы передвижения людей через государственные границы, свободы информационного обмена, свободы убеждений.

Готов ли Запад защищать эти высокие и жизненно важные принципы? Или он готов постепенно и поэтапно, втихомолку принять ту трактовку принципов Хельсинки и разрядки в целом, которую стремятся навязать руководители СССР и Восточной Европы?

Что принципы Хельсинки придется защищать, было ясно с самого начала. Советские и восточноевропейские представители всегда пытались нейтрализовать гуманитарные статьи Соглашения в Хельсинки ссылками на принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Эти ссылки на самом деле неуместны, противоречат Уставу ООН, пактам и декларациям о правах и самому Акту, когда речь идет о нарушениях прав человека, принятых международных норм гражданских свобод, открытости общества.

В то же время СССР и другие социалистические страны считают допустимой самую беспардонную кампанию по поводу реальных или мнимых нарушений прав человека на Западе.

Такое одностороннее понимание разрядки не ограничивается словами (я пишу при этом только о том, что имеет отношение к правам человека). Каждый человек, отбывающий заключение в аду современного ГУЛаг'а за свои убеждения и критические высказывания, каждая жертва политических психиатрических репрессий, каждый не получивший разрешения на эмиграцию

или поездку — это прямое нарушение соглашений в Хельсинки.

Я напоминаю тут о преследованиях за религиозную деятельность, об отказе на эмиграцию пятидесятникам и баптистам, многим немцам и евреям, людям других национальностей, о репрессированных за их гуманную и законную деятельность Ковалеве, Глузмани, Винсе, Романюке, Солдатове, Огурцове, Семеновой, Сергиенко, Кийренде, Осипове, Суперфине, Гаяускасе, Черноволе, Рубане и сотнях других; я напоминаю о страдающих за попытку покинуть страну. Чрезвычайно тревожный факт — репрессии за сбор и публикацию материалов о нарушениях гуманитарных статей соглашения в Хельсинки, за организацию групп содействия выполнению соглашения в Хельсинки и членство в них.

Чудовищно жестокие приговоры Руденко и Тихому, вынесенные при нарушении гласности и права на защиту, арест Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Мариновича, Матусевича, Гамсахурдии, Коставы, Сереброва, Пяткуса, ссылка М. Ланды — не просто очередное нарушение права на свободу убеждений, а вызывающий акт со стороны советских властей, испытание твердости Запада в защите провозглашенных в Хельсинки принципов. Игнорировать этот вызов означало бы тихую капитуляцию перед шантажом. Вероятно, не нужно пояснять, что это имело бы далеко идущие негативные последствия во всех без исключения аспектах взаимоотношений Востока и Запада, в том числе в основных вопросах международной безопасности.

Я считаю, что парламенты западных стран должны настаивать на таких инструкциях делегациям на открывающемся в Белграде совещании, которые исключили бы подобную капитуляцию. Необходимо настаивать на немедленном освобождении осужденных и арестованных за критику, на пересмотре несправедливых приговоров (включая приговоры Руденко и Тихому), на облегчении эмиграции и поездок, на свободной продаже издаваемых за рубежом книг, газет и журналов — в качестве условия успешного проведения и завершения Белградской конференции.

Я особо обращаюсь к конгрессу США. Президент США, опираясь на огромную мощь и влияние этой страны, опираясь на ясно выраженную волю и традиции свободолюбивого народа, провозгласил защиту прав человека во всем мире моральной основой

политики США. Сейчас необходимо активно поддержать эти принципы.

Сейчас мы переживаем такой момент истории, когда решительная поддержка принципов свободы убеждений, открытости общества, прав человека является абсолютной необходимостью. Альтернатива — капитуляция перед тоталитаризмом, потеря всех ценностей свободы, политическая, экономическая и нравственная деградация.

Сегодня Запад, его политические и идеологические руководители, его честный и свободный народ могут не допустить этого.

3 октября 1977 г.

*Андрей Сахаров, лауреат
Нобелевской премии Мира*

ПОПРАВКА К "ХРОНИКЕ ЗАЩИТЫ" 27

К стр. 39. Резолюция, принятая на Конгрессе психиатров в Гонолулу, была внесена не английским Королевским Колледжем Психиатров, а Королевским Колледжем Психиатров Австралии и Новой Зеландии.

ПИСЬМО В ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СИМПОЗИУМА ПО ПРОБЛЕМЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Я благодарен за приглашение принять участие в симпозиуме, посвященном давно волнующему меня вопросу о необходимости отмены смертной казни. Я не могу приехать и прошу считать это письмо заменой выступления.

Я полностью поддерживаю основные аргументы, выдвигаемые противниками смертной казни.

Я считаю смертную казнь жестоким и безнравственным институтом, подрывающим нравственные и правовые устои общества. Государство, в лице своих чиновников, как все люди, склонные к поверхностным выводам, как все люди, подверженные влияниям, связям, предрассудкам и эгоцентрической мотивации поведения, — присваивает себе право на самое страшное и абсолютно необратимое действие: лишение жизни. Такое государство не может рассчитывать на улучшение нравственной атмосферы в стране. Я отрицаю сколько-нибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Я уверен в обратном — жестокость порождает жестокость.

Я отрицаю практическую необходимость и эффективность смертной казни как средства защиты общества. Необходимая в некоторых случаях временная изоляция преступников должна осуществляться более гуманными, более гибкими мерами, допускающими корректировку в случае судебной ошибки или изменений в обществе или в личности преступника.

Я убежден, что общество в целом и каждый его член в отдельности, а не только те, кто предстает перед судом, несут ответственность за происходящие преступления. У задачи уменьшения и ликвидации преступности нет простых решений, и во всяком случае не смертная казнь является таким решением. Только длительная эволюция общества, общий гуманистический подъем, воспитывающий в людях глубокое преклонение перед жизнью и человеческим разумом, и большее внимание к трудностям и проблемам ближнего могут привести в будущем к снижению

преступности и даже полной ее ликвидации. Такое гуманное общество сейчас не более чем мечта, и только акты проявления гуманности сегодня создадут надежду на возможность ее осуществления в будущем.

Я считаю, что принципиальная важность полной отмены смертной казни дает основания не рассматривать те возражения сторонников ее сохранения, которые основываются на частных, исключительных случаях.

Еще в детстве я с содроганием читал замечательный сборник "Против смертной казни", изданный в России в 1906-1907 гг., в годы послереволюционных казней. (Изд. Сытина, с участием моего деда И.Н. Сахарова.) Я знаю страстные высказывания писателей — Л. Толстого, Достоевского, Гюго, Короленко, Розанова, Андреева и многих других. Из упомянутого сборника я знаю аргументацию ряда ученых — Баженова (психология казнимых), Соловьева, Гернета, Гольдовского, Давыдова и др. Я разделяю их убежденность в том, что смертная казнь по своему психологическому ужасу несоизмерима с большинством преступлений и что поэтому она никогда не является справедливым возмездием, наказанием. Да и о каком наказании может идти речь по отношению к человеку, который перестает существовать. Так же, как они, я убежден, что смертная казнь не имеет моральных и практических оправданий и представляет собой пережиток варварских обычаев мести. Мести, осуществляемой хладнокровно и обдуманно, без личной опасности для палачей и без аффекта у судей, и поэтому особенно позорной и отвратительной.

Кратко останавлиюсь на часто обсуждаемом сейчас вопросе о терроризме. Я считаю совершенно неэффективной смертную казнь для борьбы с терроризмом и другими политическими преступлениями, совершаемыми из фанатических убеждений, — в этом случае смертная казнь является только катализатором более массового психоза беззакония, мести и жестокости. Сказанное не значит, что я в какой-то мере оправдываю современный политический терроризм, сопровождающийся часто гибелью не причастных, случайных людей, взятием заложников, в том числе детей, и другими ужасными преступлениями. Но я убежден, что тюремное заключение, быть может, с принятием закона, запрещающего в установленных судом случаях досрочное освобождение, является более разумным для физической и психоло-

гической изоляции террористов, для предупреждения дальнейших актов террора.

Особенно важна отмена смертной казни в такой стране, как наша, с неограниченным господством государственной власти и бесконтрольной бюрократии, с широко распространенным пренебрежением к закону и моральным ценностям. Вы знаете о десятилетиях массовых казней невинных, которые осуществлялись без какого-либо подобия правосудия (а еще большее число людей погибло вообще без судебного приговора). Мы все еще живем в созданной этой эпохой нравственной атмосфере.

Я особо хочу обратить Ваше внимание на то, что в СССР смертная казнь назначается за многие преступления, никак не связанные с покушением на человеческую жизнь. Многим памятно, например, дело Рокотова и Файбишенко, обвиненных в 1961 г. в подпольной торговле драгоценностями и незаконных валютных операциях. Президиум Верховного Совета принял тогда закон, предусматривающий смертную казнь за крупные имущественные преступления, когда они уже были присуждены к тюремному заключению. Состоялся новый суд, и задним числом — что нарушает важнейший юридический принцип — их приговорили к смерти. А затем по этому и аналогичным законам были осуждены многие, в частности за частнопредпринимательскую деятельность, за организацию артелей и т. п. В 1962 г. был расстрелян старик, изготовивший несколько фальшивых монет и зарывший их во дворе.

Общее число смертных казней в СССР неизвестно — эти данные засекречены, но есть основания предполагать, что оно составляет сейчас несколько сот человек в год, т. е. больше, чем в большинстве других стран, где еще существует этот варварский институт. Есть и другие особенности нашей современной действительности, которые имеют отношение к обсуждаемой проблеме. Это удручающе низкий культурный и нравственный уровень нашего теперешнего уголовного правосудия, его зависимость от государства, а часто — коррупция, взяточничество и зависимость от местного "начальства". Я получаю огромное количество писем от осужденных по уголовным делам. Хотя я не могу проверить эти дела в каждом конкретном случае, но в своей совокупности они создают неоспоримую и ужасную картину беззакония и бесправия, поверхностного и предвзятого разбира-

тельства, невозможности добиться пересмотра явно ошибочных или сомнительных приговоров, избиений на допросах. Среди этих дел есть и связанные со смертными приговорами. Вот одно из них. Передо мной копия приговора Рафкату Шаймухамедову, документы, составленные адвокатом, письма матери. Рабочий, татарин по национальности, Шаймухамедов приговорен к расстрелу 31 мая 1974 г. в Иссык-Куле по обвинению в убийстве с целью грабежа продавщицы магазина в соучастии с двумя другими молодыми людьми (приговоренными тогда же к нескольким годам заключения). Шаймухамедов, отрицая свою виновность, отказался просить о помиловании и объявил голодовку. 20 месяцев он провел в камере смертников, ожидая или казни, или пересмотра дела. За это время мать и адвокаты направили десятки жалоб, но все вышестоящие инстанции безо всякого рассмотрения возвращали их обратно. В январе 1976 г. приговор был приведен в исполнение с санкции зам. прокурора СССР Малярова. Приговор Шаймухамедову поразителен своей безграмотностью в прямом и юридическом смыслах, бездоказательностью и противоречивостью. Из жалоб адвокатов и из письма матери выявляется еще более впечатляющая картина. Не доказано присутствие осужденного на месте преступления. Игнорируются все противоречащие версии обвинения показания свидетелей, а также данные экспертизы (согласно которой группа крови потерпевшей не совпадает с группой крови в пятне на одежде Шаймухамедова). В письме матери утверждается, что причина такой пристрастности — корыстная заинтересованность двух прокуроров (Бекбоева и Клешина); она рассказывает о сценах вымогательства, о взятке, полученной от другого обвиняемого, о фабрикации — уже после расстрела Рафката — уголовного дела против второго сына с той же целью вымогательства. Я не могу проверить этих сообщений, но мне ясно главное — с какой легкостью и отсутствием аргументации вынесен смертный приговор, как легко такое страшное дело становится рутинной.

Я так подробно остановился на этом деле потому, что в нем, как мне кажется, наглядно отразился весь ужас смертной казни и ее разрушающее влияние на общество.

Я надеюсь, что симпозиум внесет вклад в благородные усилия многих поколений, направленные на полную отмену смертной казни во всем мире.

19 сентября 1977 г.

Андрей Сахаров, лауреат Нобелевской премии Мира

ГОЛОДОВКА ОСИПОВА

В "Международную Амнистию"

Мой муж, Осипов Владимир Николаевич, арестованный три года тому назад и приговоренный к 8 годам лагерей строгого режима за издание независимых журналов "Вече" и "Земля", в апреле этого года объявил десятидневную голодовку в поддержку Белградского совещания. Еще девять политзаключенных поддержали Владимира Осипова, продлив голодовку до ста дней. Вот имена всех участников голодовки: В. Осипов, С. Солдатов, М. Хейфец, В. Черновол, М. Равиньш, П. Айрикян, Р. Маркосян, Б. Шакиров, Н. Будулак-Шарыгин, А. Юскевич.

Мой муж и поддержавшие его узники совести ставили своей целью привлечь внимание Белградского совещания к положению политзаключенных в СССР, которые, как известно, находятся на унижительном статусе уголовных преступников, на тяжелом режиме, недостаточном питании, без доступа информации, без книг, без права общения со своими друзьями и корреспондентами каких бы то ни было изданий.

Все перечисленные здесь узники совести, точно так же как и сотни других политзаключенных, томящихся в лагерях и тюрьмах СССР, получили длительные сроки заключения единственно за то, что дерзнули воспользоваться своим человеческим и гражданским правом "получать и распространять информацию и идеи любым способом и независимо от государственных границ" (ст. 19 Декларации прав человека).

За объявление голодовки мой муж Владимир Осипов 24 мая этого года был помещен в лагерную тюрьму на шестимесячный срок, то есть на еще более жестокий режим. Однако через месяц администрация тюрьмы вынуждена была поместить заключенного Осипова в лагерную больницу по причине обнаружения у него легочного заболевания. Официальный диагноз — воспаление легких. В продолжение двухмесячного пребывания в больнице и до сего дня заметного улучшения в состоянии здоровья не наступило. Свидания с ним мне не дали, передачу не приняли. Остальные участники голодовки также заключены на различные сроки в лагерную тюрьму.

Из собственного своего многолетнего опыта узницы совести мне хорошо известно, что значит любая жертвенная акция в стенах советской тюрьмы для каждого участника такой акции. Тебя не только посадят на полгода на хлеб и воду, не только лишат писем, свиданий, теплой одежды и свежего воздуха, тебе будут мстить все время, пока ты находишься в их руках, и использовать любой повод для возобновления твоих мучений. Мир должен знать, что, когда наш бесправный политический заключенный напрягает свой голос до того надрывного шепота, который едва уловим свободным ухом, в этом голосе — живая отторженная ткань сердца, легких, мозга, плоти и крови человеческой.

Я прошу Вас, ответственных чинов организации "Международная Амнистия", довести до сведения всех участников заключительного Хельсинкского совещания в Белграде жертвенную акцию десяти политзаключенных, предпринятую в поддержку этого совещания и во имя торжества на нем бескомпромиссного духа поддержки и защиты права всех граждан СССР на свободу мысли, слова и совести.

Валентина Машкова

Адрес: 249810 Калужская обл., г. Таруса, ул. Ленина 34, кв. 1
Адрес десяти узников: (особый индекс для заграницы — Москва, 5110/1 — ЖХ) 431170 Мордовская АССР, пос. Лесной, учр. ЖХ-385/19.

И. Светличный

О ЛАГЕРНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Генеральному Прокурору СССР

В конце прошлого года я был поставлен в критическую ситуацию: администрация учр. ВС-389/35, в котором я тогда находился, потребовала от меня выполнения обязанностей компрессорщика, а когда я, инвалид с серьезными ранениями обеих рук, с повышенным давлением, со спазмами головных сосудов, не смог этого сделать, на меня обрушили шквал наказаний всех видов; и только после того, как я дважды обращался по этому поводу с заявлениями на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, ситуация разрядилась и мне предоставили посильную работу. Но вот 1 апреля сего года меня перевели в учр. ВС-389/36, и все началось сначала. Назначенный врачами учр. ВС-389/35 курс лечения сразу же прекратили, хотя я принял его только наполовину, и в эффективной медицинской помощи мне отказали по причине отсутствия необходимых лекарственных средств. Меня назначили рабочим банно-прачечного заведения, хотя по состоянию здоровья мне выполнять эту работу трудно и в учр. ВС-389/35, когда мое состояние было много лучше нынешнего, меня от этой работы освободили по медицинским показаниям. Кроме того, меня изо дня в день принуждают выполнять совершенно непосильную для меня работу — тесать топором и переносить бревна, грузить тяжести, ремонтировать помещения и т. п. — а когда я выполнить приказов не могу, на меня составляют акты и угрожают новыми наказаниями. Этот ежедневный произвол и моральный террор санкционирован врачами, причем санкционирован без осмотра меня и до знакомства с медкартой, в первый день моего прибытия в учр. ВС-389/36. Не будет преувеличением сказать, что состояние медицинской помощи здесь катастрофическое. Отсутствуют элементарные медикаменты. Нет медсестры, и прописываемые уколы вводятся

больным не больше одного раза в день и не каждый день. Из-за такого состояния медицины многие больные, нуждающиеся в медпомощи, даже не обращаются в санчасть. Особая тема — негодная к употреблению вода, гнилая рыба и т. п. моменты, на которые местная медицина не реагирует никак. Считая, что такое положение далее терпимо быть не может, а обращение за помощью в местные и союзные медицинские и советские органы никакой пользы не приносит, прошу Вас поставить вопрос и способствовать тому, чтобы для объективного и беспристрастного изучения дела на месте и для оказания необходимой медицинской помощи заключенным в учр. ВС-389/36 были допущены представители Международного Красного Креста.

8 мая 1977 г.

*Начальнику учреждения ВС-389/36
Журавкову
от з/к Светличного И.А.*

Заявление

Позавчера з/к Коризора Я.И., месяцами дожидавшийся зубного врача, но так и не дождавшийся, в отчаянии сам вырвал плоскогубцами себе два больных зуба. Акт, по-моему, вполне красноречиво характеризует состояние медицины в учреждении ВС-389/36. К сожалению, он не единичен. В таком положении, как Коризора, находятся почти все заключенные вверенного вам учреждения. Если его опыта не повторяют другие, то потому только, что у одних для такой самооперации нет силы воли, в других случаях опыт этот не применим.

К сожалению, в положении человека, не имеющего возможности заняться самолечением, нахожусь и я. А иного выхода, кроме как прибегнуть к примеру Коризоры, я не вижу. 8 июня с. г. я обращался в санчасть с заявлением оказать мне элементарную мед. помощь. Тогда врач Петров сослался на отсутствие необходимых медикаментов, но пообещал, что в ближайшее время медикаменты поступят и эффективная мед. помощь мне будет оказана. Более двух месяцев прошло с того времени, срок для обещанного вполне достаточный. Однако воз и ныне там: ника-

ких медикаментов, необходимых для эффективной помощи, не поступило и никакой эффективной помощи оказано не было.

Сегодня я с утра до вечера тщетно пытался попасть на прием к врачу по поводу почечной колики, однако мне это не удалось: утром доктор спешил куда-то, а вечером не смог принять только потому, что майор Федоров послал санитаря Кактитса в промзону грузить доски и некому было открыть кабинеты санчасти. Врач Петров, конечно, в этом случае не виноват, но о состоянии мед. обслуживания в учреждении это говорит весьма убедительно. Обращаю ваше внимание: это было в понедельник, после двух выходных, когда вообще никакого приема не было. Как я позавидовал Коризоре, имевшему возможность самолечения! Обращаясь к вам с настоящим заявлением, я не прошу помочь мне попасть на прием к врачу Петрову. Этого я рано или поздно добьюсь и сам. И не хотел бы я, чтобы это заявление вы передали врачу Петрову — пользы от этого будет немного: лечить-то нечем. Но неужели вы столь бессильны, что не можете сделать абсолютно ничего? Или это не входит в ваши намерения? А ведь на вас, обладающего здесь определенной полнотой власти, падает и вполне определенная полнота ответственности. Так что же мне делать, гражданин майор? Увы, опыт Коризоры мне не подходит: почка не зубы, и вырвать я ее не могу, так же как не могу удалить подверженные спазмам сосуды головного мозга. И если это единственный способ эффективного лечения в вашем учреждении, называйте вещи своими именами... Вашей целью является причинение физических страданий заключенным, что вы и делаете весьма успешно.

29 августа 1977 г.

Теряющий всякую поддержку
И. Светличный

ПРИМЕР НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Пятрас Плумпа – начальнику лагеря № 36 Журавкову

Считаю необходимым информировать администрацию лагеря ВС-389/36 в следующем: вечером 5 июня 1977 г. в воскресенье я читал католический молитвенник. В то время подошел дежурный капитан Рак, взял у меня молитвенник и спросил: "Что это такое?" Я ответил, что это литовские молитвы. Капитан Рак потребовал, чтобы я подробнее объяснил, что это за молитвы. На это я сказал, что более подробное объяснение могу сделать на следующий день, хотя сомневаюсь в целесообразности такого объяснения, так как оно может оказаться поводом для злопыхательства или богохульства. Капитан Рак тут же объявил, что он отнимает у меня молитвенник и что на меня будет составлен акт за то, что я его (т. е. Рака) обругал. Не понимая, в чем заключается мое "ругательство", я спросил там же сидевшего заключенного П. Лычака, действительно ли я обругал капитана Рака. П. Лычак в присутствии капитана Рака мне ответил: "Нет, вы его не ругали". Следует отметить, что дежурный Рак и раньше составлял на меня ложный акт, примешивая слова, которых я не употреблял. Так, в акте от 26. 12. 76 г. было сказано, что я якобы обзывал капитана Рака "сволочью". Должен сказать, что до сих пор я не знаю значения этого слова, поэтому никогда его не употребляю; если учесть то обстоятельство, что представители лагерной администрации на том основании, что я не достаточно хорошо знаю русский язык, пытаются сфабриковать ложные клеветнические обвинения, и если учесть, что я от своей семьи получаю лишь некоторые написанные по-литовски письма (и то с опозданием в 1-2 месяца) и что на все время лишен возможности иметь с семьей краткосрочные свидания, так как для этого нужно знать русский язык, которого не знают мои дети и жена, — то станет очевидным факт, что я и моя семья являемся жертвами грубейшей национальной дискриминации. Поэтому, учитывая то положение, что я в Россию из моей родной Литвы был привезен насильственно и что Конституция СССР якобы гарантирует всем нациям равные права, и желая в дальнейшем избегать ложных обвинений на языковом основании, я решил, начиная с 6 июня 1977 г., разговаривать с представителями лагерной администрации только на своем родном литовском языке.

6 июня 1977 г.

П. Плумпа

Прим.: У Плумпы был отнят самодельный молитвенник на литовском языке.

Михаил Хейфец

ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ

Сегодня идет 35-й день борьбы за статус политзаключенного. Я отбыл 25 дней в карцере (12 – сутки перерыв – 13). Сегодня меня вызывали на комиссию, которая должна определить меня в лагерную тюрьму – ПКТ. 24.5 туда на 6 мес. отправили В. Осипова. 21 апреля мы стали на статус: сорвали нашивки и не вышли на работу. Мы требовали политической амнистии, а пока ее нет – улучшения режима содержания в концлагерях. Начались угрозы. Высокие чины (полковник и подполковник) угрожали нам, в основном, новым сроком – за организацию лагерных беспорядков. Мы отвечали, что производство работает (сперва стало на статус 5 человек в этой зоне, сейчас – приблизительно 15), каждый действует сам по себе, то есть нет "группы лиц", и т. д. Тогда начались репрессии. Лишили всего, чего можно: права закупки продуктов, посылок, свидания, затем пошли карцеры. Ушаков – 5 суток, Осипов – 6, Шакиров – 7, Солдатов – 10, Хейфец – 12. Перед этим обыск в зоне, забрали все бумаги без акта о конфискации: никаких бумаг, кроме копий приговоров. Карцер – это сырое помещение с обвалившейся штукатуркой, которую забелили, когда нас посадили, с деревянными нарами на цепях. Днем нары запираются к стене. Крохотный столик с 2 или 4 пеньками диаметром 15-18 см, сидеть на них тяжело. Лежим на деревянном полу. Когда-то один из нынешних статусников, Будулак, голодал 18 суток, но добился пола из деревянных досок поверх цементного. Постелей не выдают – кладем под голову тапочки, обернутые носовым платком. Кормят по пониженной норме, то есть совершенно обезжиренным и незаправленным варевом, и то через день. На другой день – хлеб и вода. Соль без ограничения. Запрещают читать. Из камер выводят лишь утром на полчаса – умыться и в уборную. Для дневных и ночных нужд – параша. Хлорной извести не хватает, в камере вонь. Из-за сырости в камере ночью холодно, даже в теплое время года. Полковник Новиков из управления: "На что жалуетесь?" – "Холодно". – "Протопим". На следующий день в наручниках сняли теплое белье и дали трусы и майку Ушакову. Мол, переход на летнюю форму одежды. Раздели Осипова. В ответ Солдатов объявил голодовку, снял и майку. Слегка уступили – дали белье х/б. Очень холодно. Ночи здесь иногда по-осеннему холодные, и тогда раздетому и голодному штрафнику очень тяжело. Если повезет найти газету в туалете – оборачиваются ею под бельем, все теплее. На голод и холод отвечаем предбелградскими голодовками по пустым дням. Хейфец провел 10, Солдатов и Ушаков – по 12 голодовок. У Чорновила их более 20, но он

и первый статусник. Когда мы пришли в ШИЗО, он уже был в ПКТ (помещение камерного типа). Камеры через коридор. В голодовках мы протестовали против ухудшения питания — много ниже регламентированных минимальных норм. Против этапирования с уголовниками, когда политические становятся жертвами террора бандитов и убийц. Протестовали против национальной дискриминации — насильственной депортации с родины, отсутствия условий национальной жизни. Против невозможности творческого труда; насильственных политзанятий; полубесплатного труда без отпусков; против запрещения заводить семью в лагере; против ограничения контактов с семьями (1 свидание в год), то есть фактического разрушения семей и способствования моральному разложению личности; против тайного законодательства, когда нас наказывают за нарушения тайных и служебных инструкций и приказов, не известных з/к, которые неизмеримо утяжеляют действующее законодательство. В ответ администрация решила конфисковать все заявления, в том числе закрытые прокурору, под предлогом употребления нами недопустимых выражений, таких как: политзаключенный, статус, голодовка. С 24 апреля, когда конфисковали наши заявления с соболезнованием армянам по поводу геноцида в подгумецкой Армении в дореволюционные годы, добавилось слово геноцид. Запрещено упоминание имени другого заключенного. Несмотря на все эти тяготы, все веселы. Администрация это не нравится — нечем наказывать. "На вас и ШИЗО не действует". — Солдатов отвечает: "Мы сильнее ШИЗО". Душой изолятора является Чорновил. Переговоры запрещены, но он ежедневно читает нам последние известия. Начальник лагеря Пикулин назвал Чорновила нашим генералом. Славко плохо выглядит — истощен голодом. Подекадно ведет счет предбелградской активности; на 20 мая в ШИЗО и ПКТ отсидено за 1977 год 570 суток (340 ШИЗО и 230 ПКТ), проведено 135 предбелградских голодовок, конфисковано 80 заявлений, всего в среднем каждый день сидело 4 человека. Последнее яркое событие — спасение армянского патриота Маркосяна, получившего за первые 30 дней статуса 25 суток карцера. У него язва желудка, не может оправляться. Дважды его, полумертвого, почти уносили из карцера в санчасть на клизму. Когда его привели в 4-й раз, Славко предложил, и все поддержали: бессрочную голодовку, пока не помогут Маркосяну. До этого 3 дня не приходил врач. Легли в голодовку, пока не выгашат Маркосяна из карцера. Власти цинично торгуются: уговорите его сойти со статуса, иначе на вашей совести будет его смерть. Написали протест с массовой голодовкой против преступления против человечности в день дарования новой Конституции. Заставили отступить. Маркосяна перевели в санчасть. Осипова тут же отправили в ПКТ на 6 месяцев, Чорновила — в ШИЗО на 15 суток. Объявили, что будут изымать все заявления, подобные этим. Жду ПКТ. Мы бодры, нас поддерживает сочувствие зоны и ваша поддержка. Гебисты почти не появляются, но сперва очень сердились на утечку информации Андрею Дмитриевичу Сахарову. 26 мая Хейфецу дали 15 суток ШИЗО, Равиньшу — 8 суток ШИЗО. 3-го июня Маркосяна и Равиньшу отправили на больницу. Солдатов 2-го июня отправили в ШИЗО. На 6-е июня в ШИЗО и ПКТ отсидено приблизительно 770 суток: 430 в ШИЗО и 340 ПКТ.

(Письмо доставлено в Париж 14 декабря 1977 г.)

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ – ПРЕЗИДЕНТУ КАРТЕРУ

Мы, группа советских политзаключенных, обращаемся к Вам с призывом подать свой голос за демократию, за право каждого человека на свободное развитие личности, на свободу иметь и выражать свои взгляды и убеждения, за те естественные права, которые с рождения человека не должны быть никем узурпированы, как это имеет место в Советском Союзе. Мы знаем, что народы демократических стран не остаются и не останутся равнодушными к судьбе народов нашей страны, в которой люди, выступающие за демократизацию, за реализацию Международного пакта о гражданских и политических правах, за выполнение в полном объеме Заключительного Акта Совещания в Хельсинки, подвергаются [...] публичному оскорблению, травле, судебным преследованиям, а в отношении уже осужденных – унижениям, дикой эксплуатации.

Мы обращаемся к Вам, а через Вас и к международному форуму в Белграде и ко всей демократической общественности также и потому, что советское правительство считает ниже своего достоинства признать оппозицию и войти с ней в диалог. В год Белградского совещания, в год подведения итогов выполнения Заключительного Акта, подписанного в Хельсинки, мы, группа советских политзаключенных, хотим напомнить советским руководителям, что недоверие у многих государств и политических деятелей Запада, а также у значительной части мировой общественности к советским заверениям, подписям, предложениям, в том числе и по вопросу о правах человека, прежде всего вызвано той практикой, которая проводится советскими властями в отношении инакомыслящих, а также в отношении тех граждан, которые позволили себе без разрешения КПСС критически отнестись и высказываться по поводу хозяйственного, национального и культурного строительства, а некоторые из них осмелились встать в прямую оппозицию к безраздельно правящей в стране партии.

Нетерпимость советской администрации к любой некоммунистической идеологии, нетерпимость даже к коммунистической, но отличающейся от официальной идеологии естественно приводит в нашей стране либо к слепому повиновению, либо к навязыванию господствующей идеологии (и то и другое принято называть "монолитным единством партии и народа"), либо приводит к превращению честных людей, не желающих ни слепого повиновения, ни навязывания идеологии, – в политических преступников, которых в Советском Союзе государственное и партийное руководство не в силах отличить от уголовников, и поэтому в местах заключения их содержат на режиме, предназначенном для насильников, бандитов и т. д.

В свете вышеизложенного мы ограничимся лишь узким кругом требований, актуальность которых более чем очевидна, но выполнение которых могло бы существенно изменить отношение к Советскому Союзу со стороны мировой общественности и поверить в искренность его заверений:

- мы требуем прекратить в Советском Союзе преследование людей за убеждения;

- в свете вступившего в силу в Советском Союзе еще 23 марта 1976 г. Международного пакта о гражданских и политических правах мы требуем от советских руководителей пересмотреть приговоры томящихся в советских тюрьмах и концлагерях заключенных, осужденных по политическим мотивам, и в качестве естественного следствия такого пересмотра в соответствии с буквой Пакта о гражданских и политических правах мы требуем полной политической амнистии.

Предвидя медлительность советского руководства в решении данного вопроса, если оно вообще сочтет нужным решать этот вопрос и [не] предпочтет продолжать противопоставлять себя всем демократам мира, мы требуем от советского руководства незамедлительного введения в Советском Союзе Статуса политзаключенного в СССР. В нем должен быть предусмотрен режим содержания для политзаключенных, значительно отличающийся от режима содержания уголовных преступников, исходя из того, что политзаключенные фактически являются лицами, изолированными существующим строем из боязни распространения их взглядов. (Текст варианта "Статуса политзаключенного в СССР" был направлен Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному в январе 1977 г. из Мордовских лагерей В. Черновол. Близкий по содержанию текст "Статуса п/з в СССР" имеется в распоряжении академика А.Д. Сахарова, который может на свободе представить наши интересы.)

Мы требуем от советского руководства в лице КГБ и МВД прекратить предбелградскую кампанию издевательств над нашими товарищами. В. Черновол — за переход на статус политзаключенного СССР явочным порядком — вот уже более 2,5 месяцев подвергается голоду и холоду в штрафном изоляторе внутренней тюрьмы концлагеря № 19, Мордовия; такая участь ему уготовлена до конца срока заключения. Ту же участь разделит и П. Айриякян за объявление себя секретарем НОП — национальной объединенной партии Армении — и за отказ от принудительного труда; а также М. Равинш — за невыполнение норм выработки и за переход на статус политзаключенного и другие.

Решительно отстаивая наши требования и выступая в защиту наших товарищей, мы посвящаем началу подготовительных встреч в Белграде представителей стран — участниц Международного Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе давно намеченную акцию: переход явочным порядком на режим статуса политзаключенного СССР с 19 апреля 1977 г. до ... Вставая на режим статуса п/з СССР, мы сознательно прибегаем к новой форме борьбы против беззакония, которое узаконено в советских концлагерях. Это одна из форм привлечения внимания мировой общественности. Кроме того, мы объявляем серию голодовок,

каждая из которых будет посвящена одному из положений "Статуса политзаключенного в СССР", под лозунгами:

1. Мы протестуем против применения к политзаключенным в Сов. Союзе того же законодательства, что и к уголовным преступникам — вора, убийцам; против варварских условий этапирования в битком набитых тюремных вагонах вместе с уголовниками и против совместного содержания политзаключенных с уголовниками в пересыльных тюрьмах.

2. Мы протестуем против существующего в СССР тайного законодательства, которое применяется к политзаключенным. Секретные приказы, инструкции значительно ужесточают и без того чрезвычайно суровый Исправительно-трудовой кодекс.

3. Мы протестуем против жестокой эксплуатации политзаключенных: 48-часовая рабочая неделя; заниженные тарифные ставки; грабительский 50 % налог на зарплату (за 100 % нормы выработки — зарплата 34-37 рублей в месяц); запрет свободного использования даже заработанных грошей.

4. Мы протестуем против практически полного отсутствия правовой защиты политзаключенных в СССР. Мы требуем права свободного выбора адвоката. Между тем как в СССР адвоката предлагает обвиняющая сторона под предлогом так называемого права на допуск к политическим делам. Политзаключенные в СССР лишены возможности иметь настоящую защиту не только по своим судебным делам, но и по фактам многочисленного произвола в концлагерях.

5. Мы протестуем против умышленного покушения на здоровье политзаключенных в СССР. Система питания в советских концлагерях построена с расчетом на постепенное (с вытягиванием по одной жилочке) умерщвление заключенных: почти полное отсутствие мясных и молочных продуктов, запреты на получение с воли витаминов, скудный набор залежалых продуктов в ларьке, и те только на 5-7 рублей в месяц, если не лишат и этого в порядке наказания; запрет на получение продуктовых посылок в первую половину срока, а со второй половины 1 посылка в год, и то при хорошем поведении; запрет на получение лекарств с воли; через 3-4 дня постельного режима еще больных заставляют идти на работу на открытом воздухе в зимнее время с запретом получать и носить шерстяные вещи.

6. Мы протестуем против унижений личности и человеческого достоинства политзаключенных в советских лагерях; против принудительной стрижки волос наголо; против принудительного ношения нагрудных знаков с фамилией и № бригады; против ежедневных обысков — как последних воров — при выходе политзаключенных из производственной зоны в жилую; против произвольных обысков личных вещей и самого политзаключенного без мотивированного постановления; против содержания политзаключенных за шестью рядами проволоки и иных видов ограждений с автоматчиками; против бесконечных построений и хождений строем.

7. Мы протестуем против религиозной дискриминации — в местах

заклучения запрещается не только отправление культа, но и получение какой бы то ни было религиозной литературы, даже Библии.

8. Мы протестуем против национальной дискриминации в отношении к советским политзаключенным, против насильственной депортации политзаключенных за пределы той союзной республики, от имени которой он осужден; против содержания в различных лагерях лиц одной и той же национальности, особенно армян.

9. Мы протестуем против запрещения заключенным оформлять брак, против условий, препятствующих продолжению семьи. Вопреки советскому закону (Кодекс о семье и браке) политзаключенный не может оформить брак, даже если этот брак долгое время до ареста был фактическим (так, Черноволу не дают личных свиданий с женой в течение всего срока его заключения). С целью сохранения семьи мы требуем не менее 3-4 личных свиданий с семьей в год.

10. Мы протестуем против насильственной идеологической обработки, против ежедневных политзанятий, за непосещение которых применяются самые различные наказания.

11. Мы протестуем против фактического запрещения умственной и творческой деятельности, против умышленного запрета сохранять основную профессиональную квалификацию политзаключенным; против запрета получать книги по специальности от своих близких, против запрета на получение иностранной литературы, против конфискации творческих работ, конспектов и выписок из книг, рисунков (конфискованы рисунки Стефании Шабатуры, Бориса Пэнсона, стихи В. Стуса, записи Г. Ушакова и др.).

12. Протестуем против умышленной изоляции от внешнего мира путем задержки и конфискации писем, невозможности получения иностранных газет и радиоинформации; против запрещения посещения советских концлагерей представителями международной организации, выступающей в защиту прав человека.

Эти требования не полностью отражают положения "Статуса политзаключенного в СССР", но и благодаря им даже не очень проницательному человеку открывается неприглядная картина, которая предстает перед ним.

Заранее благодарим Вас и всех, кому дорого дело свободы, которые посвятили себя делу раскрепощения человека от унижения, зависимости и страха, за ту помощь, которая может быть Вами и всеми другими оказана самим фактом поддержки наших требований.

Март 1977 г.

Группа советских политзаключенных: Ушаков Герман, Солдатов Сергей, Черновол Вячеслав, Шакиров Бабур, Равиньш Майгонис, Будулак-Шарыгин Николай, Карпенко Михаил.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ США

Я, Ушаков Герман Михайлович, советский политзаключенный, осужденный за "антисоветскую пропаганду и деятельность, направленную на создание антисоветской нелегальной организации," к 5 годам советских трудовых концлагерей, не могу оставаться инертным, чтобы не выразить свое (и многих других политзаключенных) восхищение тому вниманию и твердости, которые Вы, господин президент, проявляете на международной арене в вопросе о правах человека, в вопросе, который является основополагающим во всей проблеме сотрудничества между странами. Нельзя быть уступчивым из-за сиюминутных выгод, нельзя полагаться на постоянные заверения, не видеть постоянного обмана, преступно не быть принципиальным в вопросах о правах человека.

Сотрудничество с правительствами, которые практикуют репрессии в отношении своих граждан, выступающих с критикой правящей партии или даже с обличением политики руководства с оппозиционных воззрений, может быть расценено как согласие с этой репрессивной политикой, как косвенное пособничество, как поддержка этих репрессий. Я позволю себе высказать мнение, что долг всех глав правительств, общественных и политических деятелей всего мира, которые стоят на подлинной демократической позиции, открыто высказать свой взгляд по поводу проводимых в СССР репрессий в отношении оппозиционно выступающих граждан: в отношении спровоцированных арестов членов группы общественного содействия по выполнению Хельсинкских соглашений в Сов. Союзе (Ю. Орлова, А. Гинзбурга); в отношении невыполнения Международного пакта о гражданских и политических правах. Перед миром стоит вопиющий факт клятвопреступления в государственном масштабе со стороны советского руководства – вошедший в законную силу в СССР 23 марта 1976 года Пакт о гражданских и политических правах не выполняется самым неприкрытым образом. Достаточно назвать лишь несколько примеров. Ст. 15 Пакта гласит, что, если после совершения преступления устанавливается законом более мягкое наказание, действие этого закона распространяется и на данного "преступника". В СССР уже несколько лет верхний предел осуждения 15 лет. Однако сегодня на наших глазах в советских концлагерях томятся люди, осужденные на 25 лет и более (Паулайтис П. – 29-й год, Соловьев – 27-й год, Н. Кончаковский – 27 лет, Р. Семенюк – 28-й год, Р. Шмидт – 25-й год, Ю. Храмцов – 24-й год, В. Калинин – 19-й год только за религиозные убеждения; в данном случае нарушается и ст. 18 Пакта о свободе религиозных убеждений и отправления).

Ст. 19 Пакта гласит, что "каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу писать, получать и распространять всякого рода информацию независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати". Правда, для этой статьи сделаны некоторые ограничения, необходимость которых объясняется обеспечением: 1— уважения прав и репутации других лиц, 2— охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Однако ни в моем деле, ни в делах известных мне диссидентов нет призывов и конкретных деяний, направленных к свержению сов. власти. Не было и оскорблений в адрес отдельных лиц. Речь могла идти лишь о внесении в сознание населения новых взглядов на действительность, которые отличались от допускаемой КПСС критики снизу. Судьи же в СССР — это не что иное, как служебные органы КПСС в области права, точнее — в области видимости права в системе произвола и беззакония. Назначение советского суда вовсе не в открытии истины (так, например, ни один пункт нашей "Программы" не был рассмотрен ни на следствии, ни в суде), не в поисках справедливого решения даже в рамках навязанных народу законов, назначением советских судов является обязанность блюсти интересы КПСС, как записано это в уставе КПСС, членами которой являются, как правило, и следователи, и судьи, и защита. Партийным уставом КПСС скована вся жизнь в нашей стране, любое отклонение рассматривается как измена. Толкование гособвинением и советскими судами критики сов. руководителей и КПСС как призыва или намерения к свержению сов. власти является очень удобным штампом для вынесения любого приговора.

Ст. 10 Пакта, что "все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности". О каком же уважении достоинства человеческой личности может идти речь, когда человека, не виновного ни в убийстве, ни в грабеже, ни в мошенничестве, ни в чем-нибудь подобном, судят как уголовного и содержат в лагерях и тюрьмах в режиме для уголовных преступников? Сов. руководство и сов. юриспруденция упорно не хотят признавать наличие политических заключенных в СССР. Может быть, на международном форуме в Белграде советские представители дали бы наконец четкое определение политическим преступлениям, основываясь на котором, они отрицают наличие политических преступлений и политических заключенных в СССР. О каком уважении достоинства человеческой личности может идти речь, когда осужденных за политические убеждения и распространение этих убеждений в концлагерях в принудительном порядке подвергают низкопробной идеологической обработке, когда их лишают человеческого облика принудительной стрижкой волос наголо и ношением нагрудных знаков на их лагерной униформе, когда их как воров подвергают ежедневной процедуре обыска, когда этих людей, никогда не нарушавших правил человеческого общежития, держат за шестью рядами проволоки и т.д. и т.п.? О какой гуманности может идти речь, когда в сов. концлагерях практикуется умышленное ("гуманное", потому что

с отяжкой) умерщвление людей путем отвратительного питания и примитивности недобросовестного мед. обслуживания, путем высокой интенсификации труда и 48-часовой рабочей недели, путем запрета в оказании помощи в питании, в медикаментах со стороны родственников и друзей ?

В последнее время в связи с предстоящим подведением итогов по выполнению Заключительного Акта международного совещания в Хельсинки советское руководство с рекламным размахом уверяет, что оно всячески поддерживает обмен научной и другой информацией, что оно всегда способствует обмену публикациями литературных и научных трудов. Однако все издаваемое в СССР из зарубежной переводной литературы издается с "некоторыми сокращениями" именно тех мест, где дается аргументированная критика марксистской философии, идеологии ее последователей или критика хозяйственной политики и практики в соц. странах.

Кроме того, книги, которые оказались все же в фондах центральных библиотек в качестве обязательных экземпляров и которые несут в себе нежелательную для КПСС идеологическую направленность или критику сов. общественной системы, такие книги остаются для широкого читателя за семью печатями, а познакомиться с такими книгами можно только после сложной, практически безнадежной процедуры получения особого разрешения. Иными словами, даже то, что издано или имеется в СССР из печатной литературы, еще вовсе не означает, что это уже доступно читающей публике. После такого скромного комментария нетрудно догадаться, чего стоит похвальба о количестве изданных в СССР зарубежных книг и об их тиражах. Вся эта похвальба становится бессодержательной и пустой.

Я не собирался останавливаться на всех сторонах этой системы... .. хорошо известны и продолжают изучаться в более благоприятных условиях. Тоталитаризм должен постоянно изучаться, чтобы знать его сильные и слабые стороны, тенденции и интенсивность развития, его внутреннее и внешние резервы; знать его повадки и хитрости, чтобы за обманым движением не пропустить удар. Соседствуя с тоталитаризмом, демократия не должна усыплять свою бдительность. Тоталитаризм не допускает демократию у себя, но зато максимально использует за пределами своих границ с целью укрепления своих позиций.

Оклик сов. руководства о "невмешательстве во внутренние дела" является по сути попыткой распространить на международные отношения существующую в СССР практику подавления критических и осуждающих высказываний по поводу негативных явлений в СССР; это грубая попытка оказать давление на право правительств и госуд. деятелей свободно выбирать своих партнеров по государственным, экономическим, научным и культурным связям. Оклик сов. руководства о "невмешательстве во внутренние дела" — это своего рода новая редакция ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР для недостижимых для КГБ и нежелательных для КПСС инакомыслящих. Для своих же граждан этот "оклик" воплощается во

многие годы заточения в каменных застенках Владимирской тюрьмы, место за многими рядами колючей проволоки Мордовских и Пермских концлагерей, отбывание в суровых и диких условиях сибирской ссылки. Оклик сов. руководителей о "невмешательстве во внутренние дела" означает также, что они (сов. руководители) "никому не позволят" мешать терзать, мучить своих граждан потоками дезинформации; они никому не позволят помешать в возрождении культа личности и неосталинизма, без которых не может существовать режим однопартийной диктатуры.

Господин президент! Я обращаюсь к Вам, а через Вас – ко всем государственным деятелям, ко всей мировой общественности с призывом твердо и с принципиальных позиций отстаивать демократические завоевания и демократические принципы, не проявлять безразличия к и тенденциям демократических преобразований в странах, с которыми устанавливаются экономические, научные и культурные связи; сделать принципы демократических свобод знаменем последнего десятилетия уходящего в историю тысячелетия; постоянно совершенствовать средства и не оставлять поиск новых путей широкого распространения демократических принципов во всех областях человеческой деятельности; разработать взаимоприемлемые системы контроля, взаимопроверок достигнутых результатов в демократических преобразованиях; поднять свой голос в защиту сов. политзаключенных и против преследования за инакомыслие, против антидемократического режима.

2 апреля 1977 г.

Концлагерь № 19 Мордовского управления

Примечание редакции

Ушаков Герман Михайлович (р. 1932) – из Ленинграда, работал старшим научным сотрудником ин-та "Ленсистемтехника". Арестован в марте 1975 года. Подельник – Эмиль Саркисян. Оба обвинялись по ст.ст. 70 и 72 УК РСФСР. Ушаков приговорен к 5 годам лишения свободы в лагерях строгого режима, находится на 19 лагпункте Мордовских лагерей.

В ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вы не пустили меня на книжную ярмарку во Франкфурт-на-Майне, куда меня пригласило норвежское издательство "Тильдендаль". Я не был на Западе ни дня, проживу и без этих шести; трудно лишь объяснить г-ну Гордону Хельмбаку, главному редактору, наивно меня пригласившему, что мой союз, добровольный творческий союз единомышленников, может утаить приглашение и не отвечать на мои запросы, может не пустить автора встретиться со своим издателем, с читателем, с книгой. Поймет ли он, смогут ли ему перевести, если я объяснюсь на вашем страшном языке тюремщиков и работаргговцев: "Я – невыездной"?

Еще трудней – себе самому признаться, что питал иллюзии, будто вам ведом иной язык, будто природа ваша может меняться.

Когда на Западе появилась и стала распространяться моя повесть "Верный Руслан", вы спохватились, многого ли достигли долгим битьем "Трех минут молчания"; – или просто рука устала? – вы сочли ошибкою и саму травлю, и статус "неудобного", каким я всегда для вас был, и вы призвали меня "вернуться в советскую литературу". Я вижу теперь, какую цену должен был заплатить за это возвращение. Простодушный г-н Хельбакк, желая вас порадовать, пишет, что очень доволен переводом "Руслана" и отзывами норвежской прессы, – и какую ж занозу вгоняет в ваши партийные сердца! Ну, разумеется, политика не по его части, ему все едино, где появляется русская проза – в "Гранях" или в "Дружбе народов", – там, где он видит литературу, там вы – политику и ничего больше; кто же дальтоник? Я мог бы попросить его переписать приглательное письмо, чтоб никакой "Руслан" не упоминался, – это вас бы устроило? – но для меня бы значило: отказаться от собственной книги. На унижение я не пойду. И так как вам не расстаться с вашей природой, а мне – со своей, то это мое письмо к вам – последнее.

Отдавали вы себе отчет, куда предлагали мне "вернуться"? В какой заповедный уголок бережности и внимания? Туда, где по семи лет дожидаясь издания книги, после того как ее напечатал первый журнал в стране (дети, родившиеся в тот год, как раз пошли в школу, выучились читать)? Где любой полуграмотный редактор и после одобрения вправе потребовать любых купюр, пускай бы они составляли половину текста (не анекдот – письма ко мне М. Колосова)? И где независимый суд в 90 случаях из ста (а если произведение критиковалось в печати, то в ста случаях) примет сторону государственного издательства и подтвердит в решении, что надо уложиться в "габариты повести"? Литературоведы, не знающие этого термина, обратитесь к судье Могильной – она знает!

Чего не претерпишь ради великого российского читателя — да если б была нужда терпеть, говорить с ним из-под пресса, постылым языком раба Эзопа. Разумеется, всякий предпочтет издаваться на родине, где его тиражи свободно расходятся, а не тащатся в микродозах через самую надежную в мире границу, и все же нет проблемы неизданных авторов, есть проблема — не решающихся издаться. Десять лет назад в письме IV-му съезду я говорил о наступлении эпохи Самиздата — и вот она кончается, другая идет, куда более продолжительная, — эпоха Тамиздата. Да он всегда и был, Тамиздат, ненавистная для вас палуба в океане, на которую усталый пилот мог посадить машину, когда не принимали отечественные аэродромы. Но ведь советовал вам изгнанник, а вы не слушали: "Протрите циферблаты! — ваши часы отстали от века", впору уже не о палубе говорить — о целых островах, если не материке. И попробуйте не посчитаться с нарастающей жаждой читателя, который, в отличие от вас, текстом интересуется, а не выходными данными, — все меньше у него охоты разбирать седьмые-восьмые копии, он хочет иметь — книгу.

Россия всегда была страной читателя — и такого, что в семи водах испытан, в бесчетных огнях. Чем ему только мозги ни пудрили — и казенной хвалю, и списками сталинских, в Лету канувших лауреатов, и постановлениями об идеологических ошибках, и докладами ваших секретарей, и всесоюзными анафемами, и публицистикой "знатных сталеваров", — а все же не слышь запудрили, выстояла, выкристаллизовалась лучшая ее часть, знающая цену честной, не фальшивой книге. Этот читатель помимо своей основной обязанности — просто читать — принял еще оброк, наложенный временем, — сохранять книги от физической смерти, и тем бережней, чем рьяней их изымают. Тридцать лет он хранил Есенина, пока не дождался переиздания, еще хранит — машинописного Гумилева, уже хранит — "Ивана Денисовича" в "Роман-газете", принял на сохранение — "В окопах Сталинграда" с библиотечным штампом — зачитал ли? украл? выпросил? — но уберег от гильотинного ножа.

Вы предлагали мне "определиться", сделать выбор, но, боюсь, он не между Тамиздатом и Тутиздатом, он — между читателем и вами. Между ним, кто хранил и мои "новомировские" комплекты, переплетал — без надежды, что издадут, а на северных флотах — переписывал от руки в тетрадки, — и между вами, кто не исполнил передо мною элементарных обязанностей профессионального союза. Ваше бюро пропаганды *не рекомендовало* читателям встречаться со мною, ваша правовая комиссия не вступилась за мои права, попранные издательством "Советская Россия"; знакомство с иностранной комиссией вполне исчерпывается эпизодом с приглашением от "Гильдендаля". А могло ли иначе быть? Могли б вы на иоту отступить от главного своего предназначения?

Как заведомо отвергаются проекты вечного двигателя, так должно отбросить все попытки руководить литературным процессом. Литературой управлять нельзя. Но можно помочь писателю в его труднейшей задаче, а можно и повредить. Могучий наш союз неизменно предпочитал второе, бывши — и оставаясь — полицейским аппаратом, вознесшимся

высоко над писателями и из которого раздаются хриплые понукания и угрозы — и если б только они. Не стану зачитывать присталинский список — кому союз, вернейший проводник злой воли власть предержащих, да со своей еще ревностной инициативой, первоначально *оформил дела*, обрек на мучения и гибель, на угасание в десятилетиях несвободы, — слишком длинно, более 600 имен, — и вы оправдаетесь: это ошибки прежнего руководства. Но при каком руководстве — прежнем, нынешнем, промежуточном — “поздравляли” с премией Пастернака, ссылали — как туеядца — Бродского, зашвыривали в лагерный барак Синявского и Даниэля, выжигали треклятого Солженицына, рвали из рук Твардовского журнал? И вот, еще не просохли хельсинкские чернила, новые кары — изгон моих коллег по международному Пен-клубу. Да что нам какой-то там Пен, когда уж мы двух Нобелевских лауреатов высвистели! И как не воскликнуть словами третьего: “Лучших сынов Тихого Дона поклали вы в эту яму!” Ну, может быть, хватит? Опомнимся? Ужаснемся? Так ведь для этого по крайней мере Фадеевым надо быть. Но, травя, изгоняя все мятущееся, мятежное, “неправильное”, чуждое соцреалистическому стереотипу, все то, что и составляло силу и цвет нашей литературы, вы и в своем союзе уничтожили всякое личностное начало. Есть оно — в человеке ли, в объединении — и теплится надежда на поворот к раскаянию, к возрождению. Но после размена фигур положение на доске упростилось до крайности — пешечное окончание, серые начинают и выигрывают. Вот предел необратимости: когда судьбами писателей, чьи книги покупаются и читаются, распоряжаются писатели, чьи книги не покупаются и не читаются. Унылая серость с хорошо разработанным инструментом словоблудия, затопляющая ваши правления, секретариаты, комиссии, лишена чувства истории, ей ведома лишь жажда немедленного насыщения. А эта жажда — неутолима и неукротима.

Оставаясь на этой земле, я в то же время и не желаю быть с вами. Уже не за себя одного, но и за всех, вами исключенных, “оформленных” к уничтожению, к забвению, пусть не уполномочивших меня, но, думаю, не ставших бы возражать, я исключаю вас из своей жизни. Горстке прекрасных, талантливых людей, чье пребывание в вашем союзе кажется мне случайным и вынужденным, я приношу сегодня извинения за свой уход. Но завтра и они поймут, что колокол звонит по каждому из нас и каждым этот звон заслужен: каждый был гонителем, когда изгоняли товарища, — пускай мы не наносили удара, но поддерживали вас — своими именами, авторитетом, своим молчаливым присутствием.

Несите бремя серых, делайте, к чему пригодны и призваны, — давите, преследуйте, не пушайте. Но — без меня.

Билет № 1471 возвращаю.

Москва, 10 октября 1977 г.

**ТРЕТИЙ ПОЛУГОДОВОЙ ДОКЛАД
ПРЕЗИДЕНТА США
КОМИССИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ЕВРОПЕ
(Фрагменты)**

1 июня — 1 декабря 1977 г.

В отчетный период важнейшим событием, связанным с выполнением обязательств, принятых на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), явилось открытие 4 октября в Белграде первой встречи, призванной обсудить выполнение положений СБСЕ.

Назначение президентом Картером видного американского юриста и дипломата Артура Голдберга председателем делегации США и послом для особых поручений на СБСЕ демонстрирует то значение, которое президент придает всей связанной с СБСЕ деятельности и в особенности Белградской встрече. Эта встреча предоставляет первую возможность для всестороннего рассмотрения договоренностей, содержащихся в Заключительном Акте СБСЕ, подписанном главами 35 государств в августе 1975 г. в Хельсинки. Она также служит форумом, на котором будет недвусмысленно выражена личная приверженность президента диалогу по гуманитарным вопросам как одному из основополагающих аспектов разрядки международной напряженности. . . .

Белградская встреча является новым предприятием в истории отношений между Востоком и Западом. Это не переговоры как таковые и это не попытка заключить какое-то новое соглашение или внести изменения в Хельсинкский Заключительный Акт. В задачу ее входит провести обмен мнениями в свете накопленного за последние два года опыта и изучить средства углубления сотрудничества в будущем. Опыт, накопленный в процессе такого обсуждения, явится одним из важнейших результатов встречи. Исходя из этого опыта, ее участники смогут более успешно выполнять положения Заключительного Акта как в своих собственных странах, так и в будупих отношениях между собой. . . .

В своем первом выступлении на Белградской встрече посол Голдберг подчеркнул, что США твердо настаивают на всестороннем и подробном рассмотрении вопроса о выполнении Хельсинкских положений и что улучшение политических отношений между участниками СБСЕ нельзя отделить от прогресса в гуманитарных вопросах и в области прав человека. Отметив, что всем государствам-участникам СБСЕ следует более тщательно выполнять положения Заключительного Акта, посол Голдберг

также ясно дал понять, что государствам Востока необходимо сделать больше других для выполнения взятых в Хельсинки обязательств. Он заявил, что делегация США в конструктивном духе сосредоточит свои усилия на достижении того, что должно быть благороднейшей общей задачей Белградской встречи, — на придании процессу разрядки человеческого, гуманистического характера.

С тех пор Соединенные Штаты, вместе с западными союзниками и многими из нейтральных и неприсоединившихся государств, продолжают всестороннее и объективное обсуждение, предписанное Заключительным Актом. Мы используем конкретные примеры для иллюстрации тех областей, в которых, с нашей точки зрения, следует лучше выполнять положения Заключительного Акта, и отвергаем утверждения о том, что обсуждение выполнения положений СБСЕ может представлять собой вмешательство во внутренние дела других государств. Проблемы, поднятые на настоящий момент делегацией Соединенных Штатов, охватывают все три "корзины" Заключительного Акта и включают, например, следующие вопросы:

- ♦ Репрессивные меры, принятые в некоторых странах против активных борцов за права человека, и в особенности против тех лиц и групп, чья деятельность связана исключительно с поддержкой целей и обязательств Заключительного Акта.

- ♦ Наличие случаев разделенных семей и препятствий свободному движению людей между странами Востока и Запада.

- ♦ Трудности, с которыми сталкиваются в некоторых странах Востока западные журналисты и ученые, намеревающиеся заниматься своей профессиональной деятельностью.

- ♦ Трудности, с которыми сталкиваются национальные меньшинства и этнические группы, добивающиеся прав, признанных принципами седьмым и восьмым Заключительного Акта, равно как и упорное нежелание некоторых стран обеспечить свободу вероисповедания, за которую высказалось СБСЕ.

- ♦ Медлительность некоторых стран в вопросе об облегчении доступа к информации, необходимой для расширения экономических связей между Востоком и Западом, и продолжающиеся попытки помешать неофициальным контактам и сотрудничеству между восточными и западными учеными.

- ♦ Продолжающееся в нескольких странах Востока глушение международных радиопередач, несмотря на положения Заключительного Акта, призывающие к более свободному обмену информацией всех видов.

- ♦ Несоблюдение некоторыми странами-участницами СБСЕ соглашений о доставке обычной и заказной корреспонденции, несмотря на то что принцип десятый Заключительного Акта призывает к проявлению доброй воли в выполнении обязательств, налагаемых международным правом.

Хотя мы полагаем, что Белградская встреча должна заниматься всеми этими проблемами в полном объеме, мы также отдаем себе отчет в том,

что обсуждение выполнения Заключительного Акта является нелегким и сложным процессом. Хельсинкский Заключительный Акт в общей форме определяет обязательства, ответственность за выполнение которых лежит прежде всего на индивидуальных государствах, и не предусматривает, каким образом обеспечить их соблюдение или достичь соглашения об их толковании. Хотя все государства, подписавшие Заключительный Акт, формально приняли на себя определяемые им обязательства, между ними существуют реальные разногласия относительно того, как следует интерпретировать и проводить эти обязательства в жизнь. Соединенные Штаты признают, что претворение в жизнь положений СБСЕ является длительным процессом и что практику многих десятилетий нельзя полностью изменить за два года. Поэтому мы преисполнены еще большей решимости трудиться терпеливо, упорно и сколько это может понадобится для достижения целей, провозглашенных в Хельсинки. Как заявил 6 июня 1977 г. в своих показаниях в Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе Государственный секретарь Ванс: "Заключительный Акт СБСЕ был одобрен 35 главами государств и правительств после трех лет напряженных переговоров. Предприятия такой важности нельзя потом игнорировать или относиться к ним с меньшей серьезностью". . . .

Глава 2. Выполнение "первой корзины"

. . . .

А. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях

Десять принципов СБСЕ выражают соображения, которые в общем и целом признаются, по крайней мере формально, почти всеми европейскими странами и которые давно одобрены в рамках Организации Объединенных Наций. За несколькими немаловажными исключениями, отмечаемыми ниже, большинство стран-участниц в общем соблюдают большую часть этих принципов как в отчетный период, так и в недавнем прошлом. Ключевая проблема, связанная с наблюдением за выполнением этих принципов, вытекает из разных толкований, даваемых им разными государствами, и в особенности из различия в точках зрения, принятых на Востоке и на Западе...

В отчетный период в связи с приближением и началом Белградской встречи с особой остротой встал вопрос о принципах СБСЕ и различных их толкованиях Востоком и Западом. Расхождения между западными и восточными точками зрения ни в одной области не были столь очевидны, сколь в вопросе о принципах, относящихся к правам человека (Принцип Седьмой) и невмешательству во внутренние дела (Принцип Шестой). Нижеследующее представляет собой иллюстративный обзор основных расхождений в толкованиях, а также других событий, относящихся к принципам СБСЕ и имевших место в отчетный период...

(I) Права человека

Если большинство западных стран, включая Соединенные Штаты, признали, что полное соблюдение Принципа Седьмого, к которому мы неуклонно стремимся, достигнуто не было, то государства Варшавского пакта неоднократно утверждали, что они полностью соблюдают положения Принципа Седьмого. Такая позиция опровергается реальным положением дел в странах Востока и конкретными инцидентами – такими как обращение с лицами, стремящимися лишь побудить свои правительства в полном объеме претворить в жизнь Заключительный Акт, – которые привлекают пристальное внимание общественности к этой негативной практике. Достаточно привести здесь лишь репрезентативную выборку таких инцидентов, все из которых имели место в отчетный период:

- ♦ Несколько видных активных борцов за права человека, упоминавшихся в прошлом полугодовом отчете – включая Александра Гинзбурга, Юрия Орлова и Анатолия Щаранского, – продолжают находиться под арестом в Советском Союзе. Имелись признаки того, что Щаранский и другие предстанут перед судом, хотя остается неизвестной тяжесть предъявленных им обвинений. В течение последнего полугодия два украинских члена групп, созданных Юрием Орловым для наблюдения за тем, как СССР выполняет положения СБСЕ, – Микола Руденко и Алексей Тихий – были осуждены на семь и десять лет заключения в трудовых лагерях. Вообще создается впечатление, что советский аппарат государственной безопасности подвергает весьма плотной слежке всех активных борцов за права человека.

- ♦ Чехословацкие власти упорно продолжают сходные попытки заткнуть рот сторонникам движения "Хартии – 77", борющегося за выполнение Чехословацкой международной документов по правам человека, а также Заключительного Акта. В октябре четыре человека, в том числе трое подписавших "Хартию – 77", предстали перед закрытым судом по обвинению в подрывной деятельности и были осуждены, хотя некоторые из обвиняемых всего-навсего пытались вывезти из страны письменные материалы или опубликовать какие-то материалы за границей. Двое других лиц были осуждены ранее по обвинениям, которые, очевидно, были связаны с их деятельностью по распространению "Хартии".

- ♦ В большинстве стран Варшавского пакта продолжают наблюдать гонения на религию, включая ограничения на богослужение и дискриминацию против верующих, хотя некоторые явления – такие как недавно принятое в Польше решение разрешить постройку новых церквей в районе Варшавы – следует приветствовать как шаги в направлении большей веротерпимости.

- ♦ Сообщения частных организаций и групп, включая отчет "Эмнести Интернейшнл", согласно которому несколько тысяч граждан Восточной Германии находятся в тюрьме за попытку покинуть страну без разрешения, и собранные Всемирной Психиатрической Ассоциацией доказательства того, что в СССР имеют место систематические злоупотребления пси-

хиазией в политических целях, лишний раз ставят под сомнение утверждения этих стран о том, что они полностью выполняют положения Заключительного Акта, связанные с правами человека.

Озабоченность США по поводу этих явлений не ставит себе целью отвлечь внимание от нашего собственного поведения в области прав человека, которое у всех на виду и которое мы непрестанно стараемся улучшить. Мы полагаем, что наша собственная деятельность может быть оценена положительно, и мы готовы обсудить ее как в рамках СБСЕ, так и за их пределами.

Перечисление этих примеров не направлено также на то, чтобы умалять значение некоторых позитивных усилий восточных правительств, призванных улучшить положение с правами человека в своих странах. Так, например, в июле Польша объявила о широкой амнистии для примерно 10 тыс. заключенных, в том числе рабочих, арестованных после волнений в июне 1976 г., и ряда защитников прав человека. С другой стороны, советская амнистия по случаю шестидесятилетия русской революции не принесла облегчения заключенным, занимавшимся защитой прав человека.

Однако приведенные в данном разделе примеры негативного характера служат иллюстрацией того обстоятельства, что при всяком разборе выполнения положений СБСЕ не обойтись без обсуждения действий, которые представляются нарушениями обязательств Заключительного Акта в области прав человека и игнорирование которых может подорвать веру в сам процесс, начатый СБСЕ, и поставить под сомнение его искренность...

(II) Невмешательство во внутренние дела

В течение отчетного периода Советский Союз и его союзники продолжали неоднократно приводить Принцип Шестой Заключительного Акта для того, чтобы квалифицировать замечания США и западноевропейских стран по поводу выполнения ими Хельсинкских положений как "вмешательство" в свои внутренние дела. Наиболее часто это обвинение сопровождало ссылки на положение в области прав человека в странах Востока, хотя оно также использовалось и в связи с иной деятельностью, такой как работа данной Комиссии.

Соединенные Штаты полагают, что интерпретация принципа невмешательства, предлагаемая Варшавским пактом, противоречит установленным принципам международного права, сути Заключительного Акта и договоренностям, достигнутым в процессе переговоров о его тексте. Если принять такую интерпретацию, то разбор выполнения Хельсинкских положений, предписанный Заключительным Актом, потеряет всякий смысл.

Глава 5. Выполнение "третьей корзины"

А. Сотрудничество в гуманитарных и других областях

"Третья корзина" является наиболее новаторским разделом Заключительного Акта. По ее поводу труднее всего достичь договоренности. Если все положения Заключительного Акта направлены на благо народов стран-участниц СБСЕ, то "третья корзина" относится непосредственно к заботам и чаяниям частных лиц. Многочисленные и разнообразные положения ее объединены одной целью — способствовать более свободному движению людей, идей и информации между подписавшими ее государствами. Они вытекают из признания СБСЕ того факта, что подлинная безопасность и сотрудничество в Европе недостижимы без ликвидации искусственных барьеров, которые, к примеру, мешают воссоединению разделенных семей, препятствуют поездкам по личным и профессиональным причинам, ограничивают свободный обмен культурными и информационными материалами или вообще затрудняют контакты и связи между народами Востока и Запада. . . .

(I) Контакты между людьми

СССР

Несмотря на Всеобщую декларацию прав человека, особо поддерживаемую Заключительным Актом, советские власти не признают юридическое право на эмиграцию и считают, что воссоединение семей является единственной законной причиной для эмиграции из СССР. Таким образом, формально говоря, выездные визы выдаются лишь тем лицам, которые могут доказать, что имеют близких родственников за границей. За первые десять месяцев 1977 г. наше посольство в Москве оформило 1718 лиц, получивших такое разрешение выехать в Соединенные Штаты. Эта цифра была приблизительно на 19 % ниже уровня 1976 г. и дала возможность предположить, что тенденция к увеличению числа выдаваемых ежегодно виз, наблюдавшаяся в последние пять лет, может прекратиться в 1977 г.:

1972	1973	1974	1975	1976	1977 (по октябрь включительно)
494	758	1029	1162	2574	1718

Учитывая исключительно высокий рост в 1976 г., трудно судить о том, является ли нынешний спад результатом естественных колебаний или целенаправленной политики. По крайней мере часть этого спада может быть следствием того, что армяне, составлявшие 69 % общего числа в 1976 г., снова предпочитают иммигрировать в Ливан вместо Соединенных Штатов. Мы внимательно следим за статистикой, чтобы установить, насколько вероятна такая тенденция.

Если число виз, выданных СССР для выезда в США, уменьшилось, то число виз для выезда в Израиль продолжает увеличиваться. На конец

октября 1977 г. общее число виз превысило уровень 1976 г. на 22 %. Таким образом, 1977 г. скорее всего будет вторым подряд годом увеличения еврейской эмиграции вслед за ее резким спадом в 1974-75 гг., как показывают нижеследующие приблизительные данные о прибытии советских эмигрантов-евреев в Вену:

1972	1973	1974	1975	1976	1977 (по октябрь включительно)
31.500	33.500	20.700	13.300	14.250	13.250

Большая часть прироста в этой эмиграционной волне относится к периоду с июля по ноябрь и, по всей видимости, связана в какой-то степени с Белградской встречей. В конце июня 1977 г. еврейская эмиграция находилась практически на уровне предыдущего года. Однако в последующие четыре месяца число эмигрантов выросло на 56 % по сравнению с тем же периодом 1976 г. — 6.251 чел. в этом году против 3.922 чел. в 1976 г.

Уровень эмиграции немцев из Советского Союза в Западную Германию продолжал колебаться; в середине 1977 г. общее число воссоединенных семей упало чуть ниже рекордного уровня 1976 г., как показывают следующие округленные цифры:

1972	1973	1974	1975	1976	1977 (по июнь включительно)
3400	4500	6500	6000	9700	3500

Хотя вышеописанные уровни воссоединения семей складываются в неоднозначную картину, не лишенную кое-каких позитивных элементов, чрезвычайная медлительность, с которой Советский Союз разрешает трудные дела о разъединенных семьях, получавших в прошлом отказы, остается весьма обескураживающей. Эти дела, часть которых тянется целых два десятилетия, оборачиваются невероятными испытаниями для ответствующих семей и явно подпадают под гуманитарные положения Заключительного Акта. Мы снова подчеркнули свою острую заинтересованность в разрешении этих дел во время осеннего визита советского министра иностранных дел Громыко в Соединенные Штаты и также подняли этот вопрос на Белградской встрече. . . .

Б. Информация

На протяжении отчетного периода Советский Союз и его союзники продолжали подвергаться критике то, как Запад соблюдает положения СБСЕ, относящиеся к обмену и распространению информации. Приводя многочисленные статистические данные, согласно которым восточные страны как будто ввозят с Запада большее количество информационных материалов, чем западные страны с Востока, государства Варшавского пакта

упорно использовали в качестве аргумента принцип статистической взаимности, который не содержится в Заключительном Акте.

Ни одно международное соглашение не может гарантировать аудиторию книге или кинофильму, однако оно может способствовать устранению препятствий, ограничивающих свободу выбора. Целью Заключительного Акта является предоставление людям на Востоке и на Западе более широких возможностей выбрать то, что им хочется прочесть или увидеть. Соединенные Штаты не подвергают импортируемые в страну информационные материалы какой-либо цензуре или ограничениям и обладают экономической системой, которая практически гарантирует распространение материалов, способных вызвать достаточный интерес. Страны Варшавского пакта, с другой стороны, ввозят и распространяют лишь те материалы, к которым государственные органы считают возможным допустить общественность. В этом смысле распространение информации остается той областью "третьей корзины", для соблюдения которой Советский Союз и его союзники сделали со времени подписания Заключительного Акта меньше всего.

(I) Распространение информации

На протяжении отчетного периода в некоторых восточных странах продолжали отмечаться проявления политической избирательности при ввозе и распространении информационных материалов.

Например, первая Международная московская книжная ярмарка, состоявшаяся в сентябре в Советском Союзе, выставлялась советской прессой в качестве свидетельства дальнейших советских усилий более широко проводить в жизнь Заключительный Акт СБСЕ. Хотя это мероприятие привлекло большое число посетителей и, по мнению восточных и западных участников, прошло вполне успешно, отказ советских властей разрешить демонстрацию некоторых книг, привезенных американскими и другими западными издателями, находился в полном противоречии с положениями Заключительного Акта, соблюдению которых должна была способствовать ярмарка.

Сходные проявления политической цензуры в информационном обмене отмечались в области радиовещания. В июле советские власти попросили посла США Малколма Туна опустить упоминание о приверженности США правам человека во время телевизионного выступления, с которым американские послы по традиции обращаются к советскому народу 4-го июля. Посол Тун отказался внести соответствующие изменения, и его выступление не записывалось и не транслировалось.

В отчетный период некоторые страны Варшавского пакта продолжали глушение радиопередач "Свободы" и "Свободной Европы", утверждая, что эти станции "вмешиваются" в их внутренние дела. Советский комментатор, например, в октябре назвал деятельность станций "вопиющим нарушением духа Хельсинки". Германская Демократическая Республика также продолжала глушение средневолновых передач "РИАС" ("Радио в аме-

риканском секторе") - Берлин". Мы продолжали указывать на то, что Заключительный Акт обязывает подписавшие его государства "облегчать более свободное и широкое распространение всех форм информации" и что не радиовещание, а глушение нарушает таким образом дух и букву Хельсинки.

Несмотря на то что некоторые страны Варшавского пакта объявили весной этого года о своем намерении ввозить и распространять большее число западных газет и журналов, мы не отметили сколько-нибудь значительного прогресса в выполнении этого положения Заключительного Акта. В большинство восточных стран западные газеты по-прежнему поступали в весьма ограниченном числе экземпляров, продаваемых обычно в гостиницах в первую очередь для западных туристов. Хотя по утверждению официальных лиц большее число экземпляров не поступает в продажу лишь потому, что общественность на Востоке проявляет к ним мало интереса, продолжающиеся пропажи и конфискации газет и журналов из международной почты создают впечатление, что здесь имеют место и соображения политической цензуры.

Несмотря на отсутствие прогресса в выполнении этого раздела Заключительного Акта, следует отметить отдельные положительные сдвиги. Например, корпорация "Нью Йорк Таймс" и советское информационное агентство ТАСС подписали в июне соглашение о расширении и активизации обмена новостями. В июне же телекомпания Эн-Би-Си провела прямую телепередачу дискуссии по вопросу о правах человека, состоявшейся в Джорджтаунском университете между тремя американскими и тремя советскими представителями. Во время дискуссии один из американских участников выразил надежду, что подобный диспут впоследствии будет проведен и передан по телевидению в Советском Союзе. . . .

(3) Условия работы журналистов

Хотя условия работы журналистов разнились в отдельных странах Варшавского пакта, в ряде государств продолжали наблюдаться серьезные проблемы, отмеченные в прошлом полугодовом отчете.

Наиболее серьезный инцидент отчетного периода имел место в июне, когда советские власти задержали и допросили корреспондента американской газеты "Лос Анжелес Таймс" Роберта Тота. Впоследствии статьи в советской прессе обвинили его в том, что он пытался завести знакомства с советскими учеными, дабы раздобыть секретные сведения для "спецслужб США". Эти утверждения были отвергнуты и самим корреспондентом и его газетой, а президент Картер публично заявил, что специальное расследование не обнаружило связей между корреспондентом и Центральным Разведывательным Управлением. Соединенные Штаты направили советскому правительству протест, в котором отмечалось, что данный инцидент противоречит обязательствам, содержащимся в Хельсинкском Заключительном Акте.

Вышеупомянутый инцидент продолжил полосу преследований против западных журналистов, отмеченную уже в прошлый отчетный период.

В течение лета и ранней осени газетные статьи в Советском Союзе и некоторых восточноевропейских государствах продолжали совершать нападки на западных журналистов за то, что их деятельность якобы противоречит канонам законной журналистики. По всей видимости, скрытой целью этой газетной кампании является предупредить частных граждан, что им не следует разговаривать с иностранными корреспондентами, особенно по поводу борьбы за права человека. Озабоченность некоторых стран Варшавского пакта этим вопросом проявилась со всей очевидностью, например, весной этого года, когда Чехословакия объявила, что будет отказывать в выдаче виз тем журналистам, которые не дадут обещания избегать контактов с активными сторонниками прав человека.

Несмотря на все эти обескураживающие явления, Соединенные Штаты продолжают надеяться, что все государства, подписавшие Заключительный Акт, в будущем станут выполнять содержащиеся в нем обязательства по улучшению и облегчению условий работы журналистов.

Людмила Алексеева

ВТОРОЕ САХАРОВСКОЕ СЛУШАНИЕ

С 25 по 28 ноября в Риме состоялось второе Сахаровское слушание – заседание международной комиссии по вопросам о правах человека. Первое Сахаровское слушание, происходившее в октябре 1975 г. в Копенгагене, было посвящено вопросам прав человека в СССР. Второе – римское – слушание расширило свою задачу: исследовались нарушения прав человека не только в СССР, но и в странах Восточной Европы.

Организовала второе Сахаровское слушание комиссия под председательством Марио Корти. Советский Союз в комиссии представляли Ефрем Янкевич и Татьяна Ходорович.

Слушание открылось приветствиями Сахарова и Солженицына.

В течение трех дней члены комиссии выслушали показания 22 свидетелей: десяти из Советского Союза, четырех из ГДР, одного из Болгарии, двух из Румынии, двух из Польши и трех из Чехословакии.

Экспертами по показаниям свидетелей из Советского Союза были эмигрировавшие на Запад советские адвокаты Ю. Лурьи, Л. Юдович и Д. Каминская.

Первый день и часть второго дня Слушания были посвящены проблемам гражданских и политических прав, второй день – социальным и экономическим правам, третий день – праву на свободу вероисповедания.

Свидетельства из Советского Союза касались следующих вопросов: подавление свободы информации (репрессии против членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений – показания представителя Московской группы содействия Людмилы Алексеевой и представителя Литовской группы Томаса Венцловы), духовное подавление политзаключенных (Кронид Любарский), использование психиатрии в репрессивных целях (показания Леонида Плюща и Сергея Пирогова), условия содержания больных политзаключенных (о политзаключенном Александре Сергиенко – по материалам, полученным от его матери Оксаны Мешко, показания Нины Буковской), процессуальные нарушения на политических процессах, дискриминация в трудоустройстве ученых за инакомыслие, отсутствие защиты интересов рабочих со стороны профсоюзов (Валентин Турчин), религиозные преследования: пятидесятников (показания Аркадия Полищука), баптистов (Николай Классен), лютеран (Хьюго М. Гриванс), католиков (Томас Венцлова).

С показаниями о методах подавления рабочего движения в Польше выступил Эдмунд Холш. О дискриминации в трудоустройстве по политическим причинам дали показания Адам Розенбуш (Польша) и Ян Лещинский, подписавший "Хартию – 77" (Чехословакия).

Свидетель из Болгарии Алексис Станков Попов и свидетели из ГДР Зигман Фауст, Манфред Милде, Зигфрид Мюллер и Хельмут Ницше говорили о жестоких преследованиях, которым подверглись они сами, их семьи и даже знакомые за то, что они пытались осуществить свое право на эмиграцию, а также о тяжелых условиях в политических тюрьмах и лагерях этих стран.

Последний день второго Сахаровского слушания был отведен для выступлений адвокатов из западных стран, взявших на себя защиту арестованных активистов правозащитного движения в Советском Союзе. Были приглашены адвокат Александра Гинзбурга Беннет Вильямс (США), один из трех адвокатов Анатолия Шаранского Даниэль Джэкоби (Франция), адвокат Юрия Орлова Джон Макдональд (Великобритания), адвокаты Звиада Гамсахурдин и Мераба Коставы Патрик Мервилль и Франсуа Моретт (Франция), адвокат Миколы Руденко и Олексы Тихого Рэмси Кларк (США) и адвокат Александра Сергиенко Бартон Холл (США).

Беннет Вильямс и Рэмси Кларк, не имея возможности приехать в Рим, прислали своих заместителей.

Приглашение западных адвокатов для защиты советских политзаключенных — очень важная инициатива, поскольку в Советском Союзе обвиняемые по политическим статьям весьма стеснены в выборе защитников и эти стеснения увеличиваются год от года.

Адвокат Дина Исаковна Каминская, неоднократно выступавшая защитником на политических процессах в Советском Союзе и недавно эмигрировавшая, объяснила комиссии, что советские адвокаты не вольны в выполнении своего профессионального долга. Она напомнила о судьбе адвоката Б.А. Золотухина, защищавшего Александра Гинзбурга в 1968 г. Золотухин был изгнан из коллегии адвокатов за то, что, убедившись в невиновности своего подзащитного, он заявил об этом в защитительной речи на суде и настаивал на его оправдании.

Поскольку сейчас стало практически невозможным найти адвоката с допуском, который согласился бы на политическом процессе заявить о невиновности своего подзащитного, все чаще встречаются случаи вынужденного отказа от защитников. Так, Сергей Ковалев отказался от защитника (А.И. Рожанского), который не имел возможности поддержать позицию своего подзащитного, не признававшего себя виновным, хотя разделял это убеждение. Эмигрировавший на Запад А.И. Рожанский заявил об этом в своих показаниях на Сахаровском слушании. Американский адвокат Мелвин Вулф, выступавший вместо отсутствовавшего Рэмси Кларка — защитника Миколы Руденко и Олексы Тихого, рассказал о том, что их родственники не имели возможности взять адвокатов, каких они хотели бы, и на суде выступали назначенные адвокаты, позиция которых не совпадала с позицией подсудимых. Тихий настойчиво отказывался от услуг назначенного ему судом адвоката, но его протесты не были приняты во внимание, несмотря на их полную законность.

В международной юридической практике в последние годы стало распространенным явлением приглашение в качестве наблюдателей ООН

адвокатов из стран свободного мира на политические процессы в странах, где человеческие права под угрозой. Так, американский адвокат Рэмси Кларк, взявший на себя защиту членов Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, не приехал на Сахаровское чтение, так как должен был в это время присутствовать на политическом процессе в Южной Африке. Адвокат Анатолия Щаранского Даниэль Джэкоби заявил, что он был в качестве наблюдателя ООН на судебных процессах в Чили, Иране, Бразилии и Мексике. Известен прецедент присутствия советского адвоката на политическом процессе за рубежом: на суде над Анджелой Дэвис. Г-н Джэкоби указал и на прецедент (правда, единственный) допуска иностранных наблюдателей на политический процесс в Советском Союзе (суд над Пауэрсом — американским летчиком, нарушившим советскую воздушную границу). Исходя из всего этого, западные адвокаты, взявшие на себя защиту арестованных советских диссидентов, рассчитывали на получение въездных виз, поскольку ни один из этих адвокатов не совершал нелояльных поступков по отношению к Советскому Союзу. Более того, Беннет Вильямс имел основание рассчитывать на благодарность советских властей, так как дважды успешно провел дело провалившихся советских разведчиков. Адвокат Анатолия Щаранского г-н Раппопорт мог надеяться на разрешение на въезд, поскольку он — член компартии Франции, Рэмси Кларк — как активный поборник прекращения войны во Вьетнаме, о котором не раз восторженно писали советские газеты. Тем не менее всем им было отказано во въездных визах без разъяснения причин отказа. Только Бартон Холл побывал в СССР по туристской визе, не поставив власти в известность о том, что он приглашен матерью украинского политзаключенного Александра Сергиенко добиться пересмотра его дела в порядке надзора. Мать Сергиенко Оксана Мешко обратилась к американскому адвокату после того, как обращения к четырем советским адвокатам не принесли успеха. Холл рассказал на Сахаровском слушании об обстоятельствах ареста Сергиенко и суда над ним и о своих безуспешных попытках получить дело своего подзащитного для ознакомления, закончившихся конфискацией всех материалов Холла и его высылкой из Киева.

Адвокаты, лишенные возможности оказать помощь своим подзащитным нормальным путем, пришли к выводу о необходимости организации их публичной защиты на Западе, основанной на информации, получаемой из Советского Союза (из официальных источников, от родственников и друзей подзащитных), и на показаниях имеющихся на Западе свидетелей.

Защитник Юрия Орлова Джон Макдональд объяснил комиссии Сахаровского слушания, как он построил публичную защиту и как намеревается действовать впредь.

Юрию Орлову предъявлено обвинение по статье 190-1 УК РСФСР, т. е. он обвиняется в "заведомо ложных измышлениях, порочащих советский общественный и государственный строй". Орлов — руководитель Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Он подписал совместно с членами этой группы ее 19 документов. Надо полагать, что

именно эти документы и явились причиной его ареста. Если документы Хельсинкской группы не будут включены в обвинение, это значит, что советские власти признают деятельность Группы законной и ее информацию — достоверной. Если же эти документы будут включены в обвинение, я докажу, заявил Макдональд, что они основаны на действительных, тщательно проверенных фактах и что подписавшие их люди, в том числе Юрий Орлов, убеждены в достоверности этой информации.

Арест Орлова и других членов Хельсинкских групп сконцентрировал внимание Запада на информации о нарушении прав человека, переданной этими группами на Запад. Если советские власти решатся на суд над Орловым, г-н Макдональд проведет одновременный суд в Лондоне. На этом суде будут тщательно разобраны все подписанные Орловым документы и проверена их достоверность. Этот суд будет день за днем транслироваться по Би-Би-Си для советских слушателей, широко освещаться в прессе, по радио и телевидению для западной публики. В июне Джон Макдональд уже организовал предварительную защиту, где был проведен перекрестный допрос 17 свидетелей в присутствии прессы и дипломатов стран, подписавших Хельсинкские соглашения, в том числе и советских представителей (от ТАСС и посольства).

Тогда все свидетели, допрошенные Макдональдом, сделали письменные заявления, что они готовы дать показания и следствию, и суду, для чего согласны отправиться в Москву или быть допрошенными в советском консульстве в любой стране. Эти заявления вместе с текстами показаний Джон Макдональд отправил Генеральному Прокурору СССР, и он имеет подтверждение о получении этих материалов адресатом. По закону следственные органы обязаны рассмотреть все свидетельства из всех источников. Между тем, прошло более 9 месяцев с момента ареста Орлова и более пяти месяцев после обращения Макдональда и его свидетелей к прокурору, но никого не вызывали для допроса. "Советские власти не уважают собственных суровых законов", — делает вывод Макдональд, английский адвокат с 22-летней практикой.

Лейбористская партия предложила правительству Великобритании добиться рассмотрения дела Орлова на Белградской конференции. Джон Макдональд высказал уверенность, что делегация Великобритании не может вернуться из Белграда, дав Советскому Союзу экономические преимущества, если не будет достигнут реальный прогресс в области прав человека. И переговоры эти не должны вестись за закрытыми дверями. Первым их результатом должно быть освобождение Юрия Орлова и других арестованных членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Судьба Орлова может быть разрешена на основании амнистии к 60-летию Октябрьской революции, под которую его случай полностью подпадает, так как по этой амнистии полагается прекратить неоконченные дела участников Великой Отечественной войны по статьям, влекущим лишение свободы не более пяти лет.

Юристы-эксперты подтвердили заявление Джона Макдональда о том, что Орлов подпадает под амнистию.

После выступления Макдональда член комиссии Сахаровского слушания Виктор Спарре сделал сообщение, что семь членов Норвежского парламента обратились к Комитету по Нобелевским премиям Мира с предложением присудить эту премию в 1978 году Юрию Орлову как инициатору создания и руководителю первой в мире Хельсинкской группы, инициатива которой развилась в международное движение в защиту прав человека на основе гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. Спарре сообщил также, что это предложение поддержали 70 бельгийских парламентариев – членов парламентской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, созданной по примеру Группы Орлова. При этом бельгийские парламентарии выдвинули на Нобелевскую премию Мира не одного Орлова, а всех 36 участников Хельсинкских групп в Советском Союзе.

Адвокат Щаранского Д. Джэкоби сообщил, что он и его коллеги провели публичное разбирательство дела Щаранского – в США и Израиле.

Участники Сахаровского чтения рекомендовали американскому адвокату А. Гинзбурга провести такую же публичную защиту.

Нина Ивановна Буковская обратилась к Комитету второго Слушания Сахарова с предложением в случае, если суд над Гинзбургом все-таки состоится, добиваться его обмена на уругвайского политзаключенного математика-коммуниста Масеру, давно томящегося в тюрьме и подвергавшегося пыткам.

Адвокаты Звиада Гамсахурдии и Мераба Коставы сообщили, что их подзащитные отправлены на экспертизу в Институт судебной психиатрии им. Сербского, и заявили, что они намерены организовать параллельную публичную экспертизу на Западе на основании свидетельств людей, хорошо знающих их подзащитных. Представитель созданной в Париже Грузинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Отар Зурабишвили заявил, что он обратился к советским властям с просьбой отпустить Гамсахурдию и Коставу на Запад для проведения там психиатрической экспертизы и предложил под залог на время их пребывания на Западе себя самого в качестве заключенного.

Комиссия второго Сахаровского слушания приняла решение обратиться к Белградской конференции с предложением включить в текст будущего договора пункт об обмене наблюдателями на политических процессах по аналогии с военными наблюдателями, соглашение об обмене которыми было принято в Хельсинки.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПРОТИВ ТЮРЬМЫ

В течение последних нескольких лет (1972-1977) заключенные Мордовских и Пермских лагерей и Владимирской тюрьмы свыше 100 раз пытались обращаться в суды за защитой своих прав. Советское гражданское право предусматривает для любого гражданина возможность обращения в суд с жалобами на действия административных органов (ст. 231 УПК РСФСР). Заключенные, в соответствии со ст. 8 ИТК РСФСР, в полном объеме тоже обладают этим правом.

Однако до сих пор не было ни единого случая, когда суды соглашались бы на принятие таких дел к производству. Отказы производились по мотивам "неподведомственности", а судья Ребенкова, председ. постоянной сессии Zubovo-Полянского нарсуда (Мордовия), даже откровенно разъяснила: "Любые действия офицеров МВД, совершенные ими при исполнении служебных обязанностей, суду не подведомственны и могут быть обжалованы только вышестоящему начальству" (определение по одному из исков М.Я. Макаренко).

В июне 1977 г. произошло невероятное: впервые в истории суд принял иск заключенного к тюрьме и удовлетворил его. Вот суть дела.

Перед моим освобождением из Владимирской тюрьмы в январе 1977 г. администрация тюрьмы подвергла мои вещи тщательному досмотру. Искали, разумеется, записи — информацию о тюрьме, ибо все в тюрьме происходящее тщательно скрывается от внешнего мира. Особенно досталось книгам. От них отрывали переплеты, взрезали переплеты ножом крест-накрест, вскрывали их с торца. Свыше ста книг — все те, что были в твердых переплетах, были варварски изуродованы. Но, разумеется, в них ничего не нашли.

Увидев по освобождении, в каком состоянии книги, я обратился в народный суд Фрунзенского р-на г. Владимира с иском к тюрьме, требуя возместить мне стоимость испорченных книг. 15 апреля 1977 г. судья С.В. Дмитриева как обычно отказала мне в принятии искового заявления "по неподсудности".

Я обжаловал это определение в кассационном порядке во Владимирский областной суд, указав, что едва ли порча имущества заключенного входит в служебные обязанности офицеров МВД. И произошло невероятное — облсуд согласился со мною и отменил определение судьи, обязав ее принять иск к производству.

24 июня во Фрунзенском райнарсуде г. Владимира состоялось слушание дела. Председательствовала судья С.В. Дмитриева. В качестве представителя ответчика выступал зам. нач. Владимирской тюрьмы майор Соколов. Свидетелями были вызваны тюремный инспектор по политработе капитан Дойников (куратор политзаключенных во Владимирской тюрьме), тюремный

цензор Н. Митюкова и моя жена Г. Салова, в руки которой были выданы изуродованные книги.

Представитель ответчика иска категорически не признал, утверждая, что тюрьма, взрезая книги, действовала по закону. Он и свидетели Дойников и Митюкова долго сетовали на политзаключенных Владимирской тюрьмы за то, что они предадут гласности происходящее в ее стенах, выносят из тюрьмы письма и заявления с описанием тюремных событий и публикуют на Западе целые сборники. Судья пыталась прервать кап. Дойникова, заявив, в соответствии со штампами советской пропаганды, что "у нас нет политзаключенных", но кап. Дойников горестно признал, что, увы, есть.

Были принесены и показаны несколько книг, изъятых у других заключенных, где были найдены вклеенными несколько рукописей. Кап. Дойников признал, что в моих книгах никогда не было найдено никаких недозволенных рукописей, но счел это отягчающим обстоятельством. "Это лишь доказывает, — сказал он, — что Любарский очень хороший конспиратор, и, значит, его книги надо было осматривать особо тщательно".

В качестве доказательства моей склонности к изготовлению, как выразился майор Соколов, "крамольных рукописей" была предъявлена копия моего заявления в Президиум Верховного Совета СССР с проектом Статуса политзаключенного, отправленного официально через спецчасть.

Совершенно нелогично, вопреки признанию Соколова и Дойникова допрошенная последней цензор Митюкова вообще отрицала факт порчи книг, утверждая, что я это все сделал сам. Однако гора однообразно изрезанных книг на судейском столе выглядела столь убедительно, что это заявление цензора суд даже не счел нужным обсуждать.

На вопрос судьи, на какой закон опиралась тюрьма, взрезая книги, майор Соколов сослался на секретную инструкцию. Суд прервали, и по требованию судьи эту инструкцию доставили. В отсутствие свидетелей зачитали выдержки из нее, но в них не нашлось ничего, оправдывающего действия администрации, кроме права прокалывать мыло и хлеб шилом и вспарывать подозрительные места одежды.

Выступая в суде, я заявил, что мне сейчас важна вовсе не сумма иска, а принципиальная сторона дела: зафиксировать прецедентное право заключенных на апелляцию к суду. Мне важна также воспитательная сторона дела: научить тюремные власти, что от соблюдения закона они не освобождены и что их убежденность в праве на полный произвол на законе не основана.

Я остановился на том, что тюремные власти называют крамолу, объяснил, что такое Статус политзаключенного, представленный в суд в качестве ее образца, и просил суд тщательно с ним ознакомиться. Рассказал о варварских методах цензуры, применяемых в тюрьме не только в отношении книг, но и писем политзаключенных.

Я протестовал против юридической безграмотности тюремных властей, считающих себя "тоже юристами", но полагающих возможным уродовать имущество одного заключенного на том основании, что у другого найдено нечто недозволенное.

Я протестовал против расширительных толкований тайных инструкций, когда право проверять "подозрительное" толкуется как право на произвол.

В заключение я выразил надежду на то, что этот процесс если уж не научит, то хотя бы принудит администрацию тюрьмы относиться с уважением к книге и печатному слову вообще, хотя она и считает его своим злейшим врагом и не упускает случая как-то отомстить ему.

И произошло удивительное. Чувствовалось, как суд, первоначально настроенный явно враждебно ко мне и к моему иску, по мере хода процесса заинтересовался делом и настроение его изменилось. В конце слушания дело дошло до того, что судья пригрозил свидетелям со стороны ответчика – тюрьмы – удалить их из зала за выкрики в мой адрес.

Слушание длилось 7 часов. В суд был вызван эксперт-товаровед, оценивший денежное выражение ущерба, нанесенного книгам.

После совещания суд огласил определение, в котором признал действия администрации неправомерными, инструкцию – превышенной и определил взыскать с тюрьмы в мою пользу разницу в стоимости книг до и после их повреждения.

Это были дни начала Белградского совещания.

Прошел месяц. Денег с ответчика я, однако, не получил. Копии определения в письменном виде – тоже, несмотря на мои запросы*. Интересно, почему бы это?.. Работает ли еще судья Дмитриева?..

20 июля 1977 г.

К. Любарский, заключенный с 1972 г. по 1977 г.

* Позднее Любарский получил копию определения – Ред.

БУДНИ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ (Из письма)

Вот теперь уже все, вот теперь я видела самое страшное. Больше мне ничего не покажут, можно уже и назад возвращаться: дошла до их предела и за предел заглянула. Читайте. ...

Привели меня с попутчицей в камеру № 247 уже глубокой ночью. Грязь непролазная. Но сил у нас не было, забрались на шконки (нары) и уснули мертвым сном. Утром засучили рукава и вычистили эти авгиевы конюшни. Только прожили день в чистоте, как вдруг — этап из колонии малолетних преступников, из Томска. ...

Компания живописная до крайности, есть просто красавицы. Всем только что исполнилось по восемнадцать лет, вот их и развозят по взрослым колониям. Чувствуется, что очень дружно живут: одна девочка на этапе заболела, так они ее почти на руках принесли, уложили на лучшее место, напоили чаем, укутали своими бедными тряпками. ...

Через час их перевели в другую камеру. ...

22 мая меня с попутчицей предупреждают о завтрашнем этапе и ведут в баню. По дороге к нам присоединяются бывшие малолетки. С ними опять больная. Высокая температура, бред, резкие боли в животе и понос. Спрашиваю: "Врача вызывали?" — "Вызывали. Дала несколько таблеток и сказала, что может идти на этап". Шумно, с песнями, стая раздевается, и нас ведут под душ. Душевая метров шесть, от силы восемь. Нас чело-век 20. Стоим плотненько. И вдруг как хльнет кипяток! Мы шарахнулись к стенам, закричали. Через минуту хлынул ледяной душ, потом снова кипятков. Настоящий кипяток, Наташа, до ожогов! Я сначала подумала, что у них там что-то просто сломалось в их банной механике. Загрохотала я изо всех сил голой пяткой по дверям. Подошла ментовка (женщина — работник охраны). Объясняю ей, что душ испортился, а она смеется. Я в ярость: "Открывайте немедленно!" Тотчас пошла нормальная вода. Мы отдышались, стали намывать волосы. И тут вдруг все прекратилось — воду выключили: "Выходите!" А у нас у всех головы в пене. Уже в истерике требуем, чтобы включили воду. Включают. Кипяток. Потом ледяную. Все опять у стен, визжат, трут глаза. Распахивают дверь: "Выходите!" Кое-как, сполоснув лицо холодной водой, девчонки выскакивают в коридор. Ментовка надывается, но мы не обращаем внимания. Воду перекрывают совсем, и тогда только выходим. А девчонки толпятся тут же возле дверей душевой и орут как резаные. Мы ничего не понимаем, стоим в дверях. Рядом с нами надзирательница и врач, парень лет 25-ти. Оба чем-то очень довольны. Ментовка орет: "Идите, идите, ничего с вами

не случится!" Девчонки побежали по коридору. Оказывается, вдоль коридора стояли мужики — надзиратели и парни из хозобслужки (заключенные, работающие по уборке тюрьмы, маляры и т. п.). Стоят и ржут над беднягами, а те бегут по коридору. Я давно поняла, что это мытье на этапах всегда сопровождается подглядыванием и приобрела дурную привычку мыться в рубашонке. Я не побежала, а спокойно вышла к развлекающимся мужикам и выдала им несколько "тасковых" слов, а потом подошла к врачу и к дежурному надзирателю и поблагодарила их: "Я читала о подобных вещах у Солженицына, видела подобные сцены в "Обыкновенном фашизме" Ромма, но никогда не думала, что мне выпадет "счастье" самой присутствовать при фашистских развлечениях. Большое спасибо, вы дали мне отличный материал!" Прибалдели, примолкли, а я, вильнув, спокойно прошла по живому коридору. Ни одна собака не скалилась. А вот я готова была рычать от злости, особенно на бабу, меня просто трясло, но не от холодной воды.

Вернулись в камеру, собрали вещи на этап и легли спать. Ночью слышим вдруг крики со стороны камеры молодняка. Кричат "маму" и не поймешь чего. Потом все смолкло, но мы не спали. Спустя некоторое время — опять крики. "Наверное, их повели на этап", — решили мы и стали ждать, когда придут за нами. Они такие шумные, эти девушки, что мы не очень-то реагировали на крики.

А на следующий день их опять переводят к нам, и вот тут-то мы узнали, что это были за крики. Я все записала с их слов.

21 мая в Новосибирскую тюрьму из ВТК-2 прибыл этап девушек, следующих во взрослую колонию, — 22 человека. На этапе 2 девушки заболели: у Лизы Максимовой был сердечный приступ, у Иры Крупеньковой начался жар и понос (я о ней писала. А по зонам сейчас идет эпидемия кишечных заболеваний, везде карантин). Врачи в Новосибирске никакой помощи не оказали, с этапа не сняли. Утром 22 девушек водили в баню. Днем объявили об этапе. По правилам перед этапом водят в баню, и вечером их повели во второй раз. Они не хотели идти, объясняли, что уже мылись утром, но идти заставили даже больную Иру Крупенькову. О бесплатном стриптизе я уже писала — сама попала под издевательства, рассчитанные на безответность малолеток.

После бани некоторые девочки сразу легли спать, а некоторые начали готовиться к этапу. Днем они пели песни, и по этому поводу надзиратель с ними скандалил. Девочки потом говорили мне, что в колонии им никто не запрещал петь и запрету надзирателя они не придали значения, не поверили, что в тюрьме запрещено петь. Старшина пригрозил им расправой: "Вы еще наших порядков не знаете, но я вам кое-что покажу на прощание".

Вечером никто не пел, не было даже особой болтовни — готовились в дорогу.

В двенадцатом часу ночи открылась дверь, и появились два дежурных надзирателя с пожарным шлангом в руках. "Мы вам устроим на прощание баньку", — заявили они. В коридоре стояли еще надзиратели. ...

Двое вошли в камеру и стали поливать девчонок, сильным напором холодной струи они гоняли их по камере. Многие были раздеты. Потом один поливал и бил шлангом, а другой по одной вышвыривал их в коридор. В коридоре двумя шеренгами стоял вызванный дежурным тюремный резерв. Девушек пропустили сквозь строй около 24-х человек. Били их кулаками, шлангом, ключами. Потом погнали их подвальными коридорами в боксы. Коридоры эти сырые, грязные, на полу лужи, света почти нет. Девочки бежали полуголые, босые. Больные вместе со здоровыми. Из подвала стали выводить к боксам. Вояки их обогнали другим коридором и ждали, построившись снова в две шеренги. Их во второй раз пропустили сквозь строй. Всех заперли в бокс на 4 человека — 21 девушку (одну отсадили накануне за драку в камере). Заговорили между собой о том, что нужно кого-то заставить убрать камеру. Пять девушек выпустили и повели обратно в камеру: "Через 10 минут не уберете — повторим". В камере был перевернут стол, постели залиты, вода стояла по щиколотку.

В боксе девочки боялись разговаривать даже шепотом. Они начали задыхаться (в этих боксах и одной-то через полчаса нечем дышать — Ю.В.). Из коридора неслись издевательства, угрозы. Им грозили наручниками, смирительными рубашками, новыми побоями. Минут через 10 все уже задыхались. Первой потеряла сознание Света Медведева. Девочки начали стучать в дверь, просить выпустить их, вынести Свету. "Когда ноги протянет, тогда откроем". Но дверь все-таки минут через 15 открыли. Дежурная баба приказала положить ее на пол и снова идти в бокс.

Света пришла в себя уже в санчасти. Медики посмотрели ее дело, узнали, что она больна, поинтересовались, почему она едет не с врачом. В присутствии Светы в санчасть сообщили по телефону, что у Наташи Качулиной начался припадок эпилепсии (болеет с детства — Ю.В.). Врач заявила дежурным: "Что заслужили, пусть то и получают. Они притворяются".

(Когда на следующий день я потребовала от начальника санчасти осмотра всех избитых и начать расследование, она задала мне интересный вопрос: "А почему вы не поинтересуетесь, за что им попало? Может быть, они этого заслужили". И только убедившись в том, что девочки действительно никаких особенных нарушений не совершили, тюремные власти начали расследование, допросили всех потерпевших и обещали наказать виновных. Ох, не верю я в эти обещания — уж очень мало начальство удивилось этой истории — Ю.В.)

У второй девочки, также страдающей эпилепсией с детства, начался приступ, и ей отказали в медицинской помощи. Болезнь обеих зафиксирована в деле. А дело-то при них!

У Тани Тапеня начался приступ удушья. Она свалилась на пол, забила пальцами раздирать себе рот, потом потеряла сознание. Девочки снова начали стучать. Открыли дверь, позволили вынести всех троих, бросили на холодный цементный пол. На холоде девочки пришли в себя. Им тут же приказали идти в другой бокс. У них не было сил. На них закричали, начали угрожать. Они поползли по полу на четвереньках к ука-

занному боксу. В коридоре был один надзиратель и две бабы. Они издевались над ними, смеялись над тем, что девочки не могут подняться на ноги и ползут на четвереньках, называли их собаками, сучками, ругали матом. Таня Тапеня сейчас все время твердит одно: "Никогда, никогда меня так не оскорбляли".

Троих заперли в бокс больших размеров, но с мокрым цементным полом, в лужах. Они так и не поднялись с пола.

В маленьком боксе следующей потеряла сознание Ира Русак, совершенно здоровая девочка. За ней Ира Евсеева. Стучали минут 25. Потом открыли дверь и приказали: "Выходите все". Привели в бокс к тем троем. Там они и просидели до утра. Стояли и сидели на мокром цементном полу. Там были две скамейки, но все сесть не могли. Туда же привели из санчасти Свету Медведеву. У Жени Власовой начались судороги в ногах. В пять утра не выдержали, начали стучать (некоторые были в одних плавающих и лифчиках, а одна даже в трусиках – и ведь все мокрое до нитки). Дежурная сказала: "Будете стучать – весь день просидите!" Вывели к завтраку. В камере уснули на мокрых матрацах.

Когда девочек перевели к нам вечером того же дня, на многих одежда была еще сырой – брюки, свитера (не у всех была одежда на смену). Я, естественно, подняла хай и убедила их в том, что телесные наказания запрещены даже в тюрьме для взрослых. Они сушие дети. Многие пробыли в колонии 3-4 года и совершенно не имеют представления о взрослой жизни. "В колонии мы жили, как в пионерском лагере. Там следили за чистотой, за дисциплиной, но к нам относились как к детям, нас никто не обижал". Они курят, они даже ругаются, но они гораздо больше дети, чем дети на свободе. Беспомощные, от страха трясутся, уж не знают, где искать защиты. Ужас еще в том, что в Новосибирской тюрьме это не первый случай избиения. Этих самых девочек били еще тогда, когда они были малолетками. Некоторых из них, разумеется.

Таня Тапеня рассказывает. В декабре 1975 года шел этап в Томск, в ВТК. В камере № 245 повторилась история со шлангом и побоями. Девочки "провинились" в том, что требовали врача к заболевшей подруге, страдавшей врожденным пороком сердца (фамилии ее Таня не помнит). Врач заявила: "Вы все придуриваетесь". Их и тогда облили водой и прогнали по коридору. Девочкам Пушкаревой, Шацких, Павленко надели наручники. Тогда были Галя Павленко, Катя Халилова, Вера Титова, Лидя Шефер, Люба Мякшина. Все они затем находились в ВТК-2 в Томске. В ноябре 1976 года снова такая же история. Ночью во всей тюрьме потух свет. Девочки расшумелись, начали кричать от страха – они не знали, что свет потух везде, боялись, что его потушили нарочно, только в их камере. Опять вызвали резерв и пропустили их сквозь строй. Потом так же, как и в этот раз, держали в боксе до утра. Были Ира Русак – ее рассказ, Ира Олейник, Артемьева Аня.

Сейчас я еду с ними в Иркутск. Многие кашляют, у многих болит горло. Наташа Качулина лежит пластом, бледная, не встает, не ест. У Тамары Т. (фамилия нзрб.) (она была босиком и в одних трусиках) обостре-

ние ревматизма. Тяжелое состояние у Иры Крупеньковой (четвертый день не ест, а тут еще та ночь). Хрипят и сипят все, все в смертельной обиде.

Наташка! Если об этой истории не узнают все – чего мы будем стоять тогда!

...

Юлия Вознесенская – ленинградская поэтесса, 37 лет, мать двоих детей. Была осуждена по делу об "антисоветских надписях" в разных местах города Ленинграда по ст. 190-1 к пяти годам ссылки (в г. Воркуту). Покинув место ссылки во время суда над двумя ленинградскими художниками, она была арестована при встрече с больным сыном и осуждена на два года лагерей.

ХРОНИКА АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ

Зона 36

Июль.

2 июля за отказ от работы в ШИЗО водворен Лычак. Истекли трое суток голодовки Светличного, в 9 часов его вызвал Журавков для уяснения позиции и требований Светличного. Журавков сказал, что врач Петров пересмотрел вопрос о работоспособности Светличного. 4 июля врач Петров вызвал Светличного, обещал ходатайствовать об изменении работы Светличного, на претензию об отсутствии лечения ответил, что "лечить нечем", показал коробку с лекарством торфортил (?), где срок действия истекал в 1975 г.

В начале июля с заявлением по поводу Светличного к администрации обращался Жукаускас. 4 июля заявление Журавкову направили Мятник, Ковалев и Саркисян. Саркисян протестовал против вывода голодающего на работу. Ковалев просил определить Светличного на выполняемую для него работу и оградить его от издевательств и садизма. 5 июля Светличного опять вывели на работу. В цеху он имел краткую беседу с нач. отряда Беловым, последний предложил ему работать уборщиком цеха. Эта работа связана с переноской тяжестей, вывозом на тачке больших количеств мусора. Светличный отказался. Белов заявил, что отказ свидетельствует о его нежелании работать вообще. Угрожал дальнейшими наказаниями за невыполнение нормы. Вечером Светличного вызвали Федоров, Нелипович и Белов, сообщившие Светличному о переводе его на работу по уборке жилой зоны, "приемлемую", поэтому Светличный снял голодовку. После снятия им голодовки 14 политз/к (Глузман, Гринькив, Демидов, Залмансон, Калинец, Ковалев, Казачков, Марченко, Монастырский, Мухаметшин, Мятник, Плумпа, Сапеляк, Саркисян) направили Журавкову заявление (текст прилагается, текст заявления Ковалева от 7 июля также прилагается). В заявлениях выражалось удовлетворение по поводу нового трудоустройства Светличного и содержалась просьба снять с него прежние взыскания, связанные с работой.

9 июля всех (кроме Залмансона) подателей заявлений вызвал капитан Нелипович, он отказался снять взыскания со Светличного и максимум внимания перевел на выяснение того, почему все подали совершенно одинаковые тексты заявлений, он утверждал, что текст составлен одним Ковалевым, а остальные у него переписали (что на самом деле не соответствует действительности). Что же касается Залмансона, то уже в августе, имея с ним беседу по другому поводу, Нелипович сказал, что не вызывал его со всеми, т. к. считал это ненужным, и "все списали у Ковалева, а Гринькив в беседе со мной устыдился этого, признался". Узнав обо всем этом, Гринькив направил заявление нач. лагеря с требованием дать объяснение, т. к. ничего подобного на самом деле не было (свидете-

ли: Глузман, Демидив, Казачков, которые присутствовали в кабинете Нелиповича). Нелипович вызвал Гринькива по этому заявлению и признал, что Залмансон передал содержание его слов правильно и он, Нелипович, не имел никаких оснований так исказить свою беседу с Гринькивым.

15 июля. Приступ стенокардии у Светличного, за мед. помощью не обращался.

19 июля. Калинец и Гринькив направили Журавкову запросы о законности содержания в ШИЗО Попадиченко и Лычака свыше 15 суток без перерыва.

19 июля. Врач Петров сказал Сапеляку, что "у меня нечем лечить вас, видите, шкаф для медикаментов пуст, есть только йодная настойка и подобное ей".

21 июля. Из зоны 37 перевезен в ПКТ Сергей Таратухин (срок ПКТ — 6 месяцев).

22 июля. Вышел из ШИЗО Лычак.

20-21 июля. В зоне — делегация общественности Литвы: майор КГБ Тракимас, еще один офицер КГБ, кандидат экономических наук Киндурис и секретарь по кадрам Академии наук Литвы Тулкаявичюс.

24 июля из зоны этапирован Лычак.

25 июля. Ковалев очередной раз обратился к врачу по поводу ухудшения состояния. Петров в очередной раз ответил, что нет лекарств. В мед. карту это посещение он не зафиксировал.

26 июля Светличный обратился к Петрову за помощью, тот обнаружил очень высокое давление, но цифры не назвал и не сделал запись в мед. карту.

29 июля в больницу зоны 35 в тяжелом состоянии увезен Басараб с предположительным диагнозом (нашим!) "болезнь Боткина" или опухоль желчных путей (?).

29 июля. Тотальный обыск жилой зоны (участвовали кагебисты Тюмач, Агранасов и Черняк, офицеры и надзиратели лагеря); просматривались вещи з/к, выкапывалась земля вокруг бараков, ничего существенного не изъято.

2 августа. Лишен свидания Сапеляк (два рапорта о невыполнении нормы и один о том, что шел по зоне с головным убором в кармане). Нелипович, осуществлявший лишение, при этом радостно улыбался.

3 августа. Калитан Рак угрожал Гринькиву "провезти юзом", говорил с ним на "ты" (свидетели: з/к Казачков, надзиратели Ротенко, Шарынов, Прибытнев).

4 августа. Залмансон, Калинец, Ковалев и Плумпа направили начальнику лагеря заявления по поводу угрозы Нелиповича водворить Сапеляка в ПКТ.

5 августа. Майор Федоров вошел в помещение, где был Ковалев, и на приветствие Ковалева сказал: "Почему не здороваются?" (повод для написания рапорта).

8 августа. Федоров и Нелипович вызывали Светличного, Ковалева и Плумпу по заявлениям о Сапеляке. Они отрицали угрозы о ПКТ. Со

Светличным их тон был очень агрессивным, высказывались угрозы. Плумпе угрожали "добавить срок" (слова Федорова).

9 августа. По тем же заявлениям Нелипович и Белов вызывали Калинца и Залмансона. Нелипович наказал Калинца по рапорту надзирателя Ротенко — "шел с расстегнутой пуговицей у воротника".

9 августа. Залмансон направил заявление начальнику лагеря, в котором требовал вызвать в лагерь зубного врача, поскольку уже несколько недель страдает от сильной зубной боли.

9-10 августа. Многих з/к, украинцев, вызывали на беседы кагебисты капитан Гончар (из Киева) и Черняк и Утыро. Светличному и Калинцу они угрожали новыми сроками за "передачу информации из лагеря", особенно жесткий и откровенный разговор был с Калинцем. Кагебисты высказали соображение, якобы основанное на оперативных данных, что информация передается в проглатываемых капсулах.

10 августа. У Светличного конфискована рукопись поэмы поэта Плужника (издана в СССР в 60-е гг.). Мотивы конфискации: "подозрительна по содержанию".

10 августа. В зоне выявлен случай завшивленности. Никаких общих мер профилактики и т. п. не предпринято.

12 августа. На ужин суп из гнилой вонючей рыбы.

16 августа. З/к Слободян вторую половину смены не был обеспечен работой, тем не менее вольный мастер Панов (?) составил на Слободяна рапорт о невыполнении нормы.

17 августа. В зону вышли з/к Абанькин и Сафронов, прибывшие из Владимирской тюрьмы.

27 июля Глузман направил заявление нач. учреждения ВС-389 полковнику Микову с просьбой распорядиться о возвращении ему копии его письма Буковской Н.И. от января с. г., которая была у него изъята без всякой мотивировки в лагере ВС-389/35 в марте. 18 августа Глузмину объявлен ответ Микова, где указано, что жалоба не является обоснованной, поскольку в Правилах внутреннего распорядка не оговорено разрешение осужденным хранить копии писем и заявлений.

18 августа. Майор КГБ Черняк вызвал з/к Каволюнаса и в ходе беседы сказал, что писать заявление в Красный Крест СССР бессмысленно, т. к. "у нас нет креста, есть только красный полумесяц". Он требовал от Каволюнаса рассказать, кто помогал тому писать заявление от 8 мая, адресованное Генеральному Прокурору СССР. Каволюнас ответил, указывая на живот: "Боль помогла..."

В июле и августе участились ночные обыски территории лагеря, вплоть до вскапывания земли и т. п.

21 августа. У Светличного — обострение болезни почки. Сильные боли. Не обследован, лечение "символическое".

26 августа. Надзиратель Ротенко заставил Светличного полоть бурьян (во время приступа!).

25 августа в зону прибыла врач-стоматолог Котова. Она вызвала Калинца, оказала ему первую стоматологическую помощь; на просьбы при-

нять других з/к, мучающихся зубами, Котова ответила: "Не могу, их надо лечить, а я приехала и уже уезжаю".

23 августа. Калинец получил письмо из ФРГ от Анны-Гали Горбач, отправленное 22. 07. 77.

26 августа. В жилой зоне — обыск силами офицеров, надзирателей и солдат внешней охраны. В подозрительных местах вскрывали почву. По приказу майора Федорова изъята вялившаяся рыба-скумбрия (уже много месяцев выдаваемая на ужин почти ежедневно, вяление делает ее чуть более съедобной, т. к. она воняет и близка к разложению).

26 августа на ужин суп из гнилой рыбы.

27 августа. З/к Коризора был вынужден сам плоскогубцами вырвать себе два передних зуба и отдельно их корни.

29 августа. В зоне однодневная голодовка протеста ввиду введенного запрета брать с собой на работу любые продукты питания. Участвовали Мятик, Жукаускас, Саркисян, Казачков, Глузман, Ковалев, Монастырский, Калинец, Гринькив, Демидив, Сапеляк, Светличный, Попадиченко, Сергиенко.

Плумпа и Слободян написали заявление протеста, как и другие з/к, министру юстиции СССР Теребилову. Плумпа держал суточный пост.

27 августа. Во время взвешивания офицером Раком продуктов (один кг по положенной бандероли) з/к Слободян попросил выдать больше — около 1 кг 200 г. Рак отказал. На это Слободян сравнил его отказ с действиями фашистских карателей в лагерях.

31 августа. Слободяна за это лишили ларька.

29 августа. Майор Федоров вечером взял санитару Кактитса и тяжело больного Кульша (давление 220 мм) грузить доски. Кульш в эти дни был госпитализирован, находился в лагерьной больнице. Т. к. ключ от кабинета приема был у Кактитса, врач Петров счел возможным на этом основании отменить прием больных.

31 августа. Группа з/к была вызвана так называемой группой профилактики во главе с майором Федоровым. Им был предъявлен акт и потребованы объяснения. Нарушения состояли в том, что в воскресенье днем в свободное время они сидели около барака за столом, ели и пили чай. Федоров счел это нарушением режима содержания, он считает, что з/к должны есть и пить только в указанное администрацией время (т. е. в завтрак, обед и ужин по распорядку дня). Федоров ограничил и места для еды в столовой и комнате хранения продуктов.

Такого ограничения нет в законе, не было до сих пор и в практике правоприменения. Даже во времена Берии! Тот факт, что Федоров повторял это каждому из вызванных з/к в присутствии других офицеров, ему не возражавших, свидетельствует о санкции на то свыше (при этом был представитель Управления ВС-389).

31 августа. Майор Федоров угрожал Плумпе сократить до минимума срок свидания с семьей за то, что тот разговаривает с администрацией только по-литовски.

30 августа. Ковалев не смог попасть к врачу на прием, т. к. того не

было. *1 сентября* Светличный наконец сумел попасть к врачу на прием (болезнь почки).

В тот же день надзиратель Ротенко угрожал Светличному рапортом за отказ от работы, хотя Светличный был болен.

2 сентября. При выходе на работу изъяли хлеб у Монастырского, составлен рапорт.

3 сентября. Та же история с Казачковым.

5 сентября. Та же история с Жукаускасом.

7 сентября. Этапированы в неизвестном направлении Дымшиц, Светличный, Сапеляк.

9 сентября. При выходе в пром. зону задержан Слободян, т. к. пытался пронести кусок хлеба (болеет язвой желудка).

2 сентября. Майор Федоров в беседе с Ковалевым обещал, что в ближайшие несколько дней в зону придут врачи-специалисты для осмотра и лечения всех нуждающихся в этом.

5 сентября. Аналогичное обещание Ковалеву дал врач Петров.

6 сентября. Наложено взыскание на з/к Саркисяна – за неприветствие майора Федорова. Исполнитель – сам Федоров.

15 сентября. При выходе в пром. зону задержан Мяттик, т. к. пытался пронести кусок хлеба. Составлен акт.

15 сентября. Этапированы из лагеря Садо, Каволюнас и Таратухин (последний из ПКТ).

20 сентября. Выпал первый снег.

24 сентября. Этапирован из зоны со всеми вещами Плумпа.

24 сентября. Казачков направил заявление в Президиум Верховного Совета СССР об отказе от советского гражданства, где указал и мотивы. Тогда же он направил письмо в консульский отдел посольства США в Москве, где напоминал, что он ранее ходатайствовал о предоставлении ему возможности поселиться в США.

27 сентября. В зону вышел Садо, находившийся в Перми, где он запрашивался в качестве свидетеля по делу А. Гинзбурга. Тогда же вернулся из Перми Таратухин.

30 сентября. Из лагеря этапирован Садо.

3 октября. В зону вернулся из Киевского КГБ Лисовой В.

4 октября. Начали голодовку в связи с началом Совещания в Белграде; заявления об этом адресованы нами в Президиум Верховного Совета СССР, однако в нарушение закона они отправлены в Прокуратуру РСФСР. Суточную голодовку держали Калинец, Монастырский, Залмансон, Абанькин, Глузман, Мухаметшин. 5 суток голодали Гринькив, Демидив, Сергиенко, Ковалев, Саркисян, Мяттик, Жукаускас, Казачков. Слободян не голодал по болезни – только написал заявление протеста.

7 октября суточную голодовку держали те же, что и 4 октября, в знак протеста против нарушения инструкции МВД.

Голодающих не изолировали на 4-е сутки. Заставляли выполнять все требования режима и работать.

6 октября вечером Калинец послал заявление нач. лагеря в защиту

Ковалева, которого на 4-е сутки голодовки послали в кочегарку на 12-часовую смену.

7 октября. Капитан Нелипович заявил Казачкову, что голодовка лаг. администрации не признается, т. к. з/к курят махорку, а махорка значится в перечне продуктов питания в системе МВД.

5 октября у Казачкова конфискованы заявление Брежневу об отказе от гражданства и письмо в консульский отдел посольства США в Москве.

19 сентября. Нелипович наказал Слободяна за опоздание на сьем с работы.

23 сентября. Прокурор района Голдырев дал письменный ответ Глузмину по поводу изъятия у него копии письма Н.И. Буковской; он указал администрации, чтобы изъятая копия была вложена в личное дело Глузмана (заявление Глузмана переслала Голдыреву прокуратура области).

25 августа в зону прибыл новый з/к – Говдун Юрий Иванович, украинец, осужден за войну Черновицким областным судом в декабре 1976 г. (о процессе писали в газетах).

18 октября. Майор Федоров заявил Калинин, что его заявление рассмотрено, но создавать условия для нормального сна второй смены не будут, а "пример 35 зоны для нас не указка". Тогда же капитан Нелипович заявил Калинин, что "мы не будем выпускать на Запад никого, не надейтесь уехать". При этом Нелипович на источник своей осведомленности не сослался.

16 октября. В зону вернулся Светличный Иван.

20 октября. Нам предъявлен ответ прокурора Голдырева о том, что запрет носить хлеб и другие продукты в рабочую зону правильный – не противоречит закону.

20 октября. Казачкову предъявлена сопроводительная бумага к его заявлению Генеральному Прокурору СССР, направленному в заклеенном конверте; по небрежности в сопроводительной бумаге было указано содержание закрытого конверта. Т. е. конверт вскрывался. На вопрос Казачкова начальник спец. части Голедина испуганно ответила: "Это не я печатала. Я была больна!". Этот факт свидетельствует о том, что оперативники в нарушение закона имеют разрешение цензурировать даже переписку органов Прокуратуры.

С 25 октября по 10 ноября прекращены свидания. Причина официально не указана. Однако из неофициального источника (офицер лагеря) известно, что причиной является празднование 60-летия Октябрьской революции.

27 октября. Обыск котельной с участием кагэбистов Помоза и Черняка (всего более 10 человек).

30 октября. "День политзаключенного". Голодовка 16 з/к с заявлениями в советскую ассоциацию [содействия] ООН.

31 октября. Группа з/к из голодавших наказана по разным рапортам (распитие чая и т. п.). Демидов, в частности, ответил капитану Нелиповичу: "Ну и обнаглели диссиденты! А вы возьмите да сообщите в Белград о том, что они дошли до того, что чай пьют!"

О зоне 37 предварительные данные на октябрь:

Там было 30 з/к. 4 октября была голодовка 11 з/к, а 30 октября – 8 з/к. Обслуживают зону 69 вольных.

НЕКРОЛОГ

В. Чалидзе

Александр Галич

15 декабря в Париже в результате несчастного случая умер Александр Аркадьевич Галич (Гинзбург) (р. 1919 г.) — поэт и драматург.

О смерти его не сообщено официальной прессой в России. Уехал человек — и как бы не стало его, как бы и не было вообще.

Да не уехал, выжили.

Многие уехали под давлением. Галич сопротивлялся дольше многих. Его не арестовали, не посадили в психушку, как это принято. Он был слишком известен для этого. Его не печатали; его, тяжело больного, просто оставили без средств к существованию — это тоже принято.

За что? Было за что — многих теснили за меньшее. Вся Россия знала и слушала его, его песни можно было слышать и в компании рабочих, и в салонах партийной элиты. Нужно ли писать о его песнях? — их знают столь многие. И узнают себя в них тоже многие. И очень многих, я думаю, именно Галич побудил начать *спрашивать себя* о том, о чем раньше боялись думать.

Раньше, до 65-го, он был одним из тех одиночек, кто уже тогда говорил честно и открыто. Потом, когда началось движение за права человека, Галич никак специально не ассоциировал себя с этим движением, но все знали: Галич — наш. Теперь время напомнить, что он не только наш, он из тех, кто это движение духовно подготовил.

Впрочем, в последние годы он принимал участие в деятельности движения: его подпись стоит под несколькими важными правозащитными документами; еще в 1970 г он был избран корреспондентом московского Комитета прав человека.

В изгнании он продолжал делать то, что делал в России: сочинял и пел. Выступал в защиту притесняемых. Издавал книги.

Работал в редколлегии "Континента". Разъезжал с выступлениями.

О своем будущем Александр Галич сам сказал, наверное, лучше, чем может сказать любой автор некролога:

Под утро, когда устанут
Влюбленность и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: Хотите
Послушать старую запись? —
И мой глуховатый голос
Войдет в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнет рисовать рука,
И будет бренчать гитара,
И будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет :
От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат! —
— Ну, что вы, Иван Петрович, —
Ответит ему хозяйка, —
— Бояться автору нечего,
Он умер лет сто назад...

PERSONALIA

Л. Алексеева

Мальва Ланда

Мальва Ноевна Ланда родилась в 1918 г. в Одессе. В 1932 г. ее отец Ной Викторович Ланда, зав. кафедрой патологической анатомии Саратовского зооветеринарного института, был арестован, но через несколько месяцев освобожден. Он под большим секретом рассказал дочери, что в тюрьме его били, что камеры там порой так переполнены, что невозможно было даже стоять, люди находились как бы в подвешенном состоянии. В 1937 г. отца Мальвы снова арестовали вместе с большинством профессоров Саратовского ветеринарного института. Семья смогла узнать о нем, что он осужден без права переписки, но ни обвинения, ни даже срок по приговору выяснить оказалось невозможным. В 1957 г. Военная коллегия Верховного суда реабилитировала Н.В. Ланду посмертно. Позже стало известно, что он умер в 1939 г. Место и причина смерти так и остались невыясненными.

В момент ареста отца Мальва училась в Московском геологическом институте, окончив который, она 20 лет проработала геологом-съемщицом. Работала с увлечением. Выезжала в экспедиции в разные районы Советского Союза. Затем стала работать в редакционной группе по изданию геологических объяснительных записок к листам геологической съемки. В 1973 г. вышла на пенсию. Сама о себе Мальва Ланда написала: "Беспартийная. В детстве была пионеркой, убежденной; в 13 лет вступила в комсомол. События 30-х годов – насильственная коллективизация, ликвидация "кулака" (массовое выселение), голод, связанный с событиями в деревне; абсурдные дикие процессы "врагов народа"; ложь – совершенно явная – вождя, руководителей, писателей, художников – привели к серьезному изменению убеждений 10 – 13-летнего возраста".

Впервые имя Мальвы Ланды упоминается в "Хронике текущих событий" в связи с обыском в октябре 1971 г. у нее дома и на работе по делу о распространении Самиздата (см "Хроника...", вып. 26). У нее были изъятые сборники стихов О. Мандельштама, А. Галича, Б. Окуджавы и "Философические письма" Чаадаева. Тогда же состоялся ее первый допрос, на котором Мальва заявила, что конфискованные у нее произведения никаких клеветнических измышлений не содержат.

В январе 1972 г. Мальва Ланда выступила с первым своим публичным протестом против преследований за убеждения – в связи с судом над Владимиром Буковским.

После появления этого письма в Самиздате Мальве Ланде на очередном допросе, которым она подвергалась в связи с обыском у нее, объявили, что она является подозреваемой по статье 70 УК РСФСР. Через год ей было сделано дополнительное предостережение по неопубликованному Указу Президиума Верховного Совета СССР. За всем этим последовала цепь обысков (в 1974 г., дважды — в 1975 г. и в начале 1977 г.) и допросы и несколько задержаний. У Мальвы Ланды были все основания опубликовать свое "Последнее слово" в предвидении суда, на котором, как ей было известно по опыту многих ее товарищей, отнюдь не всегда удается изложить свою общественную позицию.

"Преступление, описываемое статьей 70, состоит в "антисоветской агитации или пропаганде с целью подрыва или ослабления советской власти..." ... Я отрицаю наличие у меня такой цели, — пишет Мальва Ланда. — ... Подрыв существующего режима — разрушение с применением насилия может привести лишь к образованию еще одной разновидности диктатуры. Зло советской диктатуры-террора сравнимо со злом фашистской диктатуры. Однако замена этой диктатуры демократическим государственным и общественным строем с действительной гласностью, действительным уважением к правам человека могла бы произойти только ненасильственным путем при наличии доброго желания, доброй воли многих людей" ("Мальва Ланда — в защиту прав человека", изд. "Хроника", с.10).

Пренебрегая угрозой ареста, Мальва Ланда все более активизирует свою правозащитную деятельность. Ее подпись все чаще появляется под документами в защиту политзаключенных — как общего характера, так и касающихся судьбы отдельных людей. В опубликованном издательством "Хроника" сборнике "Мальва Ланда — в защиту прав человека" помещены ее заявления от 30 октября 1975 г. о Дне политзаключенного, о присоединении к Московскому обращению и заявления по делам В. Буковского, Л. Плюща, Г. Гладко, Н. Будулак-Шарыгина. Кроме того, в "Хронике текущих событий" сообщается о ее заявлениях в защиту В. Мороза, В. Балахонова, В. Игрунова, С. Ковалева, С. Шабатур, С. Караванского, М. Джемилаева, Н. Строкатовой, Н. Светличной, В. Федоренко, Я. Сусленского, А. Слиннина. Нет, пожалуй, в советских лагерях и тюрьмах для политзаключенных ни одного человека, кто не знал бы ее имени, и очень многие из них — ее признательные друзья.

Мальва Ланда, не побывав ни в лагере, ни в тюрьме, стала одним из лучших знатоков условий в местах лишения свободы для политзаключенных. Она знает все до мелочей: как должны кормить по инструкции и как кормят на самом деле, каковы инструкции о переписке и как нарушает и без того стесненные возможности политзаключенных администрация, какова система наказаний, какие работы в каком лагере выполняют политзаключенные и кому из них это не по силам, и т. д. И поэтому именно Мальва Ланда — автор документа о положении политзаключенных, и она вместе с Александром Гинзбургом подписала документ Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР "Об условиях содержания узников совести", который содержит богатый фактический материал на эту тему.

Мальва Ланда естественным образом оказалась среди основателей Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, созданной десятью участниками правозащитного движения в мае 1976 года, и стала активным ее членом. Под большинством документов Группы содействия стоит ее подпись.

Распорядитель Солженицынского Фонда помощи политзаключенным и их семьям Александр Гинзбург 2 февраля 1977 г., предвидя свой арест, назначил своих преемников, и среди них — Мальву Ланду. Она активно включилась в это близкое ее душе дело. И работы по Группе содействия тоже прибавилось после ареста ее руководителя и наиболее активных членов в феврале-марте 1977 года.

Репрессии против Группы содействия не миновали и Мальву. В конце ноября сотрудники КГБ сделали попытку пресечь общественную активность Ланды с помощью шантажа. На работу к ее сыну А. Германову явились два сотрудника КГБ. Они вызвали Германова в кабинет его непосредственного начальника и недвусмысленно заявили ему, что если он не повлияет на мать, чтобы она отказалась от своей "вредной" деятельности, то он может лишиться работы.

Мальва Ланда откликнулась на это событие публичным заявлением, где она осуждала систему шантажа и заложничества, жертвой которой мог стать ее сын, и отказывалась прекратить свою работу, поскольку она не нарушает ни одного из советских законов.

Через 17 дней после этого, 18 декабря, в комнате Мальвы вспыхнул пожар, и она не сумела погасить его собственными силами. Пожарные прибыли лишь через полчаса после начала пожара и не сразу смогли войти в комнату — било невыключенное электричество. В результате сгорело жилище Мальвы — комната в двухкомнатной квартире четырехэтажного кирпичного дома в г. Красногорске под Москвой. На этом основании Мальве Ланде было предъявлено обвинение по ст. 99 ("неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества") и по ст. 150 ("неосторожное уничтожение или повреждение личного имущества граждан"). Ущерб, нанесенный пожаром жилищной конторе, был оценен в 2493 рубля и ущерб соседу М. Ланды — в 392 рубля 87 копеек. В протоколе осмотра места пожара было указано, что в комнате Мальвы Ланды обнаружены "черновики и печатные тексты противозаконного содержания" — документы о положении политзаключенных в СССР и письма Мальвы Ланды в защиту некоторых из них. Интерес следователя И.Д. Ильичева сосредоточился на этих текстах. Его отношение к делу вынудило Мальву Ланду отказаться от дачи ему показаний и написать заявление прокурору о необъективном ведении следствия.

Суд состоялся 27 мая. В объяснении суду М. Ланда рассказала, что, выйдя из комнаты, она, возможно, не погасила перед этим сигарету. Через пять минут она услышала взрывообразный звук. Вернулась — горит. Попробовала вылить на огонь ведро воды — от воды пламя вспыхнуло еще сильнее и обожгло ей лицо. Она выбежала на лестницу за помощью.

Там стоял не известный ей мужчина. Он схватил ее и держал до прибытия пожарных. Этот человек объяснил Ланде свое появление тем, что, идя по улице, он увидел пожар. Но Ланда утверждает, что в тот момент пожар еще не мог быть виден с улицы, так как горело не сильно и только в центре комнаты. По просьбе М. Ланды был объявлен розыск этого человека, которого видели и свидетели, но найден он не был.

Эксперт заявил, что для загорания от сигареты нужно долгое время и пожар мог вспыхнуть от наличия в комнате фотопленки на нитрооснове. Но такой пленки при осмотре места пожара обнаружено не было, и среди вещественных доказательств ее нет, но имеются очень противоречивые показания свидетелей, что они видели какую-то пленку в разных местах после пожара.

Прокурор потребовал для Мальвы Ланды максимального наказания по предъявленным ей статьям — два года лишения свободы. Адвокат указал на невыясненность причины пожара и его обстоятельств и на необоснованность применения ст. ст. 90 и 150 в данном деле, так как в этих статьях речь идет о человеческих жертвах и других тяжких последствиях неосторожности; здесь же пострадала прежде всего сама обвиняемая.

Тем не менее суд признал Мальву Ланду виновной по предъявленным ей статьям, но заменил два года лишения свободы на два года ссылки. При этом ей вменено в обязанность выплатить ущерб в 2885 рублей.

Еще до окончания следствия — 20 февраля 1977 года — Мальва Ланда написала очерк "Дело о пожаре или дело о текстах "противозаконного содержания". "Анализируя события пожара, — писала она, — ... я пришла к выводу, что органы КГБ были заинтересованы в том, чтобы этот пожар не был погашен в начальной стадии (как это вполне можно было сделать) и полностью уничтожил мою комнату и все в ней находившееся. Они, как я теперь полагаю, явились также и виновниками возникновения этого пожара". Многие в Москве разделяют эту уверенность.

В защиту Мальвы Ланды выступил академик А.Д. Сахаров, обратившийся к мировой общественности и к главам правительств стран, подписавших Хельсинкские соглашения: "Суд над Ландой — первый из серии готовящихся процессов участников Хельсинкской группы. Наш долг — защитить Мальву Ланду", — писал он. Р. Лерт, П. и З. Григоренко, В. Турчин, В. Корнилов и Т. Великанова в своем письме в защиту Мальвы Ланды объясняют решение суда по делу Мальвы тем, что Мальва Ланда — инкомыслящая.

Кассационный суд оставил приговор в силе, и 6 июля 77 года Мальва Ланда отправилась в ссылку. Ее адрес сейчас: поселок Вершино-Шахто-ма Шелопугинского района Читинской обл. До востребования.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В. Чалидзе

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В НОВОЙ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ*

Общие замечания

Расплывчатость формулировок и расчетливая склонность к употреблению неопределенных терминов – вообще свойственны советской законодательной технике, особенно когда нормы закона касаются идеологически значимой тематики. Но, пожалуй, я не могу указать советский закон, в котором эти непохвалыные приемы использовались бы столь же активно, как в новой Советской Конституции, точнее – в тексте Конституции до начала 3-го раздела. Создается даже впечатление, что начиная с 3-го раздела Проект Конституции составлялся юристами, знакомыми с законодательной техникой, а преамбула и первые два раздела составлялись партийными чиновниками, более приспособленными к тому, чтобы писать партийный программный документ или юбилейные речи. Местами создается впечатление, что отсутствие восклицательных знаков в тексте Конституции – результат типографской опечатки**.

Деятели советского правозащитного движения, принявшие участие в обсуждении Проекта Конституции, уже отмечали как печальную особенность декларативность и пропагандистский характер Проекта Конституции. Те изменения, которые были внесены при утверждении Проекта, не изменили характер обсуждаемого текста в этом смысле.

Приходится констатировать, что по уровню законодательной техники новая Конституция гораздо хуже старой, тем более если учесть, что за сорок лет, прошедших с 1936 г., в общем советская законодательная техника развивалась и в среднем теперешние законы в техническом смысле совершеннее законов 30-х годов. Этот накопленный в среде советских юристов опыт составления законов не был, к сожалению, использован Конституционной комиссией при составлении наиболее идеологически важных разделов Конституции.

* Предлагаемая статья не претендует на то, чтобы быть сколько-нибудь полным юридическим комментарием к Конституции СССР. Это всего лишь некоторые, иногда очень общие, замечания.

Во время работы над этой статьей я с пользой для себя изучил многие тексты самиздата, посвященные критике Проекта Конституции (см. вып. 26, 27 "Хроники защиты"). Мне были весьма полезны дискуссии с А. Вольпиным и другими коллегами.

** Восклицательный знак в описании герба СССР относится не к норме Конституции, а к лозунгу, воспроизводимому на гербе (ст. 169).

Поскольку в этом тексте я обсуждаю в основном вопрос о правах человека в новой Конституции, в критике языка Конституции я ограничусь лишь примерами, значимыми для моей темы.

Совершенно неясен смысл термина *сближение*, когда речь идет о *всех нациях и народностях СССР* в статье 36, посвященной повторению принципа о равенстве в правах различных рас и национальностей. Эта неопределенность термина вызывает особое беспокойство в связи с тем, что в последнее десятилетие, судя по протестам, доходящим из национальных республик, усилилась централизованная политика русификации национальных культур. Обычно для толкования бывает важно, в каком смысле законодатель употребляет неясный термин в другом месте текста. В данном случае этот метод толкования не помогает, так как в статье 12 термин *сближение* употребляется в столь же неясном смысле, когда речь идет о сближении колхозно-кооперативной собственности с государственной.

Непонятно, в каком смысле употребляется глагол *уважать*. Он встречается в статье 29, в которой единственный раз в этой Конституции упоминается выражение "права человека": сказано, что отношения СССР с другими государствами строятся, в частности, на основе уважения прав человека и основных свобод. Предположение, что *уважение прав человека* в данном случае означает соблюдение гарантий, касающихся прав человека, было бы заманчивым, однако сравнение статей 37 и 59 заставляет предположить, что это не так. В ст. 59 говорится, что гражданин СССР обязан *соблюдать Конституцию СССР и советские законы*. А в ст. 37 говорится, что находящиеся на территории СССР иностранцы и лица без гражданства обязаны *уважать Конституцию СССР и соблюдать советские законы*. Разумно предположить, что в данном случае требование *уважать* — слабее, чем требование *соблюдать*, ибо сомнительно, чтобы законодатель обращался к иностранцам с более сильным императивом, регулирующим их отношение к Конституции СССР, чем к советским гражданам. В таком случае уважение прав человека в ст. 29 означает что-то более слабое, чем обязательство соблюдать гарантии прав человека (само по себе интересно, почему, единственный раз в этом тексте говоря в явной форме о правах человека вообще, законодатель говорит об этом именно в связи с отношениями СССР с другими государствами).

Совершенно неясно соотношение между терминами "долг" и "обязанность". В чисто разговорном значении долг скорее означает моральный императив, а обязанность — юридический. Попытка толковать термины "долг" и "обязанность" в Конституции с этой точки зрения приводит к затруднениям. Например, гражданин СССР *обязан* соблюдать Конституцию СССР. В то же время *долг гражданина СССР — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества*. Казалось бы, слово *обязан* — более сильный императив, но трудно предположить, что *долг* означает более слабый императив, если сказано (ст. 31): "Долг Вооруженных Сил СССР перед народом — надежно защищать социалистическое Отечество...". С еще более сильным императивом, а именно—

соединением долга и обязанности встречаемся в статье 68: "Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР".

Отмечу здесь еще один идеологически выгодный прием законодательной техники, который на первый взгляд может производить впечатление неаккуратности. (При изучении, однако, следует исходить из предположения, что неаккуратность в тексте минимальна; вообще мое знакомство с советскими законами убеждает меня, что те места, которые кажутся проявлением неаккуратности в законодательной технике, на самом деле несут в себе определенные удобства для толкования в соответствии с политическими целями момента.) Я имею в виду теперь то, что в некоторых местах довольно важные вещи говорят не в форме нормы, а как бы походя, например — в причастном обороте. Например, в ст. 6 в первом абзаце идет речь о Коммунистической партии Советского Союза, во втором абзаце упоминается сокращенно название, по-видимому, той же партии "Коммунистическая партия", и этому названию предшествует причастный оборот: *вооруженная марксистско-ленинским учением*. Не вполне понятно, какие цели преследовал законодатель, упоминая так вскользь об идеологической основе деятельности компартии, — уж не есть ли это попытка предостеречь компартию от "ревизионистских" уклонов?

Не вполне также понятно, какова была скрытая цель того, чтобы качество гражданина СССР назвать *званием*, а это звание вскользь назвать высоким: "Гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР". Мне трудно сказать в данном случае, какую выгоду для неопределенного толкования будут иметь власти благодаря такой формулировке. Что касается граждан СССР, не желающих с достоинством нести свое высокое звание гражданина СССР или считать это качество званием или званием высоким, — эта статья, естественно, дает им доводы для дискуссии.

Забавные примеры из области законодательной техники можно было бы умножить, обсуждая эту Конституцию, но не буду останавливаться на этом. Замечу, пользуясь случаем, что, как и в предыдущей, в этой Конституции остался религиозный термин "священный долг" в отношении защиты социалистического отечества, но, что приятно отметить, в отличие от старой Конституции теперь не употребляется термин "враг народа".

Коммунистическое руководство

Хотя этот вопрос касается больше темы о политическом устройстве, однако, поскольку он важен также и для обсуждения темы о правах человека в новой Конституции, коснусь его, имея при этом в виду, что он уже породил критику многих, в частности — деятелей советского правозащитного движения. Эта критика, впрочем, касалась статьи 6 Проекта Конституции, дополненной при утверждении третьим, весьма важным абзацем. Теперь эта статья выглядит так:

Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР*.

В самиздате критики даже утверждали, что имеется открытое противоречие между этой статьей (в Проекте, т. е. без третьего абзаца) и статьей 1:

Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны.

Я не вижу такого противоречия, тем более теперь, когда ст. 6 пополнена третьим абзацем. С исторической точки зрения можно сказать, что введение ст. 6 в Конституцию есть попытка (именно только попытка) юридически закрепить ту узурпацию власти большевиками, которая произошла в 1918 году. На протяжении почти 60 лет со времени разгона Учредительного собрания можно было наблюдать, что коммунистическая партия действительно является руководящей и направляющей силой советского государства, действительно является ядром его политической системы, хотя я бы предпочел не употреблять столь неопределенных терминов, как "направляющая сила" и "ядро системы". В течение всех этих десятилетий фактическое положение коммунистической партии в системе власти всегда было гораздо сильнее, чем это было отмечено в законах. Так оно и теперь. Само по себе интересно, почему даже для такой нечеткой попытки узаконить эту узурпацию потребовалось почти 60 лет. Конечно, напрашивается ответ, что по соображениям международного престижа невозможно даже теперь записать в Конституцию всем известную вещь, а именно — что вся полнота власти в Советском Союзе принадлежит Коммунистической партии Советского Союза: у западных поклонников такая норма в Конституции полностью разрушила бы иллюзию общенародного государства; однако я совсем не уверен, что это единственная причина и что на этом должен быть прекращен анализ вопроса,

* Кроме пополнения третьим абзацем еще важное изменение по сравнению с Проектом: из первого абзаца устранено слово "всех", когда речь идет об общественных организациях; во всяком случае теперь в Конституции нет явной претензии на то, чтобы компартия была ядром, скажем, независимых Хельсинкских групп.

почему потребовалось почти 60 лет для столь осторожной попытки узаконить узурпацию власти большевиками. Но не буду развивать эту тему здесь.

Статья 6, однако, помимо расплывчатых формулировок о примате коммунистической партии в советской политической системе содержит в окончательном ее виде весьма важную норму: *все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР*. С одной стороны, эта норма важна тем, что, следовательно, и Коммунистическая партия действует в рамках Конституции СССР и пока что в Конституции не признаны равноправными возможные попытки Коммунистической партии ставить себя формально над государством. С другой стороны, эта норма чрезвычайно важна тем, что она в явной форме признает возможность существования *других партийных организаций*, отличных от коммунистической партии СССР. Мне могут сказать на это, что законодатель имел в виду коммунистические партийные организации, поскольку поместил эту норму именно в статью, посвященной КПСС; это, однако, не довод, речь идет о *всех* партийных организациях; тот факт, что раньше в этой статье речь шла конкретно о коммунистической партии, не ограничивает общности третьего абзаца 6-й статьи, тем более что в той же Конституции есть примеры статей, трактующих даже в одном, а не в разных абзацах о самых разных вещах, например, в ст. 24 во втором абзаце: "Государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций во всех сферах обслуживания населения. Оно содействует развитию массовой физической культуры и спорта".

Я отметил это как интересное явное упоминание *других* партийных организаций; сама по себе свобода создавать другие партии содержится в ст. 51 о праве граждан объединяться в общественные организации.

Оговорки к гарантиям прав

Я уже говорил, что термин "права человека" употреблен только один раз и то в связи с принципами внешней политики. Зато целая глава посвящена "основным правам, свободам и обязанностям граждан СССР". Это многословный перечень некоторых основных прав, социально-экономических прав и обязанностей граждан. Советские юристы не раз с удовлетворением отмечали, что в советской Конституции (в старой Конституции, но это относится и к новой) не просто гарантируются права, а указывается, чем эти права обеспечены. Это и делает перечень немногих прав столь многословным. Однако гарантии права в Конституции обычно сопровождаются не только указанием, чем обеспечивается данное право, но и некоторыми *оговорками и пояснениями*. К *пояснениям* я отношу обороты типа "в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР..." (в данном случае "гарантируются свободы слова, печати, собраний..." и т. п.). Подобные пояснения, предшествующие гарантиям прав, уже обсуждались деятелями правозащитного движения. Ясно из грамматики, что смысл по-

добного оборота лишь в пояснении, что сам факт гарантии данных свобод соответствует интересам народа и целям укрепления и развития социалистического строя. Грамматически не обоснованы обычные попытки советских юристов такие конституционные пояснения рассматривать как оговорку и указывать, что данная свобода гарантирована только на тот случай, если она используется в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя.

Однако помимо таких пояснительных оборотов в Конституции встречаются и прямые оговорки. В частности, ст. 59 содержит общую оговорку: "Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей". Эта оговорка беспокоила критиков, но, вообще говоря, она не означает для практики совершенно ничего нового и имеет разве что воспитательное значение, но не юридическое. Я, конечно, не могу отрицать, что какой-либо безграмотный чиновник на практике будет пользоваться этой оговоркой для того, чтобы произвольно ограничить право человека на том основании, что этот человек не выполнил какой-либо обязанности. Однако законы, содержащие нормы об ограничении прав в наказание за нерадивость в несении обязанностей, достаточно известны, и данная статья не может быть истолкована как возможность произвольного лишения любых прав за невыполнение какой-либо обязанности. Я думаю, это не более чем не вполне удачная попытка философски обосновать существование в системе права законов о наказаниях за пренебрежение обязанностями.

Другая оговорка, которая также беспокоила критиков Проекта, содержится в ст. 39: "Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан". Может показаться, что эта оговорка подводит конституционное основание под статью уголовного закона об антисоветской агитации, по которой обвиняют многих за участие в свободном информационном обмене. Однако в этой уголовной статье вовсе не предполагается, что наказуемая агитация или пропаганда наносит *ущерб* интересам государства: достаточно, если деятель имел своей *целью* нанесение ущерба (т. е. подрыв или ослабление советской власти). В судах обвинение обычно уклоняется от исправного доказывания того, что у деятеля была такая цель, но о том, что *был нанесен действительный ущерб* интересам государства, — серьезного разговора вообще не возникает, да и закон этого не требует. В наше время, когда во многих странах в течение десятилетий апробировано пользование свободой слова, не ограниченной заботой об интересах государства, обвинение человека в том, что свободным словом он наносит действительный ущерб интересам государства, — такое обвинение может отводиться ссылкой на то, что даже при наличии цели нанести такой ущерб деятель совершил попытку с негодными средствами. Я бы сказал, напротив, что оговорка ст. 39 Конституции ставит под сомнение правомерность действия статьи об антисоветской агитации, т. к. по общему принципу ограничения прав в законах не должны быть более сильны, чем указано в Конституции, если это указано в Конституции. И если Кон-

ституция говорит о недопустимости *нанесения ущерба* чему-либо посредством использования прав, то закон не должен наказывать лишь потому, что у деятеля была цель нанесения такого ущерба.

Пропагандистски эта оговорка может применяться широко, но в ней я тоже не вижу ничего непреодолимого для полноты использования прав. Конечно, этой оговоркой органы государственной власти могут пользоваться с большим успехом, чем предыдущей, в попытках ограничить права граждан. (При этом советские власти не любят входить в дискуссию с гражданами о том, каковы же именно интересы общества и государства, предпочитая считать себя полномочными знатоками того, каковы эти интересы.) Однако на практике она вряд ли внесет что-то новое*.

Неодобрительную критику участников правозащитного движения повлекла также оговорка об обязанности в ст. 62: "Гражданин СССР обязан оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета". Здесь с еще большей определенностью я могу сказать, что эта норма об обязанности, вообще говоря, никак сама по себе не ограничивает никаких прав. Провозглашение обязанности в Конституции имеет лишь воспитательное значение, если закон не устанавливает наказания за пренебрежение этой обязанностью. До сих пор, во всяком случае, советские уголовные законы не предусматривают наказаний за деликты вроде — неспособствование укреплению авторитета советского государства. Я думаю, что введения подобных поправок в уголовное законодательство можно не ожидать в ближайшем будущем. Другое дело, что в подходящих случаях обвинители будут цитировать эту статью Конституции в обвинительных речах на политических процессах, но это не значит, что наличие такой статьи в Конституции внесет какие-либо существенные изменения в юридическую практику. Что-то в этой статье мне напоминает об отмененной статье старого Уголовного кодекса о дискредитации власти. Действительно, забота об авторитете государства, пожалуй, дело именно самого государства, и эта статья должна относиться, собственно говоря, к государственным служащим, которые своими действиями могут наносить ущерб авторитету государства. Сам по себе гражданин СССР, не являющийся государственным служащим, государство все-таки юридически не представляет, и любые его действия могут нанести ущерб лишь его собственному авторитету, но не авторитету государства. То, что власти в данном случае могут иметь в виду под нанесением ущерба авторитету государства, это публикацию информации, например, о нарушении прав человека в Советском Союзе.

* Чем-то похожая, хотя теоретически, пожалуй, худшая оговорка содержится в ст. 5 Основ гражданского законодательства: "Гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма". Важно подчеркнуть, что здесь законодатель указывает лишь пределы *охраны прав*, и эти пределы уже, чем пределы *пользования* правами, о которых речь идет в ст. 39 Конституции.

Я думаю, с общечеловеческой точки зрения такая публикация — скорее выражение заботы гражданина об авторитете государства, о предании гласности информации о деятельности тех должностных лиц, которые наносят ущерб авторитету государства. Как ни естественен подобный ход рассуждения, вряд ли советские государственные чиновники с ним согласятся.

Вообще, по-видимому, не следует думать, что декларация обязанностей в Конституции обязательно должна повлечь подтверждение этой обязанности в уголовном законодательстве. В старой Конституции в ст. 130 в перечислении обязанностей есть такая не совсем понятная формула: "Каждый гражданин СССР обязан ... честно относиться к общественному долгу". За 40 лет, в течение которых действовала эта Конституция, Уголовный кодекс не пополнился статьей, наказывающей за невыполнение этой обязанности. Но, по-видимому, эта формулировка использовалась в воспитательных целях.

Я могу заметить по тексту Конституции, да и по другим документам, что советский законодатель как-то особенно боится злоупотребления правами, хотя в принципе эта проблема существует и в других государствах, но там ее пытаются разрешить тем, что составляют достаточно полный и четкий перечень запретов, ограничивающих пользование правами в тех случаях, когда использование прав приводит к недопустимой коллизии с интересами общества или других лиц. По разным причинам советский законодатель, по-видимому, не в состоянии обеспечить достаточно четкий перечень таких ограничений, и оговорки, подобные ст. 39, абзац 2, вводятся в законодательство не только из соображений воспитательных, но и из соображений удобства ограничения прав в тех случаях, когда по престижным соображениям законодатель хочет избежать явного ограничения права в определенной области. Ничего нового, однако введение подобных оговорок в советскую практику, по-видимому, не внесет. Конечно, их будут с пафосом цитировать прокуроры в обвинительных речах. Но с таким же успехом они цитировали до этого агитационные документы.

Равенство

Статья 34 гласит:

Граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни.

Довольно неаккуратно выглядит гарантия недискриминации независимо от "других обстоятельств". Это могло бы показаться несколько

тяжеловесным юридическим юмором*, но за такой странной гарантией стоят, по-видимому, вполне понятные соображения составителей Конституции. Дело в том, что в соответствии с соглашениями, ратифицированными Советским Союзом, должно обеспечиваться отсутствие дискриминации не только по перечисленным в Конституции признакам, но и, например, по признаку политических убеждений. Легко понять, что у советского законодателя были свои причины не упоминать в явном виде в Конституции о равенстве прав независимо от политических убеждений. Однако, как известно, Конституция является не только внутренним нормативным документом, но и фасадом государства. Легко представить себе ситуацию, когда советскому гражданину, который протестует против дискриминации по политическим убеждениям, показывают эту статью и говорят: "Вот видите, политические убеждения здесь не упомянуты". И напротив – легко представить себе ситуацию, когда на международном совещании Советский Союз подвергается упреку за отсутствие гарантии равенства независимо от политических убеждений, – в этом случае советский представитель может сослаться на выражение "другие обстоятельства" и заверить своих доверчивых партнеров, что политические убеждения как раз и входят в эти другие обстоятельства. Равенство граждан независимо от расы и национальности упоминается в Конституции дважды, но это не единственная двойная гарантия. Статья 36 специально посвящена расовому и национальному равенству, и что очень важно в этой статье, это указание на возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР. В какой мере эта гарантия отразится на возможностях развития национальных культур, сказать трудно, учитывая усилившийся процесс русификации в республиках. Ясно кроме того, что эта статья непосредственно применима для защиты права заключенных вести переписку и разговоры на свиданиях на родном языке – естественное благо, обладанию которым часто препятствует администрация лагерей.

Основные права

Свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Ст. 50 гласит:

В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио.

* К сожалению, столь же неудачна формулировка в соответствующих статьях Пактов о правах человека.

В сравнении со статьей 125 старой Конституции:

Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова;
- б) свобода печати;
- в) свобода собраний и митингов;
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

я бы сказал, новая Конституция более осторожна в перечислении того, чем обеспечиваются эти свободы. Например, уже не говорится о предоставлении трудящимся и их организациям типографий и запасов бумаги, а говорится просто об обеспечении возможностью использования печати. Впрочем, не знаю, имеет ли это большое практическое значение. Что более важно: в отличие от старой Конституции теперь перечисленные свободы названы *политическими*. Это сделано без ударения, к слову, однако это весьма существенно, так как в международных документах о правах человека подобные права предпочитают считать правами *гражданскими* (в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, ратифицированной Советским Союзом, в числе гражданских прав упоминается, в частности, право на свободу убеждений и на свободное выражение их, право на свободу мирных собраний и ассоциаций). Это более важно, чем может показаться с первого взгляда, поскольку если право признано гражданским в советском законодательстве, то гражданин может претендовать на его судебную защиту в гражданском судопроизводстве, коль скоро нет специального узаконения об административной защите этого права. В юридической литературе давно была видна тенденция к тому, чтобы свободу слова и другие обсуждаемые здесь права считать политическими. Теперь эта тенденция восторжествовала в тексте Конституции. Как ни парадоксально, но наличие гарантий права в Конституции вовсе не обеспечивает судебной защиты этого права, впрочем, обсуждение этой темы отвлечет меня от начатой темы о материальных гарантиях прав. Со свободой слова связаны некоторые другие права, гарантированные в Конституции. Статья 49 гарантирует *право граждан "вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе"*. Эта норма вовсе не является гарантией права на критику деятельности государственных учреждений, хотя в той же статье указывается, что преследование за критику запрещается. Эта статья сформулирована весьма аккуратно и предусматривает лишь право на внесение предложений об *улучшении* деятельности государственных учреждений, а также право критиковать *недостатки* в работе. Критика, направленная на то, что власти не сочтут недостат-

ками, на практике может быть признана иной, чем та, право на которую гарантировано в статье 49. Точно так же предложение не об улучшении деятельности учреждений, а, например, о прекращении определенного рода деятельности какого-либо учреждения также может оказаться не защищенным этой статьей. Нетрудно догадаться, как подобные тонкости формулировки могут оказаться важными на практике. У меня есть сильное впечатление, что нынедействующий указ Президиума Верховного Совета от 12 апреля 1968 г. "О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан" гарантирует более широкий объем прав граждан в связи с обращением в государственные органы, чем статья 49 новой Конституции. Во всяком случае, там речь идет о праве граждан обращаться с любыми предложениями, а не только с предложениями об улучшении деятельности государственных и общественных организаций.

Свобода творчества. В ст. 47 говорится: "Гражданам СССР в соответствии с целями коммунистического строительства гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества..." Эта статья важна сама по себе, хотя в перечислении того, чем обеспечивается эта свобода, Конституция ограничивается указанием на такие государственные мероприятия, которые всегда совместимы с государственным контролем над творчеством.

Право на пользование достижениями культуры. Это право гарантировано ст. 46, и в перечислении того, чем обеспечивается это право, указывается, в частности, на "общедоступность ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах". Это необычайно важное обещание, практически ставящее вне закона спецхраны в библиотеках и закрытые запасники в музеях, с той, однако, оговоркой, что на практике может возникнуть дискуссия о том, что государственные фонды считают ценностью культуры, а что нет. В любом случае эта статья облегчает дискуссию с властями для тех, кто, находясь в Советском Союзе, хочет отстаивать свое право на свободу получения информации.

Право на ассоциацию. Статья 51:

В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов.

Общественным организациям гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач.

Если сравнить эту статью со ст. 126 старой Конституции, можно видеть, что норма о праве на ассоциацию подверглась более существенной переработке сравнительно с изменениями в статье о свободе слова и др. (ср. ст. 125 старой и ст. 50 новой Конституции), и не только потому, что упоминание коммунистической партии вынесено из статьи о праве на объединение в первый раздел (ст. 6). По сравнению со статьей о свободе слова эта статья содержит несколько более подробные пояснения, чем

соответствующая статья о праве на ассоциацию в старой Конституции. Я думаю, перед составителями Конституции была поставлена цель сформулировать статью о праве на объединение более осторожно в связи с тем, что за последние семь лет в Советском Союзе созданы общественные ассоциации, не контролируемые государством. В свое время, когда была создана первая такая ассоциация, признанная международными организациями, — Комитет прав человека, я имел дискуссию с прокуратурой относительно законности создания Комитета прав человека и, в частности, ссылаясь на Конституцию. Ничто в тогдашней формулировке не помешало мне обосновать правомерность создания Комитета прав человека в Советском Союзе. С тех пор было создано еще несколько независимых общественных ассоциаций, широко известных на Западе, в том числе группа "Международной Амнистии" и Московская, Украинская, Литовская, Грузинская и Армянская группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Эта необычайно важная деятельность советских активистов правозащитного движения, по-видимому, вызывает беспокойство у властей, и можно было ожидать, что статья о праве на объединение в новой Конституции будет сформулирована более осторожно. Я не вижу пока, чтобы нынешней статьей Конституции о праве на объединение было труднее пользоваться в обосновании законности создания независимых общественных организаций. Что определенно видно, это то, что нет бывшего в ст. 126 перечня видов общественных организаций, однако, разумеется, это не ограничивает права на создание организаций любого вида.

Профсоюзы в новой Конституции упоминаются лишь как нечто уже существующее, в то время как в старой Конституции (ст. 126) они упоминались в числе тех организаций, в которые граждане имеют право объединяться. Пожалуй, это существенно, если предположить (а такое предположение не лишено оснований), что власти не хотят обращать особенное внимание граждан на возможность создания свободных, не контролируемых государством профсоюзов. Такая возможность есть. Право на создание свободных профсоюзов гарантировано ратифицированной Советским Союзом Конвенцией о праве на ассоциацию, и право на объединение в профессиональные союзы в явной форме гарантировано в ст. 2 Основ законодательства о труде. Пока что не известен пример организации свободного, не контролируемого властями профсоюза, однако известно о том, что лица одинакового рода занятий подчас поставлены в такие условия, в которых они не могут трудиться в государственных учреждениях (например, неофициальные художники, а также ученые, которые лишились работы и безуспешно добиваются разрешения на эмиграцию). В таких условиях можно понять, что у составителей Конституции не было стремления подчеркивать право граждан на создание свободных, не зависящих от государственного контроля профессиональных союзов. Однако забвение этого права в Конституции не ограничивает его, и граждане СССР в соответствии с советским законом могут создавать профсоюзы даже тогда, когда профсоюз работников данной специальности уже существует.

Религиозная свобода. Статья 52:

Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви.

Эта статья, конечно, далеко не обеспечивает религиозной свободы гражданам, тем более что в явной форме гарантируется свобода атеистической пропаганды, но нет свободы пропаганды религии. По поводу близкой формулировки этой статьи в Проекте Конституции члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР о. Г. Якунин, В. Хайбулин и В. Капитанчук обратились в Конституционную комиссию с заявлением, в котором Проект подвергался критике с точки зрения обеспечения религиозной свободы. Учитывая, что правящая роль атеистической Коммунистической партии в новой Конституции декларирована в столь явной форме, авторы этого заявления отметили, что гарантия религиозной свободы должна быть должным образом представлена в Конституции, а также предложили следующие другие возможности: "1. Правящая партия исключает из своего Устава положение, обязывающее каждого ее члена вести решительную борьбу с религиозными пережитками". 2. Она официально признает совместимость коммунизма и религии. 3. Тезис о принципиальной возможности религии при коммунизме вводится в текст новой Конституции СССР". Авторы этого заявления сочли ситуацию столь серьезной для верующих, что заявили: "Если этот Проект будет принят, то перед верующими гражданами со всей серьезностью встанет мучительный вопрос: могут ли они без ущерба для их религиозной совести оставаться гражданами государства, законодательно объявляющего атеизм своей целью?"

Неприкосновенность частной жизни. Статья 55:

Гражданам СССР гарантируется неприкосновенность жилища. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц.

Статья 56:

Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом.

Эти статьи не нуждаются в комментариях, а разве что нуждаются в том, чтобы выразить сожаление об отсутствии узаконений, исчерпывающе перечисляющих случаи, когда нарушать неприкосновенность частной жизни можно, и об отсутствии узаконений о процедуре такого нарушения во всех случаях*. Но с самого начала я не ставил себе целью обсуждать со-

* Известный правозащитный деятель А. Вольпин заметил однажды, что тайна переписки соблюдается в Советском Союзе, потому что КГБ не разглашает содержания писем, которые он читает. После прочтения черновика этой моей статьи А. Вольпин просил меня подчеркнуть, что это было сказано им иронически.

ответствие гарантий Конституции практике, это тема для другой работы. Тем не менее тот факт, что эти статьи есть в Конституции, сам по себе важен.

Заключение

Я отметил здесь некоторые изменения в конституционной системе гарантий прав. Читатель найдет в Конституции также гарантии процессуальных и социально-экономических прав — я не останавливаюсь на этом*.

В заключение скажу, что хотя Конституцию можно критиковать за многое в том, как и сколь полно в ней сформулированы права человека, но следует помнить, что в Конституции законодатель не претендует обычно на то, чтобы дать исчерпывающий перечень гарантий прав человека. Помимо Конституции есть другие узаконения: советские законы, Пакты о правах человека и международные конвенции, ратифицированные Советским Союзом. Обязательства СССР по этим соглашениям остаются в силе, и в Конституции подтверждена готовность СССР добросовестно выполнять такие обязательства (ст. 29). Так что Советский Союз не может ссылаться на отсутствие в Конституции, например, права свободно покидать страну, как на основание пренебрежения этим правом, ибо оно есть в Пактах о правах человека. Однако теперешняя Конституция, как и старая, дает много возможностей для дискуссии с властями в случае нарушения прав человека.

В СССР есть люди, которые эту дискуссию активно ведут уже более десяти лет, и естественно, если даже растяжимость и нечеткость формулировок Конституции они будут использовать для обоснования своих требований о защите прав человека.

К сожалению, Конституцию на практике можно использовать лишь для такой дискуссии. В советском праве нет процедуры для того, чтобы отстаивать в суде свое конституционное право, если это право не повторено в другом законе, для которого предусмотрена судебная процедура его защиты.

Ноябрь 1977 г.

* Не входя в подробное обсуждение гарантий социально-экономических прав, отмечу с удовольствием статью 40, где указано, что право на труд включает в себя:

право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

(Подчеркну, что речь идет о *праве* учитывать общественные потребности, а не о том, что эти потребности могут ограничить право выбора рода занятий.)

В ст. 60 также говорится о труде в *избранной* самим гражданином области общественно полезной деятельности.

ИЗ ПРОШЛОГО

Н. ХРУЩЕВ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

(Публикация В. Чалидзе)

Под этим условным заголовком "Хроника защиты" публикует в этом и следующем выпусках отдельные фрагменты из мемуаров бывшего главы советского правительства Никиты С. Хрущева. Естественно, при отборе фрагментов редакция ограничивается правозащитной тематикой: будут приведены высказывания Хрущева о свободе выезда, об отношениях его и советских властей с творческой интеллигенцией и т. п.

Насколько известно, мемуары Н. Хрущева попали на Запад в магнитной записи, их подлинность была проверена специалистами, и по этим записям издательство Little Brown издало по-английски 2 тома мемуаров Хрущева. Мои попытки способствовать полному русскому изданию этих ценнейших материалов натолкнулись на не известно от кого исходящий запрет — тема эта, впрочем, несколько деликатная по понятным причинам, и я ограничусь здесь лишь выражением сожаления в связи с тем, что мемуары этого удивительного государственного деятеля пока не публикуются по-русски, тем более что, если представить себе патристический образ их автора, — трудно предположить, что в его намерения входило ознакомить со своими воспоминаниями лишь иностранных читателей; напротив — местами в тексте проявляется надежда автора, что именно читатели и специалисты на его родине смогут использовать то, что он успел записать.

Благодаря любезности руководства Русского института Колумбийского университета в Нью Йорке я смог ознакомиться с машинописной записью текста мемуаров. Судя по этой записи, материал не слишком организован — автор его все время перекакивает с одной темы на другую, допускает много повторений, чувствуется, что диктовка велась не систематически, без заранее составленного плана, что придает тексту еще большую ценность, ибо это непосредственные, не сформулированные заранее свидетельства.

В магнитной записи много пропусков, возникших либо по технической причине, например, при копировании пленок, либо

сделанных кем-то нарочито. Предполагать эту последнюю возможность заставляло меня часто то, что рассказ Хрущева обрывается иногда на "остром" месте, где чувствуется, что автор подходит к особо интересному эпизоду.

Публикуя теперь несколько фрагментов этих мемуаров, я хочу предупредить читателя, что даже в этих коротких отрывках — много путаницы, когда речь идет об описании конкретных фактов; Хрущев не имел доступа к архивам, диктовал все по памяти и не раз сам делал оговорки о том, что-де историки могут уточнить подробности, в которых он не точен. Например, в приводимых фрагментах бросается в глаза то, что дискуссию с Сахаровым об испытательных взрывах он связывает с первым взрывом водородной бомбы, произведенным, насколько известно, в 1953 году, — такая датировка дискуссии с Сахаровым весьма сомнительна, тем более что сам Сахаров сообщает, что эта дискуссия началась в 1961 г.*

Можно привести и другие примеры фактических неточностей в публикуемых отрывках. Но это несколько не снижает ценности записей Хрущева, ибо самое интересное — это его мнения, пусть изменившиеся позднее, его впечатления, а факты и даты можно уточнить по другим источникам.

Я, однако, при публикации не считал нужным снабжать текст какими-либо уточнениями или комментариями, публикуя его в таком виде, как он приведен в машинописной записи в Колумбийском университете. Лишь иногда в квадратных скобках даются вставки предположительно пропущенных слов.

Текст Хрущева набран мелким шрифтом, все мои вставки — более крупным.

10 января 1978 г.

В. Ч.

О Сахарове

Очень потряс своим предложением академик Сахаров, когда он предложил создать водородную бомбу. Я с ним встречался, слушал, он очень хорошее производил впечатление, и быстро была создана водородная бомба, и его расчеты полностью оправдались. Но у нас произошла размолвка с товарищем Сахаровым, это по вопросу испытания водородной бомбы, я не мог прислушаться к его голосу, не мог согласиться с ним с тем, чтобы

* А. Сахаров. "О стране и мире", сборник произведений, изд. "Хроника", 1976, стр. VII.

не взрывать водородную бомбу. И эта размолвка, видимо, отложила свой отпечаток и на Сахарова и меня тоже насторожила, здесь проявилось государственное недопонимание интересов, потому что мы водородную бомбу подготавливали к испытанию и взорвали не для подготовки к нападению, а для обороны, только для этих целей. Я не знаю, я не слышал ни от кого после смерти Сталина, да и от Сталина я не слышал, чтобы была подготовка для нападения ... Даже при Сталине стоял только вопрос обороны.

И далее:

Так что здесь я хотел бы сказать свое мнение и просить как бы у Сахарова понимания моей позиции, правильного понимания моей позиции, с которой он не согласился. У нас не было расхождений по существу, что-бы эти средства не были направлены на уничтожение людей, а вопрос тут был... да я должен был, как глава Правительства и один из руководителей партии, я должен был использовать все средства, которые давались нам для укрепления обороны страны. Поэтому я не имел права отказываться от испытания и согласиться с товарищем Сахаровым, чтобы отказаться от испытаний водородной бомбы. Я думал, что если не сегодня, то когда-нибудь товарищ Сахаров правильно поймет мою позицию.

В другом месте своих воспоминаний Н. Хрущев вновь возвращается к этому эпизоду:

Наши военные и ученые, которые работали в этой области обороны, тоже оказывали свой нажим, они говорили, что надо двигаться вперед и что надо провести испытания новых созданных конструкций атомных и водородных бомб, и это было законно. И мы объявили, что такого-то числа будут проведены испытания новых конструкций. Я помню, что буквально за день или за короткое время ко мне обратился академик Сахаров по телефону, я с ним был знаком, на меня он производил очень глубокое впечатление, и такое впечатление он производил не только на меня, но и на всех, это был, как говорится, нравственный кристалл среди ученых, который дал такую идею, и на его идее была разработана и создана водородная бомба, он обратился ко мне, как к Председателю Совета Министров, с просьбой, чтобы не проводили испытания и во всяком случае не испытывали водородную бомбу, я не могу согласиться, зная, какой вред человечеству приносят эти испытания, и поэтому я как ученый и конструктор, как ученый, на основе чьих научных данных была создана эта бомба. Он, видимо, считал, что он вправе распоряжаться в дальнейшем, как поступить с этой бомбой, и поэтому он обратился ко мне с просьбой не делать этого испытания, уговаривал меня... ну, им руководили общечеловеческие хорошие, очень хорошие [побуждения]. И действительно, это был ученый, который был предан науке и добрым идеям мира и процветанию мира между людьми, сохранению всех возможных условий для лучшей жизни людей с тем, чтобы не только не уничтожать,

но и не заражать атмосферу, не отравлять людей и не убивать их постепенно. Я говорю: "Товарищ Сахаров, ну что я вам могу сказать, я по своему политическому и государственному положению не имею права отказаться сейчас от испытаний. Это и желание мое, и желание партийного и советского руководства отказаться от испытаний, и мы это конкретно выразили в конкретных предложениях и обратились к нашим вероятным противникам, которые накапывают это оружие, но они же нас не послушали, вы же, как ученый, знаете, что они проводят испытания, они и сами об этом объявляют, и у нас есть [способы], которыми мы можем следить за этими испытаниями". Он продолжал настаивать, чтобы не проводить испытание. Я хотел быть честным перед Сахаровым, и я сказал ему: "Товарищ Сахаров, при всем моем сочувствии к вашему пониманию и к вашей просьбе, я человек, который отвечает за состояние обороны нашей страны, и я не имею права отказаться от испытаний, это было бы преступлением перед нашим государством, перед нашим народом. Вы ведь знаете, какие страдания были принесены нашему народу второй мировой войной, поэтому подвергнуть еще такому риску, если отказаться от современного оружия, а наши противники ведут гонку создания новых средств вооружения, средств истребления и проводят экспериментальные взрывы. Прошу вас, поймите меня правильно, но с вашей просьбой я не могу согласиться, потому что согласиться с нею означает обречь нашу страну на то, что она будет слабее вооружена, чем США и другие союзники США, которые проводят политику, направленную против нашего государства, против нашего советского народа, поэтому мы будем продолжать взрывы". Ну, его, конечно, своими аргументами не убедил я, и он меня своими аргументами, конечно, не убедил. Таков уж закон; мы обсудили просьбу Сахарова в правительстве и решили, что мы не можем согласиться с его просьбой и должны провести испытания, и мы произвели испытания, взорвали водородную бомбу. Она выводила нас на совершенно новую ступень по вооружению...

О Капице

... Сталин предложил построить ему [Капице] специальный институт на самом лучшем месте Москвы. А это Воробьевы Горы считались ... И институт этот был построен, и я, когда бывал в Москве, я всегда выезжал на Воробьевы Горы, проехаться, то я уже видел созданный институт, и я радовался, что, мол, в этом институте ученые наши, чародеи под руководством Капицы создают что-то небывалое, необыкновенное для нашей страны. Но то, над чем работали, я не знал, а при Сталине был такой порядок, что если тебе не говорят то, что ты хочешь знать, то не спрашивай об этом, значит тебя это не касается. И я никого не спрашивал. Потом уже, или перед войной, или во время войны, Сталин стал выражать недовольство или даже гнев против Капицы, что Капица не дает то, что он может дать, что Капица не оправдывает наших надежд и прочее негодование. Насколько были обоснованы эти негодования, мне трудно судить, но я

тогда верил Сталину, и если Сталин говорит, значит так и было. Когда кончилась война... А кончилась война взрывом атомной бомбы Америки... Мы отстали. И тогда весь мир ученых трубил об этой атомной бомбе и о превосходстве США, а тут уже союзнические узы, которые у нас укрепились во время войны против Германии, уже дали трещины, и наоборот, началась холодная война, которую раздул Черчилль в своей речи в США. А когда мы взорвали бомбу, то поднялся буквально истощенный вой в буржуазной прессе, что бомбу русские получили из рук Капицы, что Капица такой-сякой ученый физик, что только он мог дать русским атомную бомбу. Тут уже Сталин возмущался и говорил, что Капица к этому абсолютно никакого отношения не имеет, потому что он не занимался этими вопросами, видимо, так это и было. Когда умер Сталин, то у меня сохранились двойственные отношения к Капице, с одной стороны, он признанный в мире крупный ученый-физик, а с другой стороны, этот ученый... не оказал нам помощь в создании советской атомной бомбы. Поэтому отношение к Капице было больше чем сдержанное. Когда умер Сталин, Капица попросился ко мне на прием. Я его принял, я слушал его, внимательно слушал. Я помню, Капица поднял вопрос о какой-то теме, над которой он хотел бы работать, и просил оказать ему помощь. Он пригласил меня в свою лабораторию, я это сейчас не твердо помню... Денег ему мы, по-моему, тогда тоже не дали, но я точно помню. Когда я расспрашивал кого-то, по-моему, Курчатова или еще кого-то из ученых о той теме, над которой работает Капица, то они говорили, что эта тема не является очень острой для Советского Союза...

Далее рассказывается о другой встрече Н. Хрущева и П. Капицы:

... Тогда я у него спросил, почему вы, товарищ Капица, не возьмете ли тему оборонного значения, мы сейчас в этом нуждаемся, он довольно пространно мне объяснил свое отношение к военной тематике, насколько я помню, а основы я хорошо помню, он мне так говорил: "Я не люблю заниматься военной тематикой, я ученый, а ученые подобны артистам, они любят, чтоб об их работе говорили, показывали в кино, писали в газетах и прочее, военная тематика — это секретная тематика, если заниматься военной тематикой, это значит похоронить себя в стенах института, в котором ты работаешь, и фамилия тоже исчезнет из печати, я не люблю этого, я хочу быть знаменитым, я хочу, чтоб о моей работе писали"; на меня такие рассуждения, надо признаться, произвели очень странное впечатление и не в пользу академика Капицы. Ведь что же делать, это ведь вынужденная тематика, пока существуют классы, армии, государства-антагонисты, нам надо заниматься военной тематикой, иначе нас задавят, раздавят, разомнут, а он говорит — нет, я все-таки не хочу заниматься военной тематикой. Мне было трудно даже определить, как это так советский человек, пережил и видел страдания нашего народа, которые принесла война Гитлера против Советского Союза, а мы же сейчас прилагаем

все усилия с тем, чтобы этого не повторилось, все делаем для подъема экономики, науки, культуры, военной мощи, а без науки военную мощь нельзя создать, и крупнейший ученый с мировым именем отказывается оказать нам помощь, если бы он это говорил не мне, а Сталину, то я не знаю, какой бы вывод сделал Сталин, но на меня это тоже подействовало плохо, я спросил при встрече товарища Лаврентьева, как вы относитесь к Капице, как вы его расцениваете, товарищ Лаврентьев дал мне очень высокую оценку этого человека, но мне уже это было известно, что он является крупным мировым ученым. Да, а Капица когда со мной говорил, то выразил желание поехать за границу, в общем он хотел, чтобы в печати прошумела его поездка. Я говорю Лаврентьеву, вот он хочет поехать за границу, как вы относитесь к этому, Лаврентьев говорит – можно пустить. Вы считаете, что он честный человек? "Да, я абсолютно уверен, что это очень честный человек и порядочный". Одним словом, Лаврентьев дал ему очень хорошую характеристику, и это меня успокоило, я говорю, ну а вот его отношение к военной тематике. "Да, он такой оригинал, так смотрит на военную тематику, у него сын замечательный ученый, географ, большой патриот, поэтому я считаю, что отец тоже является советским патриотом..." А вы как считаете, знает он о военной тематике, над которой работают наши ученые? "Да, это он все знает, академики общаются между собой и обмениваются мнениями, поэтому он все знает это". Это меня сразу насторожило. Тогда я спросил Лаврентьева, может ли он как-нибудь проговориться. "Трудно мне сказать за него, но я его считаю хорошим ученым и большим патриотом Советской страны, и он предателем не станет". Но одно дело – предать, а другое – разбалтывать, это разные вещи. Тогда мы обменялись в руководстве, решили все-таки воздержаться от посылки Капицы за границу. Мы тогда находились на таком предельном уровне, в смысле атомных вооружений, который требовал большой секретности, какое количество у нас этого оружия, поэтому не хотели, чтобы наши противники узнали об этом как-то косвенно, а у нас не было уверенности, что Капица в разговоре не проговорится с учеными, среди которых у Капицы много знакомых за границей, поэтому мы отказались выдать разрешение на поездку. Я потом читал уже года два тому назад, что академик Капица ездил за границу и шумно провел свою поездку и получил признание, был назначен почетным академиком в разных странах и прочее. Ну, что же, я радуюсь, наконец-то Капица был за границей, он получил удовлетворение, получил такое признание в печати. . . .

И далее:

Долг мой тогда, как Председателя Совета Министров, требовал осторожности, и я эту осторожность проявил, и мы тогда не разрешили Капице, хотя он с официальной просьбой не обращался, а только вопрос ставил, вот такое смешанное чувство у меня осталось от бесед, которые я имел с академиком Капицей. Капица мне рассказывал, что он большое дело сделал, да это и другие говорили, и это известно, что он дал новый метод получения кислорода, это для экономики страны сыграло очень

большую роль, но мы тогда хотели большего, мы хотели, чтоб подтвердилось то, что говорили буржуазные газеты, что Капица создал атомную бомбу, мы этого хотели, я не знаю, мог ли он это сделать, мне трудно судить, я не ученый, но во всяком случае он не приложил свою руку к этому делу и даже старался доказать, что он не занимался этим вопросом из-за каких-то принципиальных вопросов.

Если сравнить и сопоставить Капицу и Сахарова. Сахаров тоже к нам обратился, чтобы не взрывать водородную бомбу, но он все-таки дал нам водородную бомбу. Это патриотизм, это вклад и какой вклад! Хотя он потом просил, чтобы не взрывали эту атомную бомбу. Но как же иметь ее без экспериментальных взрывов, оружие, которое берется на вооружение, обязательно испытывается с тем, чтобы быть уверенным, что в нужное время оно будет действовать безотказно. Но, видимо, в этом вопросе создаются колебания. Вот академик Сахаров не определил тогда своего отношения. С одной стороны, он чувствовал раздвоение. Он чувствовал, что он должен помочь стране получить нужное вооружение против агрессоров, а с другой стороны, боялся применения этого оружия, и он, видимо, боялся, что применение этого оружия будет связано с его именем, и он хотел, чтобы его не испытывали, но это уже тут может быть разный подход человека ученого, он, видимо, пацифистского направления человек, и я за пацифизм, если бы мы создали условия, исключающие войны, но пока мы живем в таком мире, где нужно смотреть в оба, то здесь поддаваться одностороннему разоружению, такому пацифистскому настроению опасно, могут слопать империалисты.

Но почему же все-таки я не согласился с тем, чтобы академик Капица поехал за границу, это же отрывки сталинского времени? Возможно, я ведь столько лет проработал под руководством Сталина. Не сразу освобождаешься от тех налетов, которые там оседают. Я этого не отрицаю, для этого нужно время, время с тем, чтобы осознать и отрешиться, но все-таки, я думаю, главное не в сталинском наследстве взглядов, а в заботе о своей стране, о своем государстве, о своем народе, поэтому не сама поездка академика Капицы беспокоила меня и руководство — я сам ничего лично не решал и не имел права решать согласно нашему порядку и кодексу и государственному и партийно-моральному, — но я лично был против поездки, я об этом уже записывал, когда я задал товарищу Лаврентьеву вопрос, знает ли Капица о наших работах по вооружению, ядерному вооружению и ракетному. Он мне ответил, что Капица все знает, ну если он знает и отказался сам работать в этой области, у меня тут всякие мысли возникали...

В другом месте Хрущев вновь возвращается к тому, что Капицу не пустили за границу:

... Пусть, как говорится, простят мне смертному. Я ведь смертный, а как смертный тоже не лишен ошибок, поэтому я считаю, что здесь тоже можно применить такое выражение, что ошибка была допущена Капицей, когда он отказался от работы над военной тематикой, ну и я допустил ошибку, так что на этом мы, как в детстве раньше говорили, квиты.

БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги издательства "Хроника"

"Хроника текущих событий", вып. 45, 25 мая 1977 г.
Григоренко П.Г. Сборник статей.

Поступления Самиздата

- Абрамович П. Заявление начальнику Первомайского райфинотдела г. Москвы о необоснованных отказах в регистрации его как преподавателя иврита, 26 июня 1977 г.
- Айриякян П., политзаключенный. Последнее слово на суде, 22 ноября 1974 г.
- Альбрехт В. "Поиски сути (Листки из дневника)", 1976 г.
- Альбрехт В. "Непроторенными путями закона (Странички из дневника)", 1977 г.
- Альтшулер Б. Обращение в Президиум Верховного Совета СССР и Конституционную комиссию с критикой Проекта Конституции, 1 сентября 1977 г.
- Басараб Д., политзаключенный. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР, 14 июня 1977 г.
- Бегларян Э. Заявление на имя Л. Брежнева об отказе от советского гражданства и с просьбой разрешить ему эмигрировать, Ереван, 30 октября 1976 г.
- Владимов Г. Заявление в Правление Союза писателей о выходе из Союза, 10 октября 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Войнович В. "Хунвейбины из "Бригантины" и его письмо членам клуба "Бригантина" — ученикам средней школы № 7 г. Артемовска Ворошиловградской области, 2 ноября 1977 г.
- Гамсахурдия З. "Процесс сотрудников Тбилисской тюрьмы" (около 50 стр.).
- Гамсахурдия З. Письмо министру культуры ГССР о необходимости принятия мер к сохранению монастыря Давид-Гареджа, 28 февраля 1977 г.
- Ганкин В., еврей-отказник. Заявление в адрес Комиссии по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений, 18 сентября 1977 г.
- Глузман С., политзаключенный. Стихотворение "Псалом о смысле", февраль 1976 г.
- Григоренко П. Открытое письмо участникам Белградской конференции, организации "Международная Амнистия" с призывом требовать освобождения Н. Руденко и А. Тихого, 18 октября 1977 г.
- Зограбян Р., политзаключенный. "Почему я поджег его" (портрет Ленина), 1975 г.

- Ирадян А. Заявление в Прокуратуру СССР с требованием установить убийцу его сына Даниела, убитого в следственном изоляторе № 1 г. Еревана 26 декабря 1976 г., Ереван, 18 марта 1977 г.
- Каволюнас В., политзаключенный. Заявление Генеральному Прокурору СССР, 8 мая 1977 г.
- Каволюнас В., политзаключенный. Заявление начальнику санчасти Пермского лагеря № 36 Титову, 18 апреля 1977 г.
- Калинец И., политзаключенный. Заявление в ГУИТУ с просьбой обеспечить заключенных стоматологической помощью, 25 июля 1977 г.
- Кислик В., еврей-отказник. "Политика советских властей в области еврейской эмиграции. Попытка анализа на основе опыта последних лет", начало 1977 г.
- Ковалев С., политзаключенный. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР, 3 октября 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Ковалев С., политзаключенный. Заявление Генеральному Прокурору СССР в защиту политзаключенного С. Сапеляка, 18 ноября 1976 г.
- Ковалев С., политзаключенный. Заявление начальнику Пермского лагеря № 36 Журавкову о голодовке С. Сапеляка, 21 ноября 1976 г.
- Кукушар. Заявление о притеснении татар и башкир с призывом к объединению тюркских народов СССР, 1977 г.
- Ладов Л. Статья "Несколько мыслей о России, спровоцированных современными "славянофилами".
- Литвин Ю., политзаключенный. Открытое письмо Комитету защиты прав человека и гражданина при ООН, 9 марта 1977 г.
- Любарский К. "Судебный процесс "политзаключенный против тюрьмы", 20 июля 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Любарский К. Заявление в Прокуратуру РСФСР и МВД СССР о преследованиях со стороны милиции г. Тарусы, 24 июля 1977 г.
- Ляхов А. Обращение с рассказом о попытках Ленинградского КГБ добиться от него показаний на его друзей, 14 июня 1977 г.
- Макаренко М., бывший политзаключенный. "Мы не прощаем" – о дне 5 сентября, который отмечается политзаключенными как День национального траура по миллионам соотечественников, погибших в советских лагерях, сентябрь 1977 г.
- Малхасян А., бывший политзаключенный. Пять обращений в различные советские официальные инстанции, а также правительствам государств – участников Совещания в Хельсинки с протестом против советской национальной политики в Армении и с просьбой разрешить ему эмигрировать из СССР, 1975-1976 гг.
- Маркосян Р., политзаключенный. Одиннадцать заявлений в различные советские официальные инстанции, учр. ЖХ 385/19, октябрь 1976 – март 1977 г.
- Марченко В., политзаключенный. Заявление начальнику учр. ВС 389/36 Журавкову, 14 мая 1977 г.
- Марченко В., политзаключенный. Заявление начальнику санчасти учр. ВС 389/36 Титову, 14 мая 1977 г.
- Машкова В. Обращение к правительству Израиля с просьбой выслать приглашения бывшим политзаключенным, 1977 г.

- Машкова В. Открытое письмо в организацию "Международная Амнистия" о голодовке ее мужа – политзаключенного В. Осипова и его товарищей, 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Мейман Н. "Общественному трибуналу по расследованию дела А. Щаранского", август 1977 г.
- Митяшин Б., бывший политзаключенный, рабочий из Ленинграда. "Биографическая справка".
- Митяшин Б. Обращение в Инициативную группу защиты прав человека в СССР, в Московскую группу "Хельсинки", в советское отделение "Международной Амнистии" и в "Хронику текущих событий" о новых преследованиях со стороны КГБ и о возможности его нового ареста, Ленинград, 14 мая 1977 г.
- Назарян Р., член Армянской группы "Хельсинки". "Мое убеждение" – текст, направленный в Комитет госбезопасности при СМ Армянской ССР, 19 февраля 1976 г.
- Назарян Р. Заявление с просьбой принять его в Международную ассоциацию содействия выполнению Хельсинкских соглашений, 26 октября 1977 г.
- Овсиенко В., бывший политзаключенный. Заявление на имя зав. Радомышльским РОНО Житомирской обл. с просьбой предоставить ему работу по специальности (Овсиенко – филолог, преподаватель украинского языка и литературы), 31 марта 1977 г.
- Овсиенко В. Заявление на имя министра просвещения УССР с просьбой назначить ему денежное пособие ввиду невозможности устроиться на работу по специальности, 8 апреля 1977 г.
- Овсиенко В. Заявление Прокурору УССР с требованием снять с него административный надзор, 8 апреля 1977 г.
- Осадчий М., политзаключенный. Письмо в Президиум Верховного Совета СССР, февраль 1977 г.
- Пидгородецкий В., политзаключенный. Заявление начальнику медчасти учр. ВС 389/35 Ярунину, март 1976 г.
- Плумпа П., политзаключенный. Заявление начальнику учр. ВС 389/36 Журавкову о том, что впредь он будет разговаривать с администрацией лагеря только на литовском языке, 6 июня 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Плумпа П., политзаключенный. Заявление начальнику учр. ВС 389/36 Журавкову с предложением перевести его на камерный режим вместо больного Сапеляка, 3 августа 1977 г.
- Подрабинек К. Обращение к конгрессу США и мировой общественности о новых методах расправы с инакомыслящими, 16 октября 1977 г.
- Регельсон Л. Обращение к участникам Совещания в Белграде о принудительном труде в СССР, 16 сентября 1977 г.
- Романюк, о. В., политзаключенный. Обращение в редакцию газеты "Осерваторе Романо".
- Романюк, о. В., политзаключенный. Открытое письмо в Президиум Верховного Совета СССР, 8 февраля 1977 г.

- Романюк, о. В., политзаключенный. Обращение к евреям и всем людям доброй воли с призывом помочь Эдуарду Кузнецову и его подельникам, 1 сентября 1977 г.
- Руденко Н., политзаключенный. Стихотворение, написанное в Киевской следственной тюрьме 18 августа 1977 г. (на украинском языке).
- Руденко Р. Обращение к Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу с просьбой освободить ее мужа Н. Руденко и разрешить им эмигрировать, 1 октября 1977 г.
- Руденко Р. Обращение к организации "Международная Амнистия" с просьбой выступить в защиту ее мужа – Н. Руденко, 3 октября 1977 г.
- Румачик Л. Обращение к Советанию в Белграде о тяжелом положении ее мужа – П. Румачика, только что вернувшегося из заключения, 6 мая 1977 г.
- Сапеляк С., политзаключенный. Заявление начальнику учр. ВС 389/36 Журавкову, 18 апреля 1977 г.
- Сапеляк С., политзаключенный. Заявление Генеральному Прокурору СССР, 7 июня 1977 г.
- Сапеляк С., политзаключенный. Заявление Председателю КГБ Андропову о репрессиях против его родителей, 8 июня 1977 г.
- Светличный И., политзаключенный. Заявление Генеральному Прокурору СССР, 8 мая 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Светличный И., политзаключенный. Заявление начальнику медчасти учр. ВС 389/36 Титову, 18 мая 1977 г.
- Светличный И., политзаключенный. Заявление начальнику учр. ВС 389/36 Журавкову, 2 июня 1977 г.
- Светличный И., политзаключенный. Заявление начальнику учр. ВС 389/36 Журавкову, 29 августа 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Сеитмуратова А., крымская татарка, бывшая политзаключенная. Обращение к участникам Конференции в Белграде с просьбой о помощи в выезде за пределы СССР, 1977 г.
- Сергеев Ю. "Критическая оценка Проекта Конституции", август 1977 г.
- Серебров Ф. Стихотворение, написанное в камере Бутырской тюрьмы 2 октября 1977 г.
- Снегирев Г. Открытое письмо президенту США Картеру, июнь 1977 г.
- Снегирев Г. Письмо в редакцию газеты "Литературная Украина" по поводу помещенного в этой газете фельетона о нем, 9 сентября 1977 г.
- Строкатова Н. Заявление в Прокуратуру РСФСР и МВД СССР о преследованиях со стороны милиции г. Тарусы, 24 июля 1977 г.
- Татос А.К. Заявление в посольство Австрии с просьбой помочь ему уехать в Австрию, Армения, 1 июня 1977 г.
- Тереля О. Заявление в Президиум Верховного Совета УССР с протестом против насильственного помещения ее мужа Иосифа Терели в психиатрическую больницу, 28 апреля 1977 г.
- Тереля О. Заявление в областной суд Закарпатской области, 4 мая 1977 г.
- Тереля О. Обращение к английскому психиатру Гарри Лоуберу с просьбой о помощи в освобождении из психиатрической больницы ее мужа – И. Терели, 25 июня 1977 г.

- Удам Э. Обращение в Московскую и Литовскую группы "Хельсинки", Таллин, 26 мая 1977 г.
- Ушаков Г., политзаключенный. Открытое письмо президенту США, 2 апреля 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Файн В. Жалоба на незаконные действия следователя КГБ Касумова во время допроса Файна по делу Щаранского, 13 мая 1977 г.
- Финкельштейн Э. Заявление об отказе давать следствию показания по делу Щаранского, Вильнюс, 3 сентября 1977 г.
- Хейфец М., политзаключенный. Письмо из Мордовского лагеря № 19, 1977 (опубл. наст. вып.).
- Хлгатын А. "Открытое обращение к властителям Советского Союза", Ереван, 14 ноября 1977 г.
- Ходорович Т. Заявление в прессу о судьбе преемников Русского фонда помощи политзаключенным и их семьям М. Ланды и К. Любарского, 7 июля 1977 г.
- Ходорович Т. "Только чудо..." – о будущей судьбе России, 11 июля 1977 г.
- Шелков В.А., Председатель Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов. Обращение к представителям государств – участников Совещания в Белграде – "Факты попраения и нарушения диктатурой госатеизма всех справедливых законов и Хельсинкского соглашения" (68 стр.), июнь 1977 г.

Коллективные произведения

- Гамсахурдиа З., Костава М. "В. Жвания осужден за взрывы", Тбилиси, 19 марта 1977 г.
- Григоренко П., Каллистратова С., Мейман Н., Сахаров А. Призыв к "Психиатрам мира, Всемирной ассоциации психиатров, "Международной Амнистии" " в защиту Александра Подрабиника и Иосифа Терели, 17 октября 1977 г.
- Мешко О., Вивчар З. Обращение матери и жены политзаключенного А. Сергиенко "Спасите Александра Сергиенко!", сентябрь 1977 г.
- Некипелов В., Комарова Н. Статья "О наших обысках", июнь-июль 1977 г.
- Сахаров А., Боннэр-Сахарова Е. Телеграмма Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежневу с просьбой о предоставлении им свидания с политзаключенным Эдуардом Кузнецовым, 30 декабря 1977 г.
- 7 бывших политзаключенных (Репников В., Гримм Ю. и др.). Обращение к президенту США с просьбой разрешить им въезд и проживание в США, 1977 г.
- 8 политзаключенных Мордовского лагеря особого режима (Кузнецов Э., Шумук Д. и др.). Открытое письмо Л. Брежневу "Кое-что о Проекте Конституции СССР", 1977 г.
- 18 политзаключенных Пермского лагеря № 36 (Глузман С., Басараб Д. и др.). Обращение к советской делегации в Белграде, 1977 г.

- 7 политзаключенных (Солдатов С. и др.). Письмо президенту США Картеру, март 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Группа украинских политзаключенных (Караванский С., Шумук Д. и др.). Обращение к "Святейшему Престолу, Всемирному Совету Церквей, Национальному Совету Христианских Церквей США, правительствам и парламентам, подписавшим Заключительный Акт Хельсинкского соглашения" — в защиту политзаключенного священника Василия Романюка, 1977 г.
- 12 бывших студентов и преподавателей МФТИ. Обращение к "Профессорам, преподавателям и студентам всех университетов мира" с призывом выступить в защиту А. Щаранского, июнь 1977 г.
- 10 евреев из Прибалтики (Финкельштейн Э. и др.). Открытое письмо государственным деятелям Израиля в защиту А. Щаранского, 1977 г.
- 21 подпись (Ходорович Т., Сахаров А. и др.). "Слово об Анатолии Щаранском", 15 июня 1977 г.
- 32 еврея-отказника (Абрамович П. и др.). "Обращение ко всем, кому не безразлична судьба Анатолия Щаранского", сентябрь 1977 г.
- 15 евреек-отказниц (Бейлина Д. и др.). Обращение к Л. Брежневу с просьбой разрешить им присоединиться к своим родственникам в Израиле, октябрь 1977 г.
- Группа советских евреев (81 подпись). "К участникам Белградской конференции" о противоречии советской эмиграционной политики Хельсинкским соглашениям, сентябрь 1977 г.
- Группа христиан-пятидесятников, проживающих в Эстонской ССР (138 подписей). Обращение к Белградской конференции с просьбой помочь им выехать из СССР, 1977 г.
- Группа пятидесятников и баптистов, желающих выехать из СССР. "Заявление пятое" на имя Л. Брежнева, 22 июня 1977 г.
- Представители крымско-татарского народа. "Информация № 1", 8-10 августа 1977 г.; "Информация № 2", 11-13 августа 1977 г.

Анонимные произведения

- Описание суда над В. Барладяну с приложением трех писем в защиту Барладяну, июнь 1977 г.
- Интервью с политзаключенным В. Шовковым, Пермский лагерь № 35. "Хроника Архипелага ГУЛАг", зона 36, Пермь, май-июнь 1977 г.
- "Хроника Архипелага ГУЛАг", зона 36, Пермь, июль-октябрь 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Сообщение о фельетоне "Альфонс" о Г. Снегиреве, помещенном в газете "Литературная Украина" за 6 сентября 1977 г.
- Запись суда над Н. Руденко и А. Тихим, Дружковка, 23 июня — 1 июля 1977 г.
- Группа татар. Обращение к представителям нерусской национальности с просьбой поддержки против политики русификации со стороны ЦК КПСС в отношении татар и башкир, апрель 1977 г.
- Группа татар и башкир. Обращение к представителям США в ООН и западным информационным службам с просьбой опубликовать их письмо

от 2 февраля 1976 г. (текст прилагается) о притеснении татар и башкир, 22 марта 1977 г.

Подборка документов о насильственной конфискации Бежицкого баптистского молитвенного дома в г. Брянске 29/30 августа 1977 г. и его разрушении 14/15 сентября 1977 г., конец августа – сентябрь 1977 г. В подборку входят следующие материалы:

1. Обращение к христианам всего мира от Бежицкой Церкви ЕХБ г. Брянска, 72 подписи.
2. Письмо В. Федуловой от 31 августа 1977 г.
3. Письмо В. Шестаковой от 31 августа 1977 г.
4. Письмо В. Восиятина от 31 августа 1977 г.
5. Письмо верующих Брежневу с просьбой вернуть им молитвенный дом, 30.8.77.
6. Сообщение о разрушении молитвенного дома в ночь с 14 на 15 сентября 1977 г.

Письмо политзаключенного Владимирской тюрьмы, 16 июля 1977 г.

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Документ № 23. О положении пятидесятников и баптистов, желающих эмигрировать, июль 1977 г.

Документ № 24. "Дискриминация крымских татар продолжается", 4 ноября 1977 г.

Заявление "Главам правительств стран – участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Новые репрессии и новый этап правозащитного движения в СССР", август 1977 г.

Обращение к Верховному Совету СССР и конгрессу США с предложением создать советско-американскую комиссию для проверки на месте информации относительно психиатрических репрессий, 1 октября 1976 г.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

"Процесс Руденко – Тихого. За попытку быть гражданином – 10 лет тюрьмы, 10 лет мучений", июнь-июль 1977 г.

Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Меморандум № 4. "О новых репрессиях на Украине против групп "Хельсинки", февраль 1977 г.

Меморандум № 6. "О так называемых "внутренних делах" государства", 21 февраля 1977 г.

Меморандум № 7. "Украинская группа содействия – первые четыре месяца", 10 марта 1977 г.

Меморандум № 9. "О грубом правонарушении в следственном "деле" Н. Руденко", 18 марта 1977 г.

Открытое письмо правительствам стран, подписавших Хельсинкские соглашения, с призывом выступить против репрессий в СССР, 9 февраля 1977 г.

"Письмо № 2" правительствам УССР и СССР, правительствам стран — участниц Хельсинкского совещания, 1977 г.

Литовская общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Документ № 7. О преследованиях эстонца Эрика Удама, бывшего политзаключенного, 26 мая 1977 г.

Документ № 8. О преследованиях семьи пятидесятника В. Васильева, желающего эмигрировать из СССР, 2 июня 1977 г.

Документ № 9. О тяжелом положении бывших политзаключенных, 14 июня 1977 г.

Документ № 10. Об аресте Балиса Гаяускаса, 15 июня 1977 г.

Документ № 11. О преследованиях бывшего политзаключенного, эстонца Энна Тарто, 26 июня 1977 г.

Документ № 12. О политзаключенном Альгирдасе Жипре, помещенном в лагерную психиатрическую больницу, 1 июля 1977 г.

Заявление "О положении в Литве", адресованное Белградскому совещанию, 17 июля 1977 г.

Армянская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Декларация об основании Группы, 1 апреля 1977 г.

Сообщение Белградской конференции о положении в Армении, июнь 1977 г. (с 13-ю приложениями).

Обращение к Президиуму Верховного Совета Армянской ССР с ходатайством о досрочном освобождении политзаключенных-армян П. Айрикяна, Р. Зограбяна, Р. Маркосяна и Б. Шахвердяна, 4 декабря 1977 г.

Дополнение к заявлению "Представителям стран на Белградской конференции и соотечественникам-армянам", 12 сентября 1977 г.

Грузинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений (совместно с Инициативной группой защиты прав человека в Грузии)

Заявление для прессы "О преследовании В. Рцхиладзе", весна 1977 г.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР

Информационный бюллетень № 1, май-июнь 1977 г.

Информационный бюллетень № 2, 10 сентября 1977 г.

Информационный бюллетень № 3, сентябрь-октябрь 1977 г.

Заявление о необходимости защиты Юрия Белова, 28 июня 1977 г.

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР (совместно с Инициативной группой защиты прав человека в СССР и представителями Русского фонда помощи политзаключенным и их семьям в СССР)

Заявление для прессы о тяжелом положении христиан-пятидесятников в СССР, 21 сентября 1977 г.

Совет родственников узников ЕХБ

Срочное сообщение Церквам ЕХБ о бедственном положении отдельных членов Церкви, 18 мая 1977 г.

Марк Поповский-Пресс

"В России без перемен" – об обыске на квартире М. Поповского, 3 июня 1977 г.

Национальная Объединенная Партия Армении

Программный документ "К 10-й годовщине своего существования", Ереван, 1976 г.

Официальные документы

Исковое заявление В. Слепака к редакции газеты "Известия" и авторам Д. Мореву и К. Ярилову о защите чести и достоинства (в порядке ст. 7 ГК РСФСР), 9 марта 1977 г.

Исковое заявление А. Шаранского к редакции газеты "Известия" и гр-ну Липавскому о защите чести и достоинства (в порядке ст. 7 ГК РСФСР), 9 марта 1977 г.

Жвания Н. "Жалоба" с предложением опротестовать приговор В. Жвания, Грузия, 1977 г.

Приговор Донецкого облсуда по делу Бориса Монастырского, 6 мая 1976 г.

Протокол обыска в комнате Христофорова Н.П., 7 октября 1974 г.

Обвинительное заключение по обвинению Христофорова Н.П. по ст. 206-1 УК СССР, январь 1975 г.

Приговор по делу Христофорова Н.П., 1975 г.

Обвинительное заключение по делу А. Аршакяна, Р. Зограбяна и Р. Маркосяна, обвиняемых по ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР, август 1974 г.

Приговор по делу Н. Руденко и А. Тихого, 1 июля 1977 г.

Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Одесского облсуда, судившего В. Барладяну по ст. 190-1 УК РСФСР, в отношении свидетеля по делу Голумбиевской А.В., 23 июня 1977 г.

Голумбиевская А.В. Частная жалоба в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда УССР, 5 июля 1977 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", вып. 46, 15 августа 1977 г.

"Хроника Католической Церкви Литвы", вып. 28, 29 июня 1977 г.

Журнал "Евреи в СССР", вып. 14, 1977 г.

"Вокруг Проекта Конституции СССР", Бюллетени № 3, № 4, 1977 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН (выпуски 25 — 28)

Абанькин В. 28 — 57, 59	Андрющенко Н. 26 — 79	Бегларян Э. 28 — 88
Абрамович П. 28 — 88, 93	Аносов 27 — 45,47	Бегун И. 26 — 25
Агранасов 28 — 56	Антоненко-Давидович 26 — 23	Бежуашвили Б. 26 — 114
Агранов 25 — 102	Антонов И. 26 — 79	Бейлин И. 25 — 55
Агурский М. 26 — 57	Апдайк Дж. 26 — 112	Бейлина Д. 25 — 55; 28 — 93
Азбель М. 25 — 19,55; 26 — 88	Артемяева А. 28 — 53	Бекбоев 28 — 12
Айриякян П. 25 — 44: 28 — 13,22,88,95	Архипов 27 — 84	Белая 27 — 41
Аксельрод Э. 25 — 55	Арцимович Л. 25 — 75	Беллоу С. 25 — 57
Александрова 27 — 79	Арчвадзе-Гамсахурдиа М. 27 — 89	Белов 28 — 55,57
Алексеева Л. 25 — 4, 24,32,55,83,118; 26 — 29-38,114; 27 — 6,10; 28 — 42-46,63-66	Аршакян А. 28 — 93	Белов Ю. 25 — 122; 26 — 47,113; 27 — 38; 28 — 95
Алиханов А. 25 — 74	Ассельбаумс Т. 26 — 48	Белянский 27 — 75
Алиханян А. 25 — 74	Ахматова А. 25 — 16, 32	Бердник О. 26 — 111; 27 — 7
Альбрехт В. 25 — 12, 116; 28 — 88	Ащеулов В. 26 — 12	Берия Л. 28 — 58
Альперт Я. 25 — 55	Бабель И. 26 — 108	Берлингүзэр Э. 25 — 56
Альтшулер Б. 28 — 88	Бабич Д. 25 — 122	Бетелл Н. 25 — 115
Амальрик А. 25 — 24; 26 — 21; 27 — 6	Багратион-Мухранская 25 — 111	Библиенко И. 26 — 76
Амарантов Б. 25 — 122	Баева Т. 25 — 55	Бирман В. 25 — 20
Амбарцумян 25 — 75	Баженов 28 — 10	Блок А. 25 — 16
Ангелюк Ю. 27 — 40,42	Балахонов В. 25 — 43: 28 — 64	Бобрович Е. 26 — 10, 113
Анджеевский Е. 25 — 59	Барабанов Е. 26 — 57, 115	Богатырев К. 25 — 11
Андреев Л. 28 — 10	Барин Е. 26 — 74	Богданов 27 — 87
Андреевы 27 — 91	Барладяну В. 26 — 111,114; 28 — 93,96	Боголюбов Г. 25 — 116; 27 — 89
Андропова Е. 26 — 111,114	Басараб Д. 28 — 56, 88,92	Богораз Л. 25 — 55, 116; 27 — 22,91
Андропов Ю. 26 — 111, 112,113; 27 — 10,89; 28 — 91	Батанов 27 — 79	Богущес В. 25 — 33; 26 — 37
	Батурин 26 — 73	Бойцова Л. 25 — 116
	Бахмин В. 25 — 55, 122; 26 — 12,114; 27 — 12,62	Болонкин А. 26 — 111
		Бондарь Л. 26 — 79
		Боннэр Е. 25 — 55; 28 — 92

- Бордо М. 26 – 52
 Борисенко 27 – 80
 Борисов В. 26 – 25; 27 – 92
 Борисов Вл. 25 – 17, 116,118,122; 26 – 47, 111,115,116
 Борич Г. 25 – 114
 Боровик Г. 27 – 23
 Боровский В. 25 – 120 27 – 11,93
 Бородин Л. 26 – 111; 28 – 4
 Бохенский 25 – 57
 Браиловский В. 26 – 115
 Брандес Г. 25 – 116
 Брандыс 25 – 57
 Браунек М. 25 – 63
 Брежнев Л. 25 – 75, 117,118; 26 – 6,30, 37,60,101,115; 27 – 16,49,89-91; 28 – 15, 60,88,92-94
 Бресенден Е. 26 – 56
 Бриджес Г. 27 – 89
 Бродский И. 28 – 31
 Будулак-Шарыгин Н. 25 – 46; 28 – 13,19, 21-24,64
 Буковская Н. 25 – 119; 28 – 42,46, 57,60
 Буковский В. 25 – 6, 24,26,35-48,98,122; 26 – 21,42-50,60, 117; 27 – 6,32,37, 38; 28 – 63,64
 Бухарин Н. 27 – 16
 Быкова Е. 26 – 114
 Вайль Б. 27 – 4
 Валитова И. 26 – 114
 Ванс С. 28 – 34
 Василик В. 25 – 120
 Васильев 25 – 33
 Васильев В. 28 – 95
 Васильева А. 25 – 104
 Великанова Т. 25 – 55,118,121; 26 – 25, 115; 27 – 7,62, 91; 28 – 66
 Вельчинская Н. 26 – 75
 Венцлова А. 25 – 32
 Венцлова Т. 25 – 31, 32-34; 26 – 35; 27 – 4,6,10,15; 28 – 42
 Вербицкий 26 – 37
 Вибе П. 26 – 76
 Вивчар З. 28 – 92
 Вильчинская З. 26 – 79
 Вильямс Н. 25 – 4
 Вильямс Э.Б. 26 – 111; 28 – 43,44
 Винавер Е. 26 – 108
 Винавер М. 25 – 108, 110; 26 – 105-108
 Винс Г. 25 – 5; 26 – 74,78,79; 28 – 7
 Винс Л.М. 26 – 79
 Винс П. 25 – 55; 27 – 7
 Витковский Д. 26 – 110
 Владимов Г. 28 – 29-31,88
 Власова Е. 28 – 53
 Военный М. 25 – 116
 Вознесенская Ю. см. Окулова Ю.
 Войнович В. 27 – 4; 28 – 88
 Волисская В. 25 – 55
 Волков О. 25 – 4
 Волощук А. 26 – 111, 115,117
 Волощук Л. 26 – 111
 Вольшин А. 25 – 9; 26 – 47,94-100; 28 – 67,79
 Воробьев О. 25 – 55
 Воронель А. 25 – 120
 Воронина Л. 26 – 35, 87-89
 Воснятин В. 28 – 94
 Восс Ю. 26 – 52
 Вулф М. 28 – 43
 Высоцкий В.Б. 27 – 41
 Гавел В. 25 – 54; 26 – 85
 Гаврилов Г. 27 – 9
 Гайек И. 25 – 54
 Галецкий Р. 26 – 111; 27 – 62
 Галич А. 28 – 61-63
 Гамсахурдия З. 25 – 116,118; 26 – 7-9,24, 26,38,41,55,114,117; 27 – 33; 28 – 7,43,46, 88,92
 Гамсахурдия К. 26 – 7,24; 27 – 33
 Гамсун К. 25 – 116
 Ганджук В. 25 – 117
 Ганецкий Я. 25 – 113
 Ганкин В. 28 – 88
 Гаруцкас, о.К. 25 – 31,32; 27 – 15
 Гастев Ю. 25 – 120; 26 – 25
 Гаяускас Б. 26 – 23; 28 – 7,95
 Гегель 25 – 73
 Гель И. 25 – 44
 Гельфанд Ю. 25 – 55
 Гендин Л. 25 – 55
 Генкин С. 25 – 55
 Генкины А. и Б. 27 – 91
 Герек 25 – 57
 Германов А. 28 – 65
 Германюк У. 26 – 79
 Гернет 28 – 10
 Гершуни В. 26 – 47
 Гессен 27 – 73
 Гинзбург А. 25 – 4, 7-9,14,22,40,47,83, 117,119; 26 – 8,14,

- 16,23-26,38,39,59,110,
112-115,117,118; 27-
7-9,23,24,29,31,89;
28-7,25,35,43,46,
59,64,65
Гинзбург Л. 27-8,89
Гинзбургс Дж. 25-
65-71; 26-66-72
Гитлер А. 28-85
Гладких Б. 26-113
Гладко Г. 28-64
Глузман С. 25-5,
117; 26-50; 27-
14,38,89,92; 28-7,
55-60,88,92
Гнедин Е. 27-89
Говдун Ю. 28-60
Гоголь Н. 25-16
Годыло 27-41
Голдберг А. 28-32
Голдырев 28-60
Голедина 28-60
Голумбиевская А.
26-114; 28-96
Гольдовский 28-10
Гольдштейны Г. и И.
25-55; 26-114,115
Гольцман 27-73,75
Гомулка 25-59
Гончар 28-57
Горбаль Н. 27-93
Горбаневская Н. 26-
47,57
Горбач А.-Г. 28-58
Горелик 27-77
Горетой Н. 26-114;
27-93
Горланов А. 27-82
Городенцев С. 26-
114
Горченко А. 26-111
Горченко С. 26-111
Горький М. 25-105,
107,110-113; 26-
106,108
Грабанс И. 25-117
Гриванс Х.М. 28-42
Григоренко З. 25-
55; 27-7,62,91;
28-66
Григоренко П. 25-
18,55,117,119,122;
26-7,12,19-22,47,
49,111,114,115; 27-
7,23,32,62,89,91,92;
28-66,88,92
Гримм Ю. 27-7,
91; 28-92
Гринькив Д. 28-
55,56,58,59
Грицак Е. 25-55
Громыко А. 25-69;
28-38
Гумилев Н. 28-30
Гуревич Е. 27-91
Гуревич М. 27-91
Гусев С. 25-10-14;
26-18,122
Гюго В. 28-10
Давид, патриарх 26-
8
Давыдов 28-10
Дандарон Б. 25-115
Данилов Н. 26-47
Даниэль Ю. 25-7;
26-29,45; 28-31
Дарвин Ч. 26-43
Дарндорф 26-113
Дворянский В. 27-
44,47
Дейнега Н. 26-76,77
Демидов Д. 28-55,
56,58,59,60
Дербенева 27-41
Джанелидзе Т. 26-
114
Джексон Г. 25-30
Джемилев М. 25-5,
44,116; 26-30,116;
27-43,93; 28-4,64
Джилас М. 25-20;
26-45
Джойс Дж. 25-32
Джэкоби Д. 28-43,
44,46
Дзержинский Ф. 25-
106,111; 26-106
Дмитриева С. 28-47,
49
Добинас 26-36
Добровольскис С. 25-
33
Добрынин А. 25-25
Дойников 28-47,48
Домбровская 26-79
Дон Левин И. 25-
115-116
Достоевский Ф. 28-
10
Драгош Н. 27-9
Дрейфус 25-14
Дубицкий 26-73
Дубнов С. 26-109
Дубнова-Эрлих С.
26-105-109
Дубинский 27-23
Лудко, о.Д. 26-110;
27-31,33,34,36,92
Дудченко 27-41
Дымко Т. 27-91
Дымшиц М. 28-59
Дыгюк Н. 27-42
Дэвис А. 28-44
Д'Эстен Ж. 25-119
Евдокимов Б. 27-38
Евсеева И. 28-53
Евтухович 26-75
Егидес 26-47
Ежов Н. 26-106
Ельчанинов 27-84
Ень 27-11
Есенин С. 28-30
Жарких Ю. 26-12
Жвания В. 28-92,96
Жвания Н. 28-96
Желудков, о.С. 25-55
Животягина 26-75
Жипре А. 28-95

- Жолковская И. 25 – 7-8,117; 26 – 111,114
 Жукаускас Ш. 28 – 55,58,59
 Журавков 28 – 16,18, 55,56,89,91
 Забар Г. 27 – 41
 Завуров А. 25 – 117, 118,120
 Закс Ю. 25 – 55
 Залмансон В. 28 – 55, 56,57,59
 Залмансон С. 25 – 26
 Зея Я. 25 – 60
 Зиновьев А. 27 – 89
 Зограбян Р. 28 – 88, 95,96
 Золотухин Б. 28 – 43
 Зосимов В. 25 – 43; 26 – 116
 Зурабишвили О. 28 – 46
 Иванов В. 25 – 37-38, 121
 Иванов Н. 27 – 9
 Иванченко А. 27 – 7, 91
 Игрунов В. 25 – 4; 26 – 47; 28 – 64
 Икрамов 27 – 16
 Ильин 25 – 120
 Ильина Э. 25 – 121
 Ильичев И. 28 – 65
 Иокубинас К. 25 – 33
 Ионеско Э. 25 – 57
 Ирадян А. 28 – 89
 Исакова В. 25 – 55
 Исмаилов С. 27 – 41
 Каволюнас В. 28 – 57, 59,89
 Казачков М. 28 – 55, 56,58,59,60
 Кактитс 28 – 17,58
 Калинец И. 27 – 14; 28 – 55-60,89
 Калинин В. 28 – 25
 Каллистратова С.В. 25 – 55,122; 26 – 7, 114,115; 27 – 63, 91; 28 – 92
 Каминская Д. 25 – 121; 28 – 4,42,43
 Камов (Кандель) Ф. 25 – 55; 26 – 88
 Кампов П. 25 – 117
 Кандыба И. 27 – 7
 Капитанчук В. 26 – 8-9,33,101-104; 27 – 92
 Капица 28 – 84-87
 Каплун И. 25 – 17, 55,118,122; 26 – 111; 27 – 12,38,62
 Караванский С. 25 – 44,117; 28 – 64,93
 Кардасевич Л. 25 – 55
 Карпенюк М. 28 – 21, 23,24
 Карпинский В. 27 – 17
 Картер Дж. 25 – 5-6, 12,13,25-28,118; 26 – 59,60,113,115; 27 – 91,92; 28 – 21, 32,40, 93
 Касумов 28 – 92
 Качулина Н. 28 – 52, 53
 Квачевский Л. 25 – 24; 27 – 6
 Квачевский О. 27 – 62
 Квецко Д. 27 – 89
 Киблицкий И. 25 – 122; 26 – 12; 27 – 32
 Киевский 25 – 57
 Кийренд М. 28 – 7
 Киндурис 28 – 56
 Киселевский 25 – 57
 Кислик В. 26 – 122; 28 – 89
 Киссинджер Г. 25 – 26, 29
 Киц Н. 27 – 46
 Кларк Р. 28 – 43,44
 Классен Н. 28 – 42
 Клешин 28 – 12
 Клименко 27 – 9
 Климов 27 – 16
 Ковалев С. 25 – 4,5, 28,32,33,46,116,119; 27 – 14,92; 28 – 5,7, 43,55,56,58,59,64,89
 Ковтуненко М. 25 – 118
 Колдуэлл Э. 26 – 112
 Колосов М. 28 – 29
 Колуцкий 27 – 45,47
 Кольман Э. 27 – 35,36
 Комарова Н. 28 – 92
 Конквест Р. 25 – 113; 27 – 22
 Конов 27 – 46
 Кончаковский Н. 28 – 25
 Копелев Л. 26 – 114; 27 – 4,22
 Корвалан Л. 25 – 26, 122; 26 – 117
 Коризора Я. 28 – 16, 17,58
 Корнилов В. 25 – 55; 26 – 12,112,114; 28 – 66
 Коробова Т. 27 – 42
 Коровин О. 26 – 75
 Короленко 28 – 10
 Корти М. 28 – 42
 Косован Н. 27 – 41
 Костава М. 26 – 8-9, 24,26,38,41,55,114, 117; 28 – 4,7,43,46,92
 Косыгин А. 25 – 79; 27 – 89,92
 Котлярский М. 27 – 89
 Котова 28 – 57-58
 Котович М. 27 – 89

- Коц Н. 25 – 120
 Коцюбинская М. 26 – 23
 Кочергин 26 – 113
 Кравцова Г. 26 – 114
 Кравченко Н. 27 – 92
 Красивский З. 26 – 47; 27 – 38
 Красилов А. 26 – 110
 Красин В. 26 – 39
 Краснов-Левитин А. 25 – 9; 26 – 57,110
 Красюкова А. 27 – 44
 Кремень М. 26 – 112
 Крестинский 27 – 16
 Кропивницкая В. 26 – 12
 Крупенькова И. 28 – 51,54
 Крымски Дж. 26 – 116
 Крючков Г. 26 – 74, 79
 Кудирка С. 25 – 26
 Кузнецов С. 26 – 75
 Кузнецов Э. 25 – 15; 28 – 91,92
 Кузьмин 26 – 9-10
 Кукобака М. 26 – 47; 27 – 89
 Кукушар 28 – 89
 Кульш 28 – 58
 Куронь Я. 25 – 56, 60,64
 Курчатов 28 – 85
 Кучеренко 27 – 46
 Кушников П. 27 – 72-88
 Лаврентьев 28 – 86
 Лавут А. 25 – 55; 27 – 7,62,91
 Ладов Л. 28 – 89
 Ланда М. 25 – 55,117, 118,119,121; 26 – 9, 10,14-15,23-28,112, 114,115; 27 – 28-30, 89,91,92; 28 – 7, 63-66, 92
 Ланда Н. 26 – 112; 28 – 63
 Лапиенис В. 25 – 33, 122
 Ларин Ю. 27 – 16
 Ларина А. 27 – 16
 Ласота-Заблудовски И. 25 – 56-64
 Лебеденко А. 26 – 110
 Левин И. 25 – 55; 26 – 112
 Левин С. 25 – 55
 Ленин В. 27 – 17,34, 55,60,72,73-75,81, 86,88; 28 – 88
 Лернер А. 25 – 19,55, 117,119; 26 – 88; 27 – 32
 Лерт Р. 27 – 62,89; 28 – 66
 Лещинский Я. 28 – 42
 Липавский С. 25 – 19; 26 – 26,89; 28 – 96
 Липинский А. 25 – 112
 Липинский Э. 25 – 57,60
 Липсон Л. 26 – 9-10
 Лисовой В. 26 – 116; 28 – 59
 Литвин Ю. 28 – 89
 Литвинов П. 25 – 9
 Лоубер Г. 28 – 91
 Луи В. 25 – 12
 Лукаускайте-Пошкене О. 25 – 31-33; 27 – 15
 Лукин Т. 26 – 76
 Лукьяненко Л. 26 – 48; 27 – 7; 28 – 4
 Лупинос А. 25 – 44; 27 – 38
 Лурь Ю. 28 – 42
 Лычак П. 28 – 18,55,56
 Любарский К. 25 – 4, 55; 26 – 24,112; 27 – 4,30,91; 28 – 42, 47-49,89,92
 Ляхов А. 28 – 89
 Маевский М. 25 – 61
 Май А. 25 – 55; 26 – 88
 Майден 26 – 111
 Майер Я. 25 – 117; 26 – 76,77
 Макаренко М. 25 – 5; 28 – 47,89
 Макдональд Дж. 28 – 43-46
 Максимов 27 – 73
 Максимов В. 25 – 114
 Максимов Л. 28 – 51
 Малхасян А. 28 – 89
 Мальро 25 – 57
 Мандельштам Н. 25 – 113
 Мандельштам О. 25 – 32; 28 – 63
 Манн Т. 25 – 116
 Маресин В. 26 – 118
 Маринович М. 26 – 23, 26; 27 – 7,90-92; 28 – 7
 Марков О. 25 – 101-113
 Маркосян Р. 28 – 13, 20,89,95,96
 Маркс К. 27 – 34,72, 86,88
 Марченко А. 25 – 43, 115,116,121; 27 – 22-25,91
 Марченко В. 25 – 117; 27 – 14; 28 – 55,89
 Масера 28 – 46
 Матвиюк К. 26 – 112
 Матияш А. 26 – 116
 Матуленис И. 25 – 33, 122
 Матусевич Н. 26 – 23, 26; 27 – 7,90-92; 28 – 7
 Матусевич О. 27 – 89
 Мах 27 – 76
 Машкова В. 25 – 55, 117,119; 28 – 13-14,89,90

- Медведев Ж. 26 – 47, 110
Медведев Р. 26 – 110, 112, 114; 27 – 4
Медведева С. 28 – 52, 53
Мейман Н. 25 – 24, 55; 26 – 13, 122; 28 – 90, 92
Мелашенко А. 26 – 79
Мельчук И. 25 – 15, 16; 27 – 4
Менделевич И. 25 – 119
Менжинский В. 25 – 106-107; 26 – 106
Мервиль П. 28 – 43
Метерлинк М. 25 – 116
Мешко О. 26 – 112; 27 – 7, 90; 28 – 42, 44, 92
Миана Р. ди 26 – 113
Миков 28 – 57
Миколайска 25 – 57
Милде М. 28 – 43
Мильгром И. 26 – 112
Миндсенти, кардинал 25 – 114
Мини Дж. 25 – 35, 37
Миняков Д. 26 – 74, 76, 79
Митюкова Н. 28 – 48
Митяшин Б. 28 – 90
Михайлов М. 25 – 14
Михайлов Ю. 25 – 122
Млинарж З. 26 – 80-86
Мнюх Ю. 25 – 24, 55; 26 – 24, 25, 110, 112
Могильная 28 – 29
Модзелевский К. 25 – 56, 50
Моисеев И. 26 – 76, 77
Монастырский Б. 28 – 55, 58, 59, 96
Мондейл 25 – 6
Моргиевич Э. 25 – 60, 115
Морев Д. 28 – 96
Моретт Ф. 28 – 43
Мороз В. 25 – 5, 44, 115; 26 – 112; 28 – 64
Мороз Р. 26 – 112
Морозов 26 – 46
Морозов М. 25 – 55
Мурашов 27 – 8
Мустафаевы А. и Аф. 27 – 93
Мухаметшин Б. 28 – 55, 59
Мюллер З. 28 – 43
Мякшина Л. 28 – 53
Мятки К. 28 – 55, 58, 59
Нагорный 27 – 9
Назарук 26 – 75
Назарян Р. 28 – 90
Наприенко В. 25 – 117; 26 – 77, 79
Нарица М. 25 – 120; 27 – 90
Нарица П. 25 – 120
Нашпиц М. 26 – 88
Недзельский 27 – 84, 88
Недосеко 27 – 80
Некипелов В. 26 – 112-114; 27 – 90, 91; 28 – 92
Нелипович 28 – 55, 56, 57, 60
Никлус М. 27 – 93
Николаев Е. 26 – 112
Никсон Р. 26 – 87
Ницше Х. 28 – 43
Новаковский 25 – 57
Новиков 28 – 19
Нудель И. 25 – 43, 55
Ньютон И. 27 – 73
Обертас Е. 26 – 23
Обидин В. 26 – 114
Овсиенко В. 28 – 90
Овчинников В. 26 – 12
Огарков 26 – 112
Огородников А. 27 – 33, 34, 90
Огурцов И. 26 – 113, 114; 28 – 7
Окуджава Б. 27 – 4; 28 – 63
Окулова (Вознесенская) Ю. 26 – 116; 28 – 50-54
Олейник И. 28 – 53
Ольбрыхский Д. 25 – 63
Орлов Ю. 25 – 4, 14, 22, 23, 31, 32, 40, 47, 72-75, 83, 117, 118, 120; 26 – 5-6, 8, 12, 23-27, 30, 31, 36, 38, 39, 54, 59, 113-115, 117, 118; 27 – 18, 19, 31, 91; 28 – 7, 25, 35, 43-46
Осадчий М. 25 – 44; 28 – 90
Осипов В. 25 – 118; 26 – 110; 28 – 7, 13-14, 19, 20, 90
Осипова Т. 25 – 55
Османов Д. 27 – 44
Павленко Г. 28 – 53
Павленкова С. 28 – 4
Павлов 26 – 9-10
Павлов 27 – 87
Павлов В. 25 – 36, 121; 26 – 34
Павлов Л. 26 – 113
Пайдак А. 25 – 60
Пайлодзе В. 25 – 118
Панов 28 – 57
Панов В. 25 – 16
Пастернак Б. 25 – 32; 28 – 31
Пасюта В. 27 – 40, 42
Паточка Я. 25 – 54
Паулайтис П. 28 – 25
Путкин 27 – 84, 87
Пауэрс 28 – 44

- Педан Л. 26 – 115
 Переверзев 27 – 79
 Передереев В. 26 – 76
 Перетыкин Е. 26 – 114
 Перфирьев 27 – 79, 80
 Перчаткин Б. 26 – 114
 Петренко 26 – 75
 Петров 28 – 16, 17, 55, 56, 58, 59
 Петров-Агатов А. 26 – 26, 112, 115
 Пешков М. 25 – 113; 26 – 108
 Пешкова Е. П. 25 – 101-113; 26 – 105, 108
 Пидгородецкий В. 28 – 90
 Пикулин 28 – 20
 Пильняк Б. 25 – 105
 Пимен, патриарх 27 – 93
 Пинский Л. 25 – 122; 26 – 12
 Пипе А. 26 – 116
 Пирогов С. 28 – 42
 Писарев С. 26 – 44
 Плеханов Г. 27 – 72, 81
 Плужник 28 – 57
 Плумпа П. 25 – 119; 27 – 14; 28 – 18, 55-59, 90
 Плющ Л. 25 – 24; 26 – 21, 47; 27 – 6; 28 – 42, 64
 Побережнюк А. 27 – 40, 42
 Подгорный Н. 25 – 118; 26 – 111, 112, 115; 27 – 64, 89, 92; 28 – 22
 Подрабинец А. 25 – 122; 26 – 10, 19, 113; 27 – 12, 38; 28 – 92
 Подрабинец К. 28 – 90
 Подрабинец П. 27 – 91
 Поламarchук С. 26 – 78
 Полищук А. 25 – 55; 28 – 42
 Полушина В. 26 – 79
 Полуэктова Л. 27 – 62
 Помоз 28 – 60
 Пономарев А. 26 – 47
 Попадиченко 28 – 56, 58
 Попов А. С. 28 – 43
 Поповский М. 27 – 4, 93; 28 – 4, 96
 Пospelов П. 27 – 17
 Поттер Ф. 27 – 91
 Прибытиев 28 – 56
 Притыка А. 25 – 123
 Пронюк Е. 25 – 5; 26 – 116
 Прытков 25 – 18
 Пуртов И. 27 – 11, 93
 Пуртов С. 27 – 11, 93
 Пухляков 25 – 33
 Пушкарева 28 – 53
 Пушкин А. 27 – 23
 Пэнсон Б. 25 – 115; 28 – 24
 Пятигорский А. 25 – 115
 Пяткус В. 25 – 31, 32; 26 – 35, 37; 27 – 4, 9, 15; 28 – 7
 Рабин А. 26 – 12
 Рабин О. 25 – 119, 122; 26 – 12; 27 – 32
 Равиньш М. 28 – 13, 20-24
 Рак 28 – 18, 56, 58
 Ранина 27 – 80
 Раппопорт Р. 28 – 44
 Рассел Б. 25 – 116
 Рафальский В. 27 – 38
 Ребенкова 28 – 47
 Ребрик Б. 26 – 118
 Регельсон Л. 25 – 55; 26 – 57; 27 – 32, 33, 90, 92; 28 – 90
 Реддавей П. 26 – 51-58
 Резников А. 25 – 123
 Реймер Г. 25 – 123
 Репников В. 28 – 92
 Римкус Л. 26 – 35
 Рогов 27 – 10
 Роде Г. 27 – 90
 Родионов В. 25 – 55
 Рожанский А. 28 – 43
 Розанов В. 28 – 10
 Розенбуш А. 28 – 42
 Розенштейн Г. 26 – 113
 Рокотов 28 – 11
 Роллан Р. 25 – 116
 Романюк о. В. 25 – 5; 28 – 7, 90, 91, 93
 Ромм М. 28 – 51
 Ротенко 28 – 56, 57, 59
 Рошин Б. 26 – 117; 27 – 36, 90, 92
 Рубан П. 25 – 5, 14, 118; 26 – 117; 28 – 7
 Рубцов В. 25 – 118
 Руденко Н. 25 – 4, 14, 22, 40, 47, 76, 118, 122; 26 – 8, 16, 24, 26, 38, 39, 59; 27 – 11; 28 – 7, 35, 43, 88, 91, 93, 94, 96
 Руденко Раиса 28 – 91
 Руденко Р. 25 – 118; 26 – 9; 27 – 89, 92
 Руднев-Базаров В. 26 – 107-108
 Румачик Л. 26 – 79; 28 – 91
 Румачик П. 26 – 78, 79; 28 – 91
 Румянцев В. 25 – 55
 Русак И. 28 – 53
 Рцхиладзе В. 26 – 24, 115; 28 – 4, 95
 Рыбаков Ю. 25 – 4
 Рыжук Л. 26 – 79
 Рыков 27 – 17
 Рытикова Г. 26 – 79

- Сабин 27 – 76-78
 Садо М. 28 – 59
 Садунайте Н. 25 – 33, 46
 Салова Г. 25 – 55; 28 – 48
 Самсонов Н. 26 – 45
 Сандомирская О. 25 – 104
 Сапеляк С. 28 – 55, 56, 58, 59, 89, 90, 91
 Саркисян Э. 28 – 55, 58, 59
 Сартр Ж.-П. 25 – 57
 Саушкин Е. 27 – 9
 Сафронов А. 28 – 57
 Сахаров А. 25 – 5, 8-9, 10-14, 22, 25, 28, 30, 37, 38, 55, 75, 87, 114-116, 118, 119; 26 – 6, 7, 16-18, 21, 24, 30, 59, 60, 87, 110, 112-115; 27 – 22, 23, 89, 92; 28 – 6-12, 20, 22, 66, 82-84, 87, 92, 93
 Сахаров И.Н. 28 – 10
 Сваринскас А. 25 – 33
 Сверстюк Е. 25 – 119; 27 – 14
 Светличная Н. 25 – 118, 119; 28 – 64
 Светличный 26 – 45, 46
 Светличный И. 25 – 5, 117; 27 – 14; 28 – 15-17, 55-60, 91
 Сеитмуратова А. 25 – 118; 28 – 91
 Сеитванов Э. 27 – 44
 Селимов А. 27 – 40
 Селимов Ш. 27 – 42
 Семенов 26 – 37
 Семенова 25 – 5; 28 – 7
 Семенова Т. 25 – 13, 55
 Семенюк Р. 28 – 25
 Серая В. 25 – 55; 26 – 114, 116
 Сергеев Г. 27 – 46
 Сергеев Ю. 28 – 91
 Сергиенко А. 25 – 5; 26 – 112; 28 – 7, 42-44, 58, 59, 92
 Серебренников П. 26 – 74, 78-79
 Серебров Ф. 25 – 122; 26 – 12, 113; 27 – 12, 32, 38; 28 – 7, 91
 Серый Л. 25 – 37, 55, 118, 121; 26 – 114, 116
 Сивак И. 25 – 38, 121
 Симес К. 28 – 4
 Синильников Д. 27 – 90
 Синявский (Терц) А. 25 – 7, 114, 115; 26 – 29, 45; 28 – 31
 Сквирский В. 27 – 7, 91
 Сладкявичус В. 25 – 32
 Слепак В. 25 – 19, 55, 119; 26 – 23-28, 114, 115; 28 – 96
 Слинин А. 28 – 64
 Слободян 28 – 57-60
 Случевский 26 – 43
 Смиртюков М. 25 – 79
 Смрковский Й. 25 – 115
 Снегирев Г. 27 – 4, 90; 28 – 91, 93
 Снежневский 26 – 43, 44, 46, 47
 Сокирко В. 27 – 90
 Соколов 27 – 46, 47
 Соколов 28 – 47, 48
 Сокульский И. 26 – 48
 Солдатов С. 25 – 118; 27 – 92; 28 – 7, 13, 19-24, 93
 Солженицын А. 25 – 7-9, 37, 75, 114; 26 – 14, 21, 23, 57, 59, 115; 27 – 22, 23, 29; 28 – 31, 51
 Соловьев 28 – 10
 Соловьев 28 – 25
 Сорока С. 26 – 115
 Спарре В. 28 – 46
 Сталин И. 25 – 11; 26 – 42, 44, 110; 27 – 15, 35, 72, 77, 86, 88; 28 – 83-86
 Старчик П. 25 – 18, 118, 119, 121; 26 – 47
 Стасова Е. 27 – 17
 Стейнсбергова А. 25 – 60
 Степонавичюс Ю. 25 – 32
 Строкатова Н. 25 – 55, 117, 119, 123; 27 – 7; 28 – 64, 91
 Стрыйковский 25 – 57
 Стура М. 27 – 23
 Стус В. 25 – 119; 28 – 24
 Суперфин Г. 25 – 15-16, 46; 26 – 115; 28 – 7
 Супрунович 26 – 75
 Сурков А. 25 – 76
 Сусленский Я. 25 – 45; 28 – 64
 Сухарев А. 26 – 117
 Сытин 28 – 10
 Танаки 25 – 67
 Тапеня Т. 28 – 52, 53
 Таратухин С. 28 – 56, 59
 Тарле Е. 25 – 104
 Тарсис В. 26 – 46
 Тарто Э. 28 – 95
 Тарусевич М. 25 – 115
 Татос А. 28 – 91
 Твардовский А. 28 – 31
 Твердохлебов А. 25 – 28; 26 – 113; 27 – 37
 Теребилов 28 – 58

Тереля И.	26 – 113; 27 – 93; 28 – 91,92	Фактор А.	25 – 118	Хебли Х.	26 – 52
Тереля О.	28 – 91	Фактор Л.	25 – 118	Хейфец М.	28 – 13, 19-20,92
Терлецкас А.	27 – 9-10	Фассел	26 – 113	Хельмбакк Г.	28 – 29
Терц А. см. Синяв- ский А.		Фауст Э.	28 – 43	Хлгатян А.	28 – 92
Тимирязев	27 – 74	Федин	27 – 72, 76-78,86	Хмара Н.	26 – 77
Тимохин В.	27 – 10, 38,93	Федоренко В.	25 – 5, 43; 26 – 118; 28 – 64	Хованский Н.	27 – 90
Титов	28 – 89,91	Федоров	28 – 17, 55-60	Ходжаев	27 – 16
Титов В.	26 – 47	Федоров Ю.И.	27 – 8, 90	Ходорович Т.	25 – 118,119,121; 26 – 14, 15,25,57,113-115; 27 – 28,30,32,91,92; 28 – 4,42,92,93
Титова В.	28 – 53	Федоров Ю.П.	25 – 5; 26 – 113	Холл Б.	28 – 43,44
Тихий А.	25 – 4,14, 22,40,47; 26 – 16, 24,26,38,39,59; 28 – 7,35,43,88,93,94,96	Федорова О.	27 – 90	Холш Э.	28 – 42
Ткаченко П.	26 – 73	Федорчук	26 – 111	Хорев М.	26 – 76,79
Толстой Л.	28 – 10	Федотов Г.	25 – 118	Храмцов Ю.	28 – 25
Томонис М.	25 – 33	Федулова В.	28 – 94	Храпов Н.	26 – 74,79
Тот Р.	27 – 93; 28 – 40	Фенвик М.	26 – 113	Христофоров Н.П.	28 – 96
Тракимас	28 – 56	Фигнер В.	25 – 105	Хрущев Н.	25 – 75; 26 – 5,42,44,45,53, 54; 27–17; 28 – 81-87
Троцкий Л.	27 – 73	Филимонов В.	25 – 119; 26 – 11	Целых А.	27 – 11,93
Труфанов	27 – 74, 76-79,83,86,87	Финкельштейн Э.	25 – 32; 26 – 25; 27 – 15, 90; 28 – 92,93	Цирлин А.	27 – 90
Тун М.	28 – 39	Флоренский о.П.	27 – 35,36	Цитленок Б.	26 – 88
Тупкявичюс	28 – 56	Фомин	27 – 86	Чаадаев П.	28 – 63
Турчин В.	25 – 22,55, 119; 26 – 5-6,25,59, 113,114; 27 – 4,19, 62,91; 28 – 42,66	Форд Дж.	25 – 26	Чаковский А.	27 – 90
Тымчук Л.	26 – 114	Фоссет У.	26 – 115	Чалидзе В.	25 – 9,11, 12,19,24,26-30,82-100; 26 – 39,41; 27 – 6; 28 – 61-62, 67-81
Тюмач	28 – 56	Френдли А.	26 – 113	Чапек К.	25 – 116
Удам Э.	27 – 90; 28 – 92,95	Фридман	27 – 75	Чекалин А.	25 – 45
Узлов В.	27 – 9; 28 – 4	Фурман Л.	25 – 120, 123	Чернобыльский Б.	25 – 55
Улановский Л.	25 – 55	Хайбулин В.	26 – 8-9, 33,101-104; 27 – 92	Черновол В.	25 – 44, 46,115; 27 – 92; 28 – 7,13,19-24
Утыро	28 – 57	Хайло В.	25 – 118	Черняк	28 – 56,57,60
Ушаков Г.	28 – 19, 21-28,92	Хакимов	27 – 72,77, 88	Чивер Дж.	26 – 112
Фадеев	28 – 31	Халилова К.	28 – 53	Чуковская Л.	25 – 116
Файбищенко	28 – 11	Ханженков С.	27 – 9	Шабанов Э.	27 – 44
Файзуллаев В.	25 – 119	Харчих Э.	27 – 42		
Файн В.	27 – 92; 28 – 92	Хахаев С.	27 – 9		
		Хвольсон	27 – 74, 75,82,86		

Шабатура С.	25 – 117; 28 – 24,64	Шох П.М.	26 – 78	Юргутене М.	26 – 113
Шаймухамедов Р.	28 – 12	Шульц Ф.	26 – 44	Юскевич А.	28 – 13
Шакиров Б.	28 – 13, 19,21-24	Шумук Д.	25 – 44; 28 – 92,93	Яблочкина А.	25 – 105
Шарынов	28 – 56	Шухевич Ю.	25 – 44	Ягода Г.	25 – 107; 26 – 106
Шафаревич И.	25 – 8, 9,119; 26 – 57,110, 111; 27 – 19,35,90	Щаранский А.	25 – 4, 55,119; 26 – 16,23, 25-27,38,39,59,87-89, 112-116; 27 – 31,32, 92; 28 – 7,35,43,44, 46,90,92,93,96	Якир Е.	25 – 55
Шахвердян Б.	27 – 14; 28 – 95	Эйнштейн А.	25 – 116; 27 – 72-74,81,82,86,87	Якир И.	25 – 55
Шацких	28 – 53	Элиот Т.С.	25 – 32	Якир Р.	25 – 55
Швейский В.	27 – 46	Эльская Н.	26 – 12	Якир П.	26 – 39; 27 – 8
Шевелев С.	26 – 116	Энгельс Ф.	25 – 73; 27 – 88	Якунин о.Г.	26 – 8-9, 33,57,101-104; 27 – 31,33,36,62,91,92
Шелков В.	26 – 113; 28 – 92	Эрвин	25 – 12	Ямпольский Б.	26 – 110
Шер А.Б.	25 – 104	Эрлих Г.М.	26 – 109	Янкелевич Е.	25 – 14, 55,116; 27 – 4; 28 – 42
Шестакова В.	28 – 94	Эскин	25 – 74	Ярилов К.	28 – 96
Шмидт Р.	28 – 25	Эткинд Е.	25 – 115	Ярунин	28 – 90
Шовковский В.	28 – 93	Юдович Л.	28 – 42	Ярым-Агаев Ю.	26 – 114
Штерн М.	25 – 5; 26 – 88,115			Яснов	26 – 112
Штеффен И.	26 – 74			Яхимович И.	26 – 47
Штиглиц Н.	26 – 87			Яшкунас Г.	27 – 93

\$ 5. 00